

"Проект «Обольщение»"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Миранда ЛИ

ПРОЕКТ «ОБОЛЬЩЕНИЕ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вот и двадцать пять стукнуло, думала Молли, зачесывая назад свои прямые каштановые волосы и укладывая их в пучок.

Четверть века.

Вздохнув, Молли машинальными движениями принялась втыкать шпильки — будешь уверенной, когда каждый день в течение нескольких лет делаешь одно и то же. А что? Прическа простая, практичная, а главное, дешевая. Чтобы сводить концы с концами, ей приходится беречь каждый заработанный цент.

Молли оценивающе оглядела себя в зеркале. Мда... Типичная библиотечарша. Аккуратная прическа. Строгая блузка. Плиссированная юбка до колен. Она грустно улыбнулась собственному отражению — для полноты картины недостает только очков в роговой оправе, съехавших на кончик носа.

Она вдруг представила себя пятидесятилетней. А пожалуй ничего и не изменится, даже прическа останется прежней.

Все в тех же четырех стенах, вдвоем с мамой.

Все такая же некрасивая.

И по-прежнему без памяти влюбленная в Лайэма.

Молли содрогнулась — то ли от отчаяния, то ли от отвращения к себе. Давно же поняла, что любовь к Лайэму — абсолютно бесплодное чувство и все ее переживания по этому поводу — пустая трата времени.

Никогда ей не дожидаться его ответной любви!

Ну сколько, в самом деле, можно надеяться, что в одно прекрасное утро Лайэм проснется и поймет наконец, что живущей в соседнем доме девушке мало дружеских отношений, ей хочется всепоглощающей страсти. Молли давно распрощалась романтическими мечтами и иллюзиями, ей ли не знать, какого типа девушек приводил к себе домой Лайэм.

Они словно сошли с обложек глянцевого журналов... Не то что сама Молли, которую всю жизнь называли то «синим чулком», то книжным червем. Пышнотелым подружкам Лайэма мозги были совершенно ни к чему. Ему нравились девушки высокие, загорелые, с длинными ногами, большой грудью и блестящими волосами.

Сравнивая себя с ними, Молли с грустью отмечала, что, хотя грудь у нее вроде бы подходящая, ничто, кроме разве растяжки на дыбе, не прибавит ни дюйма к ее среднему росту, а ее волосы, пусть длинные и здоровые, никогда не будут такими блестящими и ухоженными, как у этих красоток.

Здравый смысл подсказывал ей, что рассчитывать ей на взаимность Лайэма не приходится. Однако все эти годы она берегла свое чувство к нему, и так свыклась с ним, что, исчезни оно

сейчас, она, пожалуй, и вовсе потеряет интерес к жизни. Зачем ей тогда оставаться в этом доме, который слишком велик для двух человек и слишком дорого обходится?

Делани были их соседями. Если Молли с матерью переедут, то она больше никогда его не увидит. Никогда не испытает радости, пусть даже горькой, смотреть на него, а сейчас он нет-нет да и зайдет к ней попить чайку и поболтать.

Лайэм называл ее своим лучшим другом, но Молли прекрасно знала, что это не так. Она просто была рядом, под рукой, всегда готовая выслушать его и поделиться с ним своими соображениями о его последней компьютерной игре или разработке в области дизайна, которыми он так увлекался.

На мгновение ее душу наполнило глубокое смятение, тут же сменившееся неожиданной вспышкой гнева. Как можно быть таким слепым и бесчувственным? Неужели Лайэм не видит, что его «лучший друг» задыхается в этом аду?

Лучшим друзьям полагается и в тяжелую и в радостную минуту быть рядом, разве нет? А что у них? Сегодня у нее день рождения, черт возьми! Но разве он об этом вспомнит? Как бы не так! Энергичный глава компании «От идеи к результату», разумеется, не помнит о подобных пустяках — слишком поглощен своим процветающим бизнесом. Черт возьми, он и дома-то почти не бывает! Она не видела его с самого Рождества, то есть добрых два месяца.

Не позвонит. Даже открытки не пришлет, не говоря уж о подарке. А она, дура, так всегда старается отыскать для него интересный подарок ко дню рождения. В прошлом году не поленилась и праздничный торт испечь!

— Молли, ну что ты там закопалась? Завтрак уже пять минут как на столе.

— Иду!

Завтрак состоял из вареного яйца с тонюсеньким ломтиком поджаренного хлеба, намазанного маргарином, стаканчика апельсинового сока и чашки черного кофе. Роскошный стол по сравнению с маленькой тарелкой овсянки, которую она обычно съедала по утрам!

С тех пор как два года назад отец умер от сердечного приступа, а ведь совсем еще молодой был — всего пятьдесят один год, мать, Рут Маккрэй, увлеклась всевозможными диетами. И справочник расчета калорий стал для нее чем-то вроде кулинарной библии.

Такая еда не доставляла никакого удовольствия сладкожке Молли, однако она не могла не признать, что все эти гастрономические новшества явно пошли на пользу ее формам, некогда чересчур пышным. Теперь она носила платья на два размера меньше и могла не стесняясь ходить на пляж. Если бы еще убрать ее «сезонные» веснушки...

— Ух ты! — воскликнула она, садясь за кухонный стол. — Какое пиршество!

— Ну, сегодня все-таки твой день рождения, дорогая, — сказала Рут. — Я собираюсь приготовить для тебя и праздничный ужин.

Легко представить меню этого «праздничного» ужина! Уж никак не запеченная в духовке свинина с хрустящей жареной картошечкой. Не будет и большого шоколадного торта и кофе со сливками.

— Замечательно, ма, — кивнула Молли и взяла нож, собираясь срезать верхушку с вареного

яйца.

— Ты разве не хочешь взглянуть на поздравительную открытку? — обиженным тоном спросила Рут.

Молли мысленно отругала себя. Положила нож и, взяв длинный белый конверт, прислоненный к вазе для фруктов, достала из него открытку с сентиментальными пожеланиями и пару лотерейных билетов, суливших выигрыш в полмиллиона долларов.

— Извини, что не смогла купить ничего другого.

Молли подняла глаза и весело улыбнулась матери.

— Не говори глупостей! Это просто чудесно. Надеюсь, я выиграю целое состояние, и мы с тобой отправимся в кругосветное путешествие.

— Ну, я-то вряд ли. По мне, нет ничего лучше родного дома. А ты, наверно, могла бы съездить, — неуверенно добавила она.

Молли понимала, что такая перспектива не радовала мать. Еще небось пожалеет, что дала дочери шанс — пусть даже минимальный — разбогатеть и упорхнуть из гнезда. Ну, это фантазии. Бояться нечего!

Застенчивая от природы, Рут Маккрэй после смерти мужа стала вести еще более замкнутый образ жизни. Она редко выходила из дому, разве только за покупками, да и то не дальше расположенного неподалеку небольшого торгового центра, где, кстати, располагалась и библиотека, в которой работала Молли. И никаких близких друзей; вся ее жизнь была отдана дому, саду и дочери.

Временами Молли казалось, что материнская любовь сковывает ее по рукам и ногам и мешает ей свободно дышать. Но в целом она принимала свою судьбу как должное. Она ведь плоть от плоти ее, а значит, девушка спокойная, нетребовательная и примерная дочь. У нее нет никаких амбиций, нет особых желаний.

Впрочем, зачем лгать самой себе? Было у нее одно-единственное томительное желание, которое не давало ей заснуть и выводило из равновесия. Но и в этом случае она научилась сдерживать свои чувства. Лайэм даже не догадывался, какие страсти бурлят в ее душе, когда он заглядывал в ее такие, казалось бы, спокойные зеленые глаза.

И не догадается никогда.

Это заключение вызвало новый всплеск гнева. Правда, злилась она теперь не на Лайэма, а на себя.

Ох и дура ты все-таки, Молли! Представь: одна из твоих подруг сохнет по мужчине, который даже не догадывается об этом, неужели ты бы не посоветовала ей выкинуть его из головы и жить в свое удовольствие? Тебе давно пора прислушаться к собственному совету.

Забудь о Лайэме! Живи и радуйся!

Молли снова взяла нож и решительно срезала верхушку яйца. Отныне и впредь она будет именно такой. Решительной.

Никаких глупых фантазий! Никаких переживаний! Лайэм всего лишь сосед и приятель!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Молли стояла возле библиотечного компьютера перед огромной стопкой возвращенных книг, когда что-то красное и сверкающее мелькнуло в поле ее зрения.

Взглянув через стеклянную дверь, она увидела, как на свободное место парковочной площадки прямо перед библиотекой заезжает новенькая красная машина. Не спортивная, но стильная и явно дорогая. Очевидно, какой-то новый посетитель, не знающий, что абонементный отдел по средам закрыт для публики.

Молли уже хотела вернуться к прерванной работе, когда дверца машины открылась, и она увидела до боли знакомое лицо.

Лайэм.

Ее сердце радостно забилося. Он все-таки вспомнил о ее дне рождения. И даже явился собственной персоной. Невероятно!

С умилением она наблюдала, как он закрывает дверцу и неторопливо идет к зданию библиотеки. Улыбнувшись ей через стекло, он негромко постучал по деревянной раме.

— Неужели не видят, что закрыто? — недовольно проворчала Джоан, просматривавшая новые издательские каталоги. С того места, где стоял ее стол, не было видно, кто стучит. Иначе она бы не стала ворчать по поводу визита непрошеного посетителя. Несмотря на свои тридцать три года, счастливый брак и трех детей, Джоан все еще интересовалась симпатичными мужчинами.

Лайэм именно таким и был. В свои тридцать лет он находился в расцвете сил. Высокий, атлетически сложенный, с красивым интеллигентным лицом. Одежда спортивного стиля подчеркивала его стройность и крепкую стать. Он обожал куртки и носил их круглый год.

Зимой это были куртки из мягкой замши, летом — из полотна или тонкой шерсти нейтральных тонов, под которые он надевал прохладные тенниски днем и шелковые рубашки вечером. Галстуки редко украшали шею Лайэма. А в смокинге Молли вообще его никогда не видела.

* * *

Сегодня на нем были джинсы, темно-синяя тенниска и кремовая полотняная куртка свободного покроя с закатанными по локоть рукавами. Его светлые волосы были длиннее, чем тогда, когда она видела его в последний раз, и несколько прядей в чарующем беспорядке падали на высокий лоб. Он выглядел просто потрясающе.

Молли тут же отложила свое решение «жить без глупых фантазий» еще лет этак на пять. До тридцати вполне можно не хоронить надежду на взаимность!

Лайэм здесь. Это что-то значит! Подумать только, он бросил свой драгоценный бизнес в рабочий день и проехал целых пятьдесят миль от Сиднея до Госфорда, чтобы поздравить ее с днем рождения!

— О Господи! Читать люди не умеют, что ли? Все ведь написано, — вскинулась Джоан, когда Лайэм постучал еще раз.

— Это мой знакомый, — сказала Молли. Джоан вскочила из-за стола.

— Но ведь это же... — При виде Лайэма она застыла на месте. — Ммм... да-да, твой знакомый...
— пробормотала она, поправляя свои блестящие черные волосы.

Молли вышла из-за стойки и торопливо направилась к двери. Она взглянула на Джоан — нет, она не опасна. Как-никак замужняя женщина. А у Лайэма было правило — не осложнять себе сексуальную жизнь.

«Не больше одной девушки одновременно, — как-то раз в порыве откровенности сказал он Молли. — И только если она свободна».

Подобные убеждения мужчины, которому женщины постоянно сами вешались на шею, казались удивительно консервативными, несовременными и несколько циничными.

Таковыми же несовременными были взгляды Лайэма на брак. Брак, по его мнению, должен быть один на всю жизнь. Вот почему он всегда говорил, что не собирается жениться, пока ему не перевалит за тридцать и он не добьется прочного финансового положения. Он не хотел ошибиться в выборе партнера.

— А пока суд да дело, — шутливо сказал он ей однажды, — я получаю массу удовольствия от «прослушивания» претенденток на роль миссис Лайэм Делани.

Молли всегда боялась, как бы одна из этих претенденток не стала объектом любви Лайэма, а не только его вожделения. К счастью, до сих пор этого не случилось: ни одна из его изумительно красивых подружек не удержалась в этом качестве дольше нескольких месяцев.

Однако его последняя пассия чуточку ее беспокоила. Эта превосходно сложенная блондинка по имени Рокси держалась уже полгода — для Лайэма это своего рода рекорд. Он даже приглашал ее к себе на рождественские праздники, так что у Молли была возможность оценить достоинства Рокси. А как она смотрелась в бикини — просто отпад!

Но сейчас не время думать о Рокси, сказала себе Молли, поворачивая ключ в замке и распахивая дверь. Сегодня у меня день рождения, и мой лучший друг приехал меня поздравить.

— Лайэм! — воскликнула она с улыбкой, глядя в его блестящие синие глаза.

— Привет, Молл. Извини, если помешал. Знаю, что ты работаешь, но мне было просто необходимо показать тебе новую машину. Забрал ее сегодня утром и не смог устоять перед искушением прокатиться. Не успел опомниться, как оказался уже на скоростном шоссе. В мгновение ока пролетел по мосту Хоуксбери и уже собирался повернуть обратно, как вдруг меня осенило. Какого черта, Лайэм, подумал я, ты работаешь без единого выходного целую вечность. Слетай-ка в Госфорд повидаться с мамой.

Он улыбнулся чуточку грустно, показав идеальные зубы и очаровательную ямочку.

— И, только остановившись около дома, я вспомнил, что сегодня мамин день для игры в гольф. Можешь себе представить, как это меня обескуражило. Но я никак не мог вернуться в Сидней, не показав машину хоть кому-нибудь. И, естественно, подумал о тебе. Что ты скажешь? — Он махнул рукой в сторону автомобиля. — Это новая «Мазда-Юнос-800». Потрясный цвет, верно?

Вся радость Молли испарилась в один миг. Лайэм приехал вовсе не из-за ее дня рождения. Он

просто хотел показать ей какую-то несчастную машину. Хуже того — не ей первой. Она едва потянула на второе место. Как всегда!

Молли поклялась себе, что никогда больше не позволит своим чувствам вырваться наружу. Она мельком взглянула на дурацкую машину и равнодушно пожала плечами.

— По-моему, Лайэм, любая красная машина как две капли воды похожа на любую другую красную машину, — холодно проговорила она.

Без всякого сомнения, его неприятно поразило ледяное безразличие, прозвучавшее в ее голосе, потому что он уставился на нее с ошеломленным выражением в прекрасных синих глазах.

Молли была раздосадована тем, что сразу же почувствовала себя виноватой. А еще собиралась скрывать свою любовь к Лайэму! Но на этот раз она ни за что не отступит. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

— Ты же меня знаешь, Лайэм, — тем же тоном продолжала она. — Я никогда не увлекалась машинами.

— Это потому, что ты так и не научилась водить, Молл. Ты бы больше ценила машины, если бы сама когда-нибудь посидела за рулем. Поехали, прокатимся немного. — Он взял ее за руку и потянул за собой на улицу.

— Лайэм! — запротестовала она, резко вырвав свою руку. — Я не могу. Я на работе.

— Но библиотека сегодня закрыта, — настаивал он. — Неужели тебя хватятся, если ты отлучишься на десять минут?

— Дело не в этом, — строго объяснила она. — Ты сам себе начальник, Лайэм, и волен приходить и уходить, когда тебе угодно, но большинство людей так не могут, и я в том числе. Кроме того, приближается время утреннего чаепития, и мне надо быть здесь.

Ее коллеги сложились, чтобы купить торт. Это делалось по традиции всякий раз, когда отмечался день рождения кого-то из сотрудников. Она никак не могла сбежать от настоящих своих друзей в угоду желаниям Лайэма.

— Не понимаю, почему ты не можешь уйти, — упрямо сказал он.

Разумеется, не понимаешь, возмущенно подумала Молли. А что, если сказать ему, просто чтобы он хоть на секунду почувствовал себя неловко?

Но ей не пришлось ничего говорить: все решилось само собой, когда из двери выглянула Джоан.

— Эй, именинница, все готово. Грег принес торт, и все двадцать пять свечей уже горят. Так что заходи и делай что положено. Если хочешь, можешь пригласить и своего симпатичного приятеля, — добавила она, окидывая Лайэма с головы до ног откровенно восхищенным взглядом. — Торт большой, на всех хватит.

Молли насладилась стоном, который издал Лайэм. Надо отдать ему должное, после того как голова Джоан исчезла за дверью, он виновато запричитал:

— Господи, Молл, я и понятия не имел, что у тебя сегодня день рождения. Болтаю и болтаю о новой машине, а ты в это время наверняка думаешь, какой я жуткий эгоист.

Говоря откровенно, Молли упивалась его покаянным видом, который самым восхитительным образом врачевал ее ущемленную гордость.

— Ничего страшного, Лайэм. Я привыкла к тому, что ты не помнишь о моем дне рождения.

Он опять поморщился.

— Не трави душу!

Молли почти сдалась. Долго сердиться на Лайэма было ужасно трудно. Он ведь не специально культивирует в себе эгоизм. Талантливый, все ему легко дается, да и мать души в нем не чаёт, любую прихоть готова исполнить. Сочетание честолюбия с красивой внешностью не способствует развитию скромности и внимания к другим людям. Лайэм умел быть великодушным и обаятельным, но обычно был поглощен собственными делами и мыслями и редко интересовался чужими проблемами.

Одному Богу известно, за что я его так сильно люблю, раздраженно подумала Молли.

Но потом взглянула на его лицо, на идеально сложенное тело и поняла, что совершенно беззащитна перед его шармом, хоть выбрасывай белый флаг!

Однако в его глазах она не увидела ни капли нежности, только раскаяние. И поэтому, когда он крепко схватил ее за руки выше локтей, она сердито и разочарованно взглянула на него.

— Не злись на меня, Молл, — с обезоруживающей мягкостью сказал он.

— Я не злюсь на тебя, — натянуто ответила она.

— Нет, злишься. И имеешь на это полное право. Но сегодня вечером, если ты мне позволишь, я постараюсь загладить свою вину.

— Сегодня вечером? — Ее голос дрогнул.

— Да, сегодня вечером, — произнес он твердо. — А сейчас тебя ждут твои коллеги, ты должна задуть свечи.

С обычной для него самоуверенностью Лайэм проводил ее в библиотеку — и моментально очаровал всех. А когда их застолье подошло к концу, к великой досаде Молли, все ее снедаемые любопытством коллеги, похоже, были убеждены, что он ее близкий друг. Ему даже удалось вырвать у нее обещание (у присутствовавшей при этом Джоан глаза буквально вылезли из орбит) пойти с ним куда-нибудь вечером. Ужин отпал сразу — она ни за что не согласилась бы обидеть мать, — но приглашение выпить где-нибудь кофе после ужина было ею принято.

Потом Молли убеждала себя, что никогда не согласилась бы идти с ним куда бы то ни было, если бы они говорили без свидетелей. Она бы просто отшила его — и дело с концом! Она не нуждается ни в его жалости, ни в его раскаянии.

Как только красная «мазда» с ревом пронеслась по шоссе обратно в Сидней, Джоан обратила на нее пристальный взгляд своих пронизательных глаз.

— А ты, оказывается, настоящая темная лошадка, Молли, — сказала она, когда они остались

вдвоем. — Я всегда считала тебя скромницей и тихоней, а ты все это время вон кого утаивала.

Молли про себя обругала Лайэма на чем свет стоит. Всю жизнь ей от него одни неприятности и расстройство.

— Мать Лайэма живет в соседнем со мной доме, — объяснила она, стараясь говорить как можно спокойнее. — Я знаю Лайэма тысячу лет. Мы с ним просто хорошие друзья.

— Ну конечно. Он гнал машину от самого Сиднея, чтобы поздравить тебя с днем рождения, просто потому, что вы хорошие друзья. Знаешь что? Я теперь готова поспорить, что ты из тех девушек, которые приходят вечером домой с работы и совершенно преображаются за десять секунд. Ты понимаешь, что я имею в виду. Долой очки, долой строгую одежонку. Так, волосы распустить. Нацепить прикид пособлазнительнее. Потом косметика, духи — и готова знойная красотка!

Молли рассмеялась. Для ее преображения десяти секунд явно не хватит!

— Смейся-смейся, — фыркнула Джоан. — Но меня не проведешь. И ты гораздо красивее, чем хочешь казаться. Я никогда не замечала, чтобы ты присматривала себе парня, и это было удивительно. Мне уже начали лезть в голову всякие такие мысли, пока сегодня не явился вдруг этот красавчик. Меня он сразу покорило, точно тебе говорю. И я видела, как ты на него смотрела, когда думала, что никто не обращает на тебя внимания. Ты влипла, Молли. У меня глаз наметанный. Так почему я раньше ничего не слышала про этот образчик совершенства, а? Почему такая секретность и таинственность? Он что, женат? Или бабник? Или нехороший мальчик? Слушай, мне ты можешь доверить даже самые страшные свои секреты, — шепотом сказала она. — Я их никому не выдам.

Молли снова засмеялась.

— Да нет ничего ни тайного, ни страшного. Повторяю, мы просто хорошие друзья. Как я уже говорила, Лайэм всегда жил с нами по соседству. Мы вместе ходили в школу, хотя и в разные классы. Он старше меня на пять лет.

— Ну, теперь-то в нем и следа не осталось от просто соседского мальчишки, — сухо заметила Джоан. — Преуспевающий бизнесмен — вот что на лбу у него теперь написано, крупными буквами.

— Я прекрасно все это понимаю, можешь мне поверить. Я же не слепая. Но между нами никогда не было ничего романтического, и никогда не будет. У него есть постоянная девушка. Ее зовут Рокси.

— Рокси, — повторила за ней Джоан и сморщила нос. — Ничего больше мне не говори. Это такая сногшибательная блондинка с убойными сиськами, волосами до пояса и ногами от подмышек.

Молли была поражена.

— Ты ее знаешь?

— Не-а. Просто догадалась. Мужики вроде твоего Лайэма всегда таскают за собой девиц такого типа.

— Он не мой Лайэм, — раздраженно выпалила Молли.

— Но ты бы хотела, чтобы он был твоим, верно?

Молли открыла рот, собираясь возразить. Но язык вдруг онемел, а к глазам подступили слезы.

Ее Лайэм.

Глупости! Невероятно, невозможно, невообразимо и неосуществимо! Химера какая-то! Продолжать просто нелепо.

— Одно время хотела, — сказала она наконец. — Но теперь уже нет. У меня в жизни есть занятия поинтереснее, чем вздыхать о недостижимом.

— О недостижимом? Почему ты считаешь, что это недостижимо?

— Ради Бога, Джоан, ты же видела его. И сама сказала, что такие мужчины, как Лайэм, предпочитают девушек типа Рокси, а не сереньких мышек вроде меня.

— Ты была бы далеко не мышкой, если бы чуточку постаралась ради себя самой. Откровенно говоря, Молли, тебе бы не помешало немного косметики. А иногда и к парикмахеру не вредно наведаться.

Молли замерла: критика была не в бровь, а в глаз.

— Мне нужен мужчина, который полюбит меня такой, какая я есть, — резко возразила она.

— Это чушь, и ты это знаешь! Я замужняя дама с большим стажем, но и мне приходится прилагать некоторые усилия, чтобы удержать своего мужчину. А теперь послушай меня, Молли. Когда Лайэм заедет за тобой сегодня вечером, порази его.

— Поразить его?

— Ну да. Распусти волосы. Сделай макияж. Надушись какими-нибудь соблазнительными духами. Надень что-нибудь эдакое, покажи свою симпатичную фигурку.

Какую-то долю секунды Молли воспрянула от похвалы Джоан, но тут же перед ее мысленным взором предстала стройная, роскошная, как у секс-бомбы, фигура Рокси... и ее уверенность в себе моментально испарилась.

— Нет у меня никаких соблазнительных духов, — уныло пробормотала она. С косметикой у нее тоже было небогато, но об этом она умолчала.

Джоан с досадой взглянула на нее.

— Так купи, когда пойдешь на ленч.

Их библиотека располагалась в торговом центре, состоявшем из нескольких магазинов, в том числе аптеки с широким выбором товаров.

Молли вздохнула. Не сообщать же Джоан, что в кошельке у нее всего пять долларов. Хорошие духи стоят дорого, и она предпочтет обойтись вообще без духов, чем облиться какой-нибудь дешевой парфюмерией.

Молли уже подумывала, не одолжить ли ей денег у подруги, и тут к ней вдруг вернулось чувство реальности. Даже если она накрасится почище японской гейши и обольет себя с

головы до ног самыми дорогими духами в мире, это не заставит Лайэма влюбиться в нее. Думать иначе просто смешно.

— Спасибо тебе за совет, Джоан, — сказала она, снова обретя здравый смысл, — но я действительно хочу оставаться самой собой. А теперь мне надо работать.

Молли снова занялась регистрацией возвращенных книг, выбросив из головы весь этот вздор. Сегодня ей по крайней мере не придется умирать от голода после праздничного ужина. Лайэм может купить ей к кофе какое-нибудь восхитительное пирожное с кремом.

Она больше не вспоминала о совете Джоан, пока не пришла после работы домой и не открыла свою сумку. Там лежало что-то, обернутое в бумагу.

В свертке оказался небольшой, но явно не дешевый флакончик духов в аэрозольной упаковке.

И записка. Молли узнала размашистый почерк Джоан.

«С днем рождения, подружка! У меня это всегда срабатывает. Ну... иногда. Но ты ведь ничего не теряешь, верно? Попробуй!»

Молли брызнула чуточку спрея на запястье и понюхала. Запах был изумительный: чувственный, мускусный аромат духов вызывал в воображении картины атласных простынь, обнаженных тел и невыразимо прекрасных, неведомых восторгов.

Молли покачала головой. Благоухать такими духами в присутствии Лайэма равносильно самоистязанию.

И давай смотреть правде в глаза, Молли, сказала она себе, никакие духи, какими бы чувственными они ни были, не превратят Лайэма в нетерпеливого любовника. Имея при себе такую девушку, как Рокси, он наверняка не испытывает недостатка в сексуальных утехах.

Взглянув на этикетку флакона, Молли чуть не рассмеялась. Духи назывались «Обольстительница». Ну и ну! Чтобы превратить ее в таковую, они должны быть мощнейшим зельем!

Очень мило со стороны Джоан, хотя это совершенно напрасная трата времени и денег.

И ее совет тоже пропал впустую. Потому что Молли не считает, будто ей нечего терять. Еще как есть! Она рискует потерять чувство собственного достоинства. А возможно, и дружбу Лайэма. Она не поставит на карту свои отношения с ним — каковы бы они ни были — ради того, чтобы поразить его необычным или дерзким поступком. Он ведь не дурак и обязательно заметит ее военные приготовления.

Нет. Не будет она этого делать! И прическу не станет менять, и косметикой воспользуется не больше, чем всегда, и в своем небогатом гардеробе не станет рыться в поисках чего-нибудь такого, что украсит ее фигуру.

У Молли есть своя гордость.

Она сунула духи обратно в сумку и достала ключ.

— Это ты, дорогая? — окликнула ее мать, когда она толкнула входную дверь.

— Я, мама.

Запах готовящегося на ужин жаркого дразнил обоняние Молли, пока она шла по коридору, направляясь на кухню. Но пахло не свининой. Курятиной.

Естественно, уныло подумала она. В курице меньше всего жира и калорий, особенно если снять кожицу. Что мама непременно и сделала. Она еле удержалась от вздоха разочарования, когда увидела, как мать заворачивает картофелины в фольгу. Значит, не будет и румяной, запеченной до хруста картошки.

Рут взглянула на дочь и улыбнулась.

— Как прошел день, дорогая?

— Очень неплохо. Коллеги купили в честь моего дня рождения торт.

— Надеюсь, ты съела только маленький кусочек, — сказала мать, нахмурившись. — Я и сама думала купить сегодня торт, но решила, что это будет лишнее мотовство, раз мы не можем съесть его весь.

Молли вдруг захотелось завить. Она отвернулась, чтобы повесить свою темно-синюю сумку на спинку стула и постарались придать своему лицу радостное выражение, прежде чем снова заговорить с матерью.

— Ты ни за что не догадаешься, кто заскочил ко мне на работу сегодня утром, — сказала она веселым голосом.

— Правда? И кто же?

— Лайэм.

— Лайэм? Ты имеешь в виду Лайэма Делани?

— Именно его. — Молли решила не рассказывать матери о его новой красной машине, истинной причине визита. — Он пригласил меня сходить с ним куда-нибудь и отметить мой день рождения.

— Но я же готовлю сегодня праздничный ужин!

— Ужин я не пропущу, мама. Лайэм заедет за мной только около восьми.

Рут бросила на дочь острый взгляд.

— Ты ведь знаешь, что у него уже есть девушка? И притом очень красивая, насколько я помню.

Молли с трудом подавила растущее раздражение.

— Я прекрасно это знаю, мам, но мы просто выпьем где-нибудь кофе. Не забывай, что мы с Лайэмом подружились задолго до того, как появилась Рокси.

Рут опять начала хмуриться.

— Ну, не знаю, не знаю. У меня чувство, что это не к добру.

Молли подошла к матери и крепко обняла ее.

— Не надо так переживать, мама. Я ведь уже большая девочка и вполне могу о себе позаботиться. Кроме того, Лайэм пока не помолвлен, так что все нормально.

Рут резко откинула голову назад и встревоженно посмотрела на дочь.

— Молли, ты... ты ведь не будешь делать ничего такого, что делать не следует?

Молли была поражена и немало раздосадована вопросом.

— Чего, например? — Она же не собирается прыгать к нему в постель. Впрочем, и не отказалась бы, представься ей такая возможность. В списке ее тайных сексуальных фантазий занятия любовью с Лайэмом стояли первым номером. Однако она была совершенно уверена, что в списке Лайэма сама она вообще не фигурирует.

— Ну, я точно не знаю, — пробормотала мать. — Ты сегодня какая-то другая...

Молли теперь возблагодарила судьбу за то, что решила не заниматься сегодня никакими преобразованиями. Она представляла себе, что сказала бы мать, если бы увидела, как она спускается из своей комнаты вся разодетая и благоухающая «Обольстительницей».

— Мы с Лайэмом просто хорошие друзья, мама, — повторила она в который уже раз за сегодняшний день.

Молли была ошеломлена, когда мать посмотрела на нее точно так же, как раньше Джоан.

— Да будет тебе, Молли, — сказала она. — Я твоя мать и точно знаю, что ты испытываешь к этому человеку.

— Что ж... Но он-то ко мне этого не испытывает, не так ли? — ответила она напряженным голосом.

— Нет. И никогда не испытает. Никогда. Молли не предполагала, что слова матери причинят ей такую боль. Одно дело — когда сама себе говоришь, что надежды нет. И совсем другое — когда твоя мать говорит о несбыточности твоих мечтаний с такой сокрушительной убежденностью.

— Я это понимаю, — сказала она, ощущая, как болезненно сжалось сердце. — Могла бы и не говорить об этом.

Молли разрыдалась, едва успев выскочить из кухни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Без пяти восемь Молли стояла у окна своей спальни, высматривая машину Лайэма. Он наверняка будет здесь вовремя. Как это ни удивительно, пунктуальность — одно из его достоинств.

Он не всегда был таким. Когда Молли только познакомилась с Лайэмом, помешанным на компьютерах семнадцатилетним юношей, он только и делал, что куда-то опаздывал. В то время он всегда работал над каким-нибудь проектом и с головой погружался в работу, как только садился перед экраном. Стоило ему сосредоточиться на своей последней игре или графическом дизайне, и время утрачивало для него всякое значение.

Каждое утро Молли в волнении ждала перед его домом, чтобы он проводил ее в школу; он сам

вызвался это делать, когда какие-то уличные хулиганы стали приставать к ней по дороге туда. Буквально за несколько минут до школьного звонка Лайэм выскакивал на улицу и кричал ей, чтобы она бежала бегом.

Как ей удавалось поспевать за ним с его длинными ногами, она даже сейчас не понимала. Видно, любовь может заставить человека делать невероятные вещи. Во всяком случае, она не отставала от него на протяжении всего пути — вниз по склону холма, потом по насыпи рядом с железной дорогой, через железнодорожный мост, на другую сторону шоссе и вверх по склону другого холма к зданию школы. Обычно они прибежали вовремя, но совершенно задохнувшись.

Домой ей тоже приходилось возвращаться бегом, потому что Лайэму не терпелось заняться любимым делом. Хотя спортом Лайэм никогда не интересовался, он был в прекрасной форме — оттого, что постоянно бегал от дома до школы и обратно. И сейчас он все еще продолжал бегать трусцой — очевидно, от дома до офиса. Он как-то сказал ей, что самые его лучшие идеи и озарения приходят к нему во время бега.

Молли собиралась уже отвернуться от окна, но тут как раз ярко-красная машина Лайэма преодолела подъем и повернула к ним на подъездную дорожку. Как всегда, вовремя! Она с чувством раскаяния покачала головой, вынужденная признать, что Лайэм во многом изменился. Он больше не был забывчивым соседским мальчишкой. Он стал исключительно хватким бизнесменом. Энергичным. Блестящим. Преуспевающим. Не чета тебе, Молли!

Вздыхнув, она наклонилась, чтобы выключить лампу на ночном столике, и собиралась уже выйти из комнаты, но вдруг остановилась и вернулась обратно на то место, откуда могла незаметно наблюдать за Лайэмом из темного теперь окна.

Несколько секунд он сидел и причесывался. Но без пижонства. Даже не взглянул на себя ни в зеркало заднего обзора, ни в боковое, просто наскоро провел расческой по обеим сторонам головы и спереди назад, а потом спрятал расческу в карман куртки.

По крайней мере в этом Лайэм не изменился. Он и раньше не отличался тщеславием.

Но при этом ему нравилось хорошо выглядеть. Молли считала, что это чувство стиля воспитала в нем мать. Ей уже около шестидесяти, но она все еще молода душой и всегда в курсе новейших направлений и последних «писков» моды. Бэбс Делани была писательницей и иллюстратором детских книг. Она неплохо зарабатывала на жизнь себе и своему единственному сыну с тех пор, как ее муж, занимавшийся альпинизмом, трагически погиб в горах, когда Лайэму было всего двенадцать лет.

Молли вдруг подумала о том, насколько схожи у них с Лайэмом семейные обстоятельства: и она, и он — единственные дети у матерей, потерявших мужей.

Но на этом сходство и кончалось. Бэбс Делани ничуть не походила на робкую мать Молли. У нее был общительный характер, широкий круг друзей и интересов. Она души не чаяла в Лайэме, но жила своей, отдельной от него жизнью. Она ободряла и поддерживала его, никогда за него не цеплялась, действовала как позитивная сила, без единой пессимистической или негативной мысли. Она всегда говорила, что хочет для сына всего самого лучшего, но определить, в чем это лучшее заключается, должен он сам.

Неудивительно, что Лайэм верил в свои силы и возможности; неудивительно, что его бизнес процветал. Пару лет назад ему даже присудили премию как молодому бизнесмену года в Новом Южном Уэльсе.

Дрожь пробежала по спине Молли, когда она увидела, как объект ее тайной привязанности вылезает из машины. На нем были те же самые джинсы, темно-синяя рубашка и кремовая полотняная куртка, что и утром. Выпрямившись, он потянулся, и еще одна волна дрожи пробежала по всему ее телу.

Молли впервые пришла в голову мысль о том, насколько сексуальной стала ее любовь к Лайэму за последнее время. Ее наивная влюбленность школьницы давно вызрела в полновесную физическую страсть, вызвав в ней потребности и желания, от которых нельзя было отмахнуться. Все чаще и чаще она мечтала о том, как будет заниматься с Лайэмом любовью. Лежа ночью в постели, она пыталась представить себе, каково это будет — целовать его, прикасаться к нему; как он будет выглядеть без одежды, каково будет почувствовать его у себя внутри.

Ее окатила удушливая жаркая волна, удары крови отдавались во всем теле, а голова кружилась от стыда и возбуждения. Наверное, она безнравственная, если думает о таких вещах.

Но безнравственной она себя не ощущала. Она чувствовала только горечь оттого, что лучшие годы проходят, ускользают как песок сквозь пальцы... О, как бы ей хотелось быть ослепительно прекрасной и иметь такое тело, перед которым не устоял бы ни один мужчина!

Охваченная тоскливым чувством, Молли наблюдала, как Лайэм уверенно идет к их парадной двери и как золотятся его волосы в свете уличных фонарей. Ее руки еще крепче вцепились в шторм, а мысли с неизбежностью обратились к Рокси.

Интересно, часто ли Лайэм спит с ней? — с завистью подумала она. Молли знала, что они не живут вместе, но это никак не может помешать им проводить ночи вдвоем — либо у него, либо у нее. Хороша ли Рокси в постели? Наверно, ей известны все те трюки, которые неотразимо действуют на мужчин. Как ей удастся сохранять интерес Лайэма к своей особе вот уже целых шесть месяцев?

Еще одно кошмарное предположение родилось в голове Молли, отчего перевернулось ее сердце и мучительный спазм сжал внутренности. Нет, не может быть, чтобы он любил Рокси. Не может быть, чтобы он собирался на ней жениться. Это невозможно.

Зазвенел звонок на входной двери, и этот звук резко ударил по натянутым нервам. Она подавила в себе желание бегом спуститься вниз, все еще негодуя на сложившуюся ситуацию. Ей вообще не надо было соглашаться на этот выход с Лайэмом, даже если речь идет только о чашке кофе. Она просто мучает себя. Было слышно, как мать открывает раздвижную дверь общей комнаты и идет мелкими шажками по пластиковой дорожке, защищающей ковровое покрытие на полу коридора. Входная дверь скрипнула, открываясь.

— Здравствуй, Лайэм, — с чопорной вежливостью произнесла Рут.

— Здравствуйте, миссис Маккрэй. Вы прекрасно выглядите.

Минуту или две Молли слушала их светскую болтовню, потом собралась с духом и сошла вниз, радуясь тому, что не стала ничего затевать ни с нарядами, ни с макияжем. Но мать все равно окинула ее с головы до ног изучающим взглядом, словно искала некий намек на тайную порочность.

Молли не сомневалась, что даже самый придирчивый наблюдатель не смог бы придраться к ее внешнему виду. На ней были доходившая до колен черная юбка и простая белая вязаная кофточка — правда, она была связана ажурным рисунком и украшена спереди рядом красивых

перламутровых пуговиц. Выбор украшений также вряд ли вызвал бы нарекания. Нитка жемчуга, подаренная родителями в день, когда ей исполнился двадцать один год, была консервативной и неброской, как и жемчужные сережки, составлявшие с ней комплект.

Все остальное было выдержано в таком же спокойном стиле. Колготки телесного цвета, черные туфли-лодочки на невысоком каблуке, волосы собраны в обычный узел, никакой косметики, кроме губной помады кораллового оттенка. Белье на ней тоже было простое, без излишеств. Но ее белье не увидит даже придирчивый наблюдатель. Во всяком случае, вид ее скромного белого лифчика и трусиков из хлопка не заставил бы трепетать мужское сердце.

Поэтому Молли недоумевала, отчего и Лайэм смотрел на нее нахмурившись, пока она спускалась по лестнице. Она не заблуждалась на его счет и не думала, что ему вдруг открылась какая-то ранее не замеченная им сторона ее внешности. Почему же он рассматривает ее с этим слегка удивленным выражением в глазах?

Ее любопытство было удовлетворено, только когда они остались одни и шли по дорожке к его машине.

— А знаешь, Молл, — сказал он, — по-моему, ты здорово похудела за последнее время.

Молли крепко стиснула зубы. Вот уже два года, как она стабильно сбавляла вес, и нынешний ее размер не менялся по крайней мере в течение трех месяцев. Неужели он до этого момента ничего не замечал? Ни на Рождество, ни сегодня утром в библиотеке?

Ну разумеется, нет. Последние полгода его глаза были приклеены исключительно к Рокси. А сегодня утром он был целиком поглощен своей дурацкой новой машиной.

— Нет, за последнее время не похудела, — с невозмутимым видом ответила она. — Я уже довольно давно в одном и том же весе.

— Правда? Я как-то не замечал.

Сказал бы что-нибудь новенькое, досадливо подумала Молли. Его слова задели ее за живое, потому что уж она-то не пропускала незамеченным ни одного, даже самого незначительного, изменения в нем. Она сразу замечала, когда он стригся, или покупал новую куртку, или менял женщин.

— Ты уверен, что Рокси не рассердится на тебя за сегодняшний выход со мной? — не удержалась она от вопроса, стараясь, чтобы он прозвучал не слишком едко.

— Мы с Рокси на время расстались, — коротко бросил он.

— Вот как? — Молли стоило большого труда сохранить спокойное выражение лица. — Вы поссорились или что?

— Или что, — пробормотал он.

— Не хочешь говорить об этом?

Он криво усмехнулся, открывая перед ней дверцу машины.

— Не сегодня, Молл. Не хочу портить себе настроение разговорами о женщинах.

— Но ведь и я женщина, Лайэм! — насмешливо проговорила она.

— Да, но ты совсем другое дело. Я как-то даже не думаю о тебе как о женщине. Ты — мой друг. Забирайся-ка в машину. Я решил, что мы поедem в Терригал. Вечер сегодня чудесный — как раз для прогулки по берегу океана.

Вечер действительно был чудный — ясный и теплый, в небе сверкали звезды. Вечер для влюбленных.

Молли старательно гнала прочь от себя эти мысли. Мазохизмом она не страдала.

А может, все-таки страдала?

— Но я одета не для пляжа, — возразила она, когда Лайэм уселся за руль. — На мне колготки и туфли на каблуках.

— Ты можешь снять их в машине, — совершенно невозмутимо сказал он.

Это ее рассердило и обескуражило. Она представляла себе, что было бы, если бы Рокси начала раздеваться на пассажирском сиденье, ерзая по нему пухлой попкой, чтобы снять чулки со своих длинных, загорелых ног. Внимание Лайэма недолго оставалось бы прикованным к дороге. Молли с обидой подумала, что если она будет сидеть голышом в присутствии Лайэма, то он, как ее лучший друг, только спросит, не холодно ли ей!

От полной обиды Молли спасло соображение, что дорогая Рокси, похоже, близка к получению отставки. Ее Молли ненавидела сильнее всех других женщин Лайэма. Возможно, потому, что Рокси была самая красивая. И наиболее уверенная в прочности своего положения.

Настроение Молли значительно улучшилось просто оттого, что Рокси не удалось добиться статуса невесты.

— Надеюсь, ты не забыл, что собирался угостить меня кофе! — сказала она, когда он задом выводил машину с подъездной дорожки. — Потому что к нему я намерена заказать огромный, сочный кусок торта. Ты не представляешь, Лайэм, какой пищей кормит меня мама с тех пор, как умер отец. Она буквально чокнулась на всем обезжиренном!

— Ну, это лучше, чем объедаться, — сухо прокомментировал он. — Каждый раз, когда я приезжаю к маме, она говорит, что я слишком худой, и на стол выставляются сдобные булочки и Бог знает что еще.

— Ты совсем не худой, — сказала Молли. — По-моему, ты в самый раз.

Он улыбнулся, и ее сердце куда-то ухнуло. Господи, как же он красив, когда улыбается.

— Знаешь, Молл, ты хорошо на меня действуешь. Всегда говоришь то, что надо. И всегда делаешь то, что надо, — многозначительно прибавил он. — Ты сегодня пристыдила меня. Я никогда не помню о твоem дне рождения, а ты мой помнишь всегда. Так что если ты откроешь бардачок, который прямо перед тобой, то найдешь там кое-что, и это, как я надеюсь, послужит компенсацией за все другие забытые дни рождения. И не говори мне, что не следовало этого делать, — продолжал он, прежде чем она успела открыть рот. — И не говори мне, что это слишком дорого стоит. Я могу себе это позволить. И вообще, я сейчас могу себе позволить почти все, что захочу. Та компьютерная игра, о которой я тебе рассказывал какое-то время назад, только что выпущена на мировой рынок и сделает меня мультимиллионером.

— О, Лайэм, это же замечательно!

— Может быть, — сухо сказал он. — Я начинаю думать, что быть богатым и преуспевающим не так уж хорошо, как об этом говорят. Кроме тех случаев, когда хочется купить в подарок лучшему другу что-нибудь действительно стоящее. — Он тепло улыбнулся. — Ну, давай же. Сорви бумагу и открой. Мне просто не терпится услышать твое мнение.

Молли последовала его указаниям — и оторопела.

— Ох, Лайэм, тебе не следовало...

— Я вроде бы просил тебя так не говорить. Ну как, тебе правда нравится? Я провел в ювелирном магазине несколько часов сегодня — все никак не мог решить. В конце концов я выбрал это — простое и надежное. Как ты.

Молли старалась принять его слова как комплимент, но все равно к удовольствию от его подарка примешивалось чувство горечи. Она вытянула тяжелую золотую цепочку из высланного зеленым бархатом гнезда в футляре, положила на ладонь и указательным пальцем правой руки стала медленно водить по массивным овальным звеньям.

Простое и надежное. Как я.

— Тебе не нравится.

Молли уловила разочарование в его голосе и заставила себя улыбнуться ему сияющей улыбкой.

— Да ты что? Очень нравится.

Когда он вновь сосредоточился на дороге, она еще несколько секунд продолжала исподтишка ласкать его взглядом. Разве мне мог не понравиться подарок, если он от тебя, любовь моя? Я буду хранить его как сокровище до конца жизни.

Лайэм нахмурился.

— Надеюсь, ты это говоришь не просто из вежливости.

Молли находила, что все в создавшейся ситуации было сплошной иронией. Что будет, если она сейчас скажет, какие чувства испытывает к нему на самом деле? Зная Лайэма, она не сомневалась, что он будет ужасно смущен. Он очень не любил ненужных осложнений. В глубине души он был простым человеком.

— Разве я могу тебе соврать? — Она не удержалась от саркастической нотки в голосе.

Он взглянул на нее с озадаченным выражением, словно до того ее образ никогда не ассоциировался у него с сарказмом.

— Гм, надеюсь, что нет. Ты всегда была честной девочкой. Но всегда по делу. Иначе зачем бы я то и дело интересовался твоим мнением? Мама твердит только одно: все, что я делаю, — просто замечательно. Мне нужен человек, который говорил бы, как оно обстоит на самом деле. Ты и есть такой человек. Как подумаю, сколько времени мог бы зря угрохать на всякие прожекты, которые порой взбредали мне в голову... А ты, Молл, всегда помогала мне увидеть, над чем действительно стоило работать, что будет востребовано и пойдет.

Жаль, что ты ни разу не спросил моего мнения о своих подружках, иронически усмехнулась

про себя Молли. Я бы сказала тебе, что эти девицы так сильно любят самих себя, что на других ничего не остается. Хотя ты ведь не любви хотел от них, верно, Лайэм?

Но от старых привычек нелегко отделаться.

Что будет, когда ты захочешь, чтобы девушка полюбила тебя и чтобы ты тоже мог полюбить по-настоящему? Ты никогда не найдешь подходящей жены, если тебя влечет к неподходящим девушкам. Девицы типа Рокси охотятся за всем, что могут схватить. Тогда как я... я любила бы тебя так, как не могла бы любить никакая другая женщина, дорогой. Посмотри на меня, Лайэм. Разве ты не видишь, как я тебя люблю? Неужели ты этого не чувствуешь?

— Как бы там ни было, Молл, — продолжал Лайэм, не подозревая ни о каких таких мыслях и чувствах Молли, — я надеюсь, что эта цепочка хоть немного искупит мою вину по отношению к тебе в прошлом. Знаю, что я эгоист, каких мало. Но твоя дружба много для меня значит, и мне не хотелось бы, чтобы ты думала, будто я вообще о тебе не помню. Потому что это не так. Вся беда в том, что... — он усмехнулся, — это обычно бывает, когда мне нужна твоя помощь. Или твой совет. Или твое мнение о новой машине.

Она не знала, смеяться ей или плакать. Вместо этого она разозлилась.

— Вот, значит, зачем ты все это затеял сегодня, Лайэм? — резким тоном осведомилась она. — Испытательный прогон? Ты везешь меня в такую даль только для того, чтобы узнать мое мнение о новой машине?

— Да ты что?! — Он явно был сбит с толку. — Нет, совсем не для этого! Абсолютно! Просто утром в библиотеке я понял, что никогда не спрашиваю у тебя о тебе. Это только усугубило мое чувство вины, можешь мне поверить. Все эти годы мы с тобой говорим исключительно обо мне. Так что сегодня я хочу услышать все о тебе, Молл.

— Обо мне? — еле слышно повторила она.

— Да. О тебе. Я хочу знать, как ты сейчас живешь. Я чуть не упал, когда твоя коллега сказала, что тебе исполнилось двадцать пять. Мне вдруг пришло в голову, что такая замечательная девушка, как ты, к двадцати пяти годам должна уже быть замужем. Я начал размышлять, почему ты еще не вышла замуж. Хотел спросить тебя об этом прямо там, но случай был явно неподходящий. Вот я и спрашиваю тебя сейчас, Молл. Почему у тебя нет парня?

Молли совершенно растерялась. Что придумать? Что сказать ему?

Она сделала вид, что занята аккуратным укладыванием золотой цепочки обратно в футляр и футляра в сумочку, а сама все это время лихорадочно старалась найти какой-нибудь правдоподобный ответ.

Просто я еще не встретила своего мужчину...

Жду, пока мама оправится после смерти папы...

Я бы с радостью вышла замуж, но человек, которого я люблю, даже не знает о моем существовании...

Неловкое молчание затянулось, и под конец Лайэм уставился на нее ошалелым взглядом.

— Ради всего святого, Молл, ты ведь не из этих, правда?

— Не из этих? Кого ты имеешь в виду?

— Не из... лесбиянок?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

У Молли округлились глаза. Потом она рассмеялась. Вот причина, придумать которую ни за что не пришло бы ей в голову.

— Нет, я не лесбиянка.

— Тогда в чем же проблема?

— Проблема... — Она немного подумала и решила, что причина номер три в определенном смысле соответствует действительности. Но Лайэм — дорогой, милый, ни черта не видящий Лайэм — никогда не догадается. — Проблема в том, что... что я на самом деле влюблена в одного человека. Но он не отвечает мне взаимностью. Он вообще не видит во мне женщину.

— Это почему же? — требовательно спросил Лайэм, явно задетый тем, что этот таинственный мужчина не воспылил страстью к его старинной приятельнице.

Молли почувствовала себя почти вознагражденной, когда Лайэм за нее обиделся.

— Наверно, я не в его вкусе. И недостаточно красива.

— Что за чепуха! Ты очень красивая.

— Нет, Лайэм, это не так. Но все равно, очень мило с твоей стороны так говорить.

Молли обрадовалась, когда Лайэм не стал продолжать разговор на тему о ее красоте. Он хмуро молчал все время, пока они не выехали из Госфорда и не помчались по Въездной дороге, приближаясь к Эрине.

— Ну и кто же этот идиот? — бросил он ей. — Он местный?

— Да, конечно.

— Я его знаю?

— Полагаю, да.

— Он учился в нашей школе?

— Да. Но больше я ничего не скажу.

— В нашей школе... — Он нахмурился, роясь в памяти. — Не приходит в голову, кто это может быть. И вообще, у нас в школе училось больше восьмисот ребят. — Он покачал головой. — Не могу догадаться. Послушай, просто скажи мне, кто это. Не держи меня в неведении!

— Извини, но я не хочу говорить ни тебе, ни вообще кому бы то ни было. Нахожу это неприличным. Да и какой смысл говорить об этом? Я уже, можно сказать, смирилась с тем, что не интересую его. Решила, что надо жить дальше. Так что тебе, Лайэм, не о чем беспокоиться. Я не собираюсь страдать вечно.

Лайэм что-то ворчал и бормотал себе под нос все время, пока они ехали через Эрину. Только проведя машину через крупную кольцевую развязку и взяв путь на Терригал, он предпринял еще одну попытку разгадать ее тайну. Молли было забавно слушать, как он поносит самого себя.

— Итак! У этого таинственного героя есть подружка?

— Вообще-то он сейчас в перерыве между женщинами.

— Их у него было много, не так ли?

— Огромное количество.

— И ты любишь этого завязанного бабника?

— Без памяти.

Лайэм скорчил гримасу.

— И что это такое с женщинами, почему они всегда западают на дрянных парней? Этот, судя по твоим словам, просто чудовище!

— Я совсем не считаю его чудовищем. Кстати говоря, он весьма преуспевает в бизнесе.

Верхняя губа Лайэма насмешливо скривилась.

— Полагаю, он внешне привлекателен.

— До умопомрачения, — согласилась она.

— Внешность бывает обманчива, знаешь ли, — проворчал он и потом всю дорогу до Терригала что-то бормотал себе под нос.

Молли сидела рядом с ним и помалкивала. Она давно не получала такого удовольствия. Возможно, она играет с огнем, но ради такого кайфа можно и рискнуть. Она не очень опасалась, что догадка вдруг осенит Лайэма. А пока испытывала какой-то пьянящий восторг от этой игры в тайну.

За широким поворотом со склона холма им открылся вид на песчаный пляж в Терригале, и у Молли вырвался вздох восхищения. Здесь и днем красиво, но ночью еще красивее, особенно при безоблачном небе, когда от луны по темной воде бегут серебряные мерцающие дорожки.

В этот вечер луна светила ярко, а волны особенно мягко набегали на изогнутую полосу золотистого песка. Кое-кто все еще плавал в спокойной воде. Парочки во множестве сидели, обнявшись, на теплом песке или бродили по пляжу, держась за руки. Это действительно был вечер для влюбленных.

Лайэм миновал муниципальную автостоянку у подножия холма и поехал по узкой главной улице, протянувшейся параллельно пляжу; со стороны моря вдоль нее росли высокие сосны, по другую сторону располагались магазины. Под одной из сосен в дальнем конце улицы он остановил машину и, выключив двигатель, повернул к Молли свое нахмуренное, но все равно красивое лицо.

— Ведь это не Деннис Тейлор, нет?

Деннис Тейлор был единственным мальчиком в классе Лайэма, который мог бы соперничать с ним по привлекательности, а позднее и в деловой хватке. Насколько Лайэм был светловолос и белокож, настолько Деннис был смугл, у него были густые, волнистые черные волосы, темные глаза под тяжелыми веками и фигура вышибалы. Он не обладал ни выдающимися интеллектуальными способностями Лайэма, ни его творческим талантом, но зато был прирожденным коммерсантом: после школы занялся торговлей недвижимостью и весьма преуспел. Года два назад открыл собственное агентство и с тех пор расширял свой бизнес. Он не был женат и жил в свое удовольствие. Недавно купил участок недалеко от пляжа в Терригале и построил дом, больше похожий на дворец, и слухи о том, что там происходило, давали обильную пищу местным любителям сплетен.

Молли неплохо знала Денниса, потому что его родные жили через два дома от нее. Он довольно часто навещал их и всегда махал Молли рукой, если она поливала растения перед домом или выпалывала в саду сорняки.

Месяца два назад он постучался к ним в дверь и спросил, не хотят ли они с матерью продать дом. Они отказались, но он все равно оставил им свою визитную карточку и долго болтал с Молли. Он был из тех мужчин, которые не могут пройти мимо женщины, не доказав ей, что он — дар Божий. Его обаяние действовало в режиме автопилота.

Молли считала его достаточно привлекательным, но недалеким. Ей было досадно, что Лайэм думает, будто она могла без памяти влюбиться в Денниса.

— Ну? — настаивал Лайэм. — Он это или не он?

— Извини, но я отказываюсь отвечать на подобные вопросы по той причине, что они могут поставить меня в неловкое положение.

Лайэм сердито смотрел на нее.

— С тобой чертовски трудно договориться.

— Ничего подобного. Конечно, мы с тобой друзья, но есть предел тому, о чем я могу тебе рассказывать. Знаешь, кого и как я люблю — это мое глубоко личное дело, не так ли? Кстати, когда я спросила тебя, что произошло между тобой и Рокси, ты ведь не захотел мне сказать.

— Хм, справедливо. Но если это все-таки Деннис, — проворчал он, — то я надеюсь, что твое желание никогда не исполнится. У него чудовищная репутация в том, что касается женщин.

Молли закатила глаза. Как будто Деннис Тейлор может по-настоящему обратить на нее внимание. Это так же невероятно, как и любовь Лайэма! Ей вдруг надоела эта игра.

— Если это поднимет тебе настроение, — устало сказала она, — то это не Деннис. Но прошу тебя, не предлагай других кандидатур. Я все равно не скажу, и хватит об этом!

— Значит, уперлась рогом, да?

— Можно и так сказать, — произнесла она и с решительным видом скрестила руки на груди.

— Вот уж не подозревал, что ты можешь быть такой упрямой.

Она искоса взглянула на него и иронически усмехнулась.

— Ты еще многого обо мне не знаешь, Лайэм.

— Гм... Я начинаю понимать, что дело именно так и обстоит. А между тем все эти годы я только и делал, что рассказывал всем и каждому, какая ты добрая и милая девочка. Похоже, Рокси кое в чем была права.

Молли ощетинилась.

— Вот как? И что же, скажи на милость, изрекла обо мне твоя дорогая Рокси?

— Она сказала, что ты себе на уме и от тебя лучше держаться подальше.

Кровяное давление Молли подскочило на несколько делений.

— Ну и ну! Прямо по пословице: «Говорил горшку котелок: уж больно ты черен, дружок!».

— Как я понимаю, Рокси тебе не нравится?

— Ты понимаешь правильно.

— А почему?

Молли чуть было не разразилась целой тирадой на тему о тщеславии и неприкрытом себялюбии, но вовремя спохватилась. Какой смысл критиковать Рокси, если она и так, судя по всему, скоро получит отставку? Кроме того, правда в этом случае может оказаться слишком похожей на ревность.

Она ограничилась тем, что слегка пожала плечами.

— Как-то не получается, чтобы нравились абсолютно все. К некоторым людям с самого начала просто не лежит душа, и все тут.

— Это верно. Ну ладно, не буду больше на тебя давить. И нескромных вопросов о мистере Икс задавать больше не буду. Мне уже легче от одного того, что это не Деннис. А теперь — быстро на прогулку! — В мгновение ока он выскочил из машины, обежал вокруг капота и рывком распахнул дверцу с ее стороны.

— А... а нельзя ли сначала выпить кофе? — спросила она дрожащим голосом, когда Лайэм схватил ее за руку и вытянул из машины.

— Наверно, — ответил он, небрежно пожав плечами. — Если тебе так хочется.

— Мне не так хочется кофе, как чего-нибудь поесть.

Лайэм нахмурился.

— Разве ты не ела? Ты ведь говорила, что мать готовит сегодня праздничный ужин.

— Все верно, но нашими ужинами теперь и блоху не накормишь. Говорю тебе, Лайэм, иногда после такого ужина мне просто выть хочется!

Лайэм засмеялся.

— Не жалуйся! Ты чертовски хорошо выглядишь после той еды, которой тебя кормит мать.

Молли даже порозовела от удовольствия.

— Ты... ты правда так думаешь?

— Правда. — В его глазах отразилось что-то похожее на восхищение, когда он второй раз за сегодняшний вечер окинул взглядом ее стройную фигуру.

После этого Молли поняла, что не сможет съесть ни кусочка.

Пятнадцать минут спустя она сидела напротив Лайэма за столиком кафе и ковыряла вилкой большой кусок морковного пирога, украшенного сахарной глазурью. Это продолжалось добрых десять минут, а потом Лайэм не выдержал:

— Ты вроде бы говорила, что хочешь есть! Молли закусила нижнюю губу и положила вилку.

— Я думала, что хочу. Может, ты возьмешь? Он вздохнул.

— Ох уж эти женщины! Ладно, давай его сюда.

Пока Молли неловко передавала ему пирог, его раздражение прошло, и он дерзко улыбнулся. Молли в ответ тоже улыбнулась, а потом сидела и молча смотрела, как он ест.

На ее беду, рот Лайэма был невероятно привлекательным — широкий, изогнутый, с полными губами и весьма подвижным языком.

Скоро все внимание Молли сосредоточилось на этом языке и на том, как после каждого отправленного в рот кусочка пирога его влажный розовый кончик высывался и слизывал оставшиеся на губах крошки, и тогда губы влажно блестели. У нее даже похолодело в груди, когда она представила себе, как этот язык делает то же самое с ее губами, как он высывается из этого рта и проскальзывает глубоко в ее ждущий и жаждущий рот.

Молли подавила мучительный стон и крепко сжала пересохшие губы. Она отдала бы все на свете за то, чтобы испытать это на себе... хотя бы один раз.

Она уже сожалела, что не последовала совету Джоан... Если бы она, например, распустила волосы и надушилась теми духами, то у Лайэма, возможно, нашлись бы и другие комплименты помимо похвалы ее похудевшей фигуре. Если бы сделала настоящий макияж и накрасила губы какой-нибудь соблазнительной ярко-красной помадой, то он, возможно, не устоял бы перед искушением и поцеловал ее на прощание.

«Не зевай!» — наказала ей Джоан. А что сделала она? Струсилась, поджала хвост. Подумать только: ее пригласил мужчина, в которого она влюблена, а она предстала перед ним одетой в стиле строгой классной дамы. Да она просто безнадежная дура!

— Что с тобой? — спросил Лайэм, кладя вилку на опустевшую тарелку.

Молли была не в состоянии притворяться. Она подняла на него глаза, в которых застыла беспросветная печаль.

Лайэм потянулся через стол и взял ее за руку.

— Ты грустишь из-за этого мистера Икс, Молл, не так ли? Неужели отчаялась добиться взаимности?

До сегодняшнего дня она не теряла надежды, отметила про себя Молли. Раньше это была прекрасная мечта. Лайэм — настоящий мужчина. Он красивый, умный и, по существу, хороший. Он любит жизнь, любит свою мать, любит и ее, Молли, — спокойной братской любовью. Она это сейчас понимает.

— Я могу что-нибудь для тебя сделать? — мягко спросил он, большим пальцем гладя тыльную сторону ее руки.

Молли замерла от неожиданного чувственного возбуждения, которое вызвала в ней эта ласка.

— Вряд ли, — натянуто сказала она. — Это моя проблема, и, как я уже говорила, скоро я с ней покончу и буду жить дальше.

— Я думаю, так будет лучше всего, Молл. Забудь этого идиота, раз он не понимает, от чего отказывается.

Молли в ответ только улыбнулась и понемногу высвободила свою руку из его пальцев. Лайэм выпрямился и изучающе посмотрел на нее все еще встревоженными глазами.

— Может, тебе стоит сделать то, что делает моя мать, когда хочет поднять настроение? Сходи сделай новую прическу. Купи что-нибудь новое из одежды. Радикально измени свой внешний облик.

С этим я немного опоздала, подумала она, даже если бы у меня были деньги.

Но то, что Лайэм заговорил об этом, подстегнуло ее любопытство.

— А ты бы что мне посоветовал? — спросила она. — То есть что, по-твоему, подошло бы мне?

Лайэм засмеялся.

— Господи, Молл, ты у меня спрашиваешь? Откуда же мне знать?

— Лайэм, ты сам только что предложил мне помощь, но стоило попросить о чем-то конкретном — сразу в кусты. Послушай, ты же опытный художник, у тебя профессиональный взгляд на дизайн, форму и цвет. Подумай обо мне так, как ты думаешь о своих графических разработках. Представь меня в виде изображения на экране твоего компьютера и переделай на свой вкус.

— На мой вкус? А не лучше ли будет переделать тебя на вкус мистера Икс?

— Ты и он одного типа, — нашлась она, чувствуя, что эта игра с каждой минутой становится все увлекательнее. Она последует его совету. Что бы он ни предложил, она так и сделает, и черт с ними, с деньгами. Она готова выпросить, взять в долг, украсть, если до этого дойдет.

Он саркастически усмехнулся.

— По-моему, ты только что сказала, что решила покончить с этим и жить дальше.

— Женщина всегда имеет право передумать. Лайэм покачал головой, его глаза насмешливо блестели.

— Мне даже жаль этого мистера Икс. Возможно, он еще ничего не знает, но ты ведь так просто его не отпустишь, верно?

— Перестань меня подкалывать, Лайэм. Просто посмотри внимательно и скажи, что надо изменить. — Она выпрямилась на стуле и ободряюще улыбнулась ему.

Нахмурившись, Лайэм окинул ее взглядом и покачал головой.

— Честно, Молл, я чувствую себя не в своей тарелке. Ты все-таки не картинка на экране. Ты женщина... у тебя есть чувства.

Молли изогнула брови.

— Надо же, Лайэм, какая деликатность с твоей стороны! Но я постараюсь забыть о своей женской чувствительности на то время, пока ты не скажешь мне правду. Ты говорил, что всегда восхищался моей честностью, когда я высказывала свое мнение. А теперь я хочу выслушать твое.

Он пристально смотрел на нее, все еще хмурясь, потом опять покачал головой.

— Прости, Молл, но я решительно отказываюсь. Наверно, тебе лучше узнать мнение эксперта.

— Мне не нужно мнение эксперта. Я хочу услышать твое. Ладно, если ты не хочешь говорить прямо, давай попробуем ставить крестики в квадратиках.

— Ставить крестики в квадратиках?

— Да. Я называю предполагаемое изменение и перечисляю три варианта действий, которые дадут этот результат. А ты мне скажешь, какой из этих вариантов, по-твоему, будет самым подходящим для меня.

Лайэм пожал плечами.

— Раз уж ты настаиваешь. Но я снимаю с себя всякую ответственность за этот сумасбродный эксперимент.

Молли улыбнулась.

— Договорились. Первыми по списку идут мои волосы. Я собираюсь подстричь их. Оставить длину до плеч, до шеи или сделать совсем короткую стрижку?

Склонив голову набок, он обдумывал ответ.

— Короткую стрижку, — сказал он наконец. — У тебя изящная шея. Жаль ее прятать все время.

Молли невольно поднесла руку к горлу и почувствовала, как похолодело в животе. Дома надо будет получше рассмотреть шею.

— Так... А теперь переходим к цвету, — продолжила она, надеясь, что не краснеет. — Как, по-твоему, я буду лучше смотреться? Блондинкой, брюнеткой или рыжей?

— Может, оставишь свой естественный цвет?

— Ни за что на свете! Я достаточно долго жила с этим мышинным цветом, большое спасибо! Отныне ничего мышинового! Так что выбирай!

Лайэм вздохнул.

— Ладно, только пусть ответственность ляжет за это на твою голову.

— Естественно. Мои волосы и так на моей голове.

Лайэм осуждающе покачал головой.

— Сначала сарказм. Теперь злое остроумие. Что там еще в запасе?

Молли скрестила руки на столе.

— Блондинка? Брюнетка? Или рыжая?

— Гм. Ну, у тебя белая, нежная кожа, которая обычно бывает у рыжих. Но только, пожалуйста, никаких резких и грубых тонов. Тебе пойдет глубокий медный оттенок.

— Глубокий медный оттенок, — повторила она, нервно сглотнув. Она почему-то не могла представить себя с короткими рыжими волосами. Боже милостивый, для такого дела придется собраться с духом. Но решение принято.

Молли открыла рот, собираясь спросить у Лайэма о косметике, но снова закрыла его. Мужчины в этом вряд ли что смыслят. Ей нужно будет проконсультироваться у эксперта, может быть в секции косметики в универмаге.

Она стала прикидывать, сколько это все может стоить. Отличный парикмахер. Окраска волос, которую нужно будет подновлять каждые шесть-восемь недель. Новая косметика. Не говоря уже о новой одежде. Ужас! Голова просто идет кругом!

— А как быть с одеждой? — продолжала она. — То есть какая одежда тебе нравится на девушке? Конечно, я понимаю, что у меня нет такой потрясающей фигуры, как у Рокси, но сейчас и я не так уж плоха.

— Ты недооцениваешь себя, Молл, — авторитетным тоном заявил он. — Я сегодня как раз заметил, что у тебя неплохая фигура, которую ты, похоже, успешно скрывала все эти годы. У тебя совсем недурная грудь, хорошей формы попа и красивая тонкая талия. А еще у тебя хорошие ноги, что удивительно при твоём невысоком росте.

Восторг прокатился по телу Молли. Джоан говорила ей, что у нее хорошая фигура, но слышать это от Лайэма было просто замечательно! И подумать только, единственным недостатком, который он в ней нашел, оказался ее маленький рост.

— К сожалению, Лайэм, — сказала она, — рост я исправить не смогу. Хотя мне бы очень хотелось быть повыше, можешь мне поверить.

— Значит, твой мистер Икс высокого роста?

— Довольно высокого. И ему очень нравятся высокие девушки.

— Ну и дурак. Как говорится, мал золотник, да дорог! — Лайэм был явно раздражен. — Наверно, ты могла бы носить туфли на высоких каблуках. Впечатление более высокого роста можно также создать, укоротив юбки.

— Я не собираюсь ходить на работу каждый день на пятидюймовых каблуках и в мини-юбках!

Он посмотрел на нее долгим, пристальным взглядом.

— Ты с этим мистером Икс видишься на работе, не так ли?

— Да. Нет... Не очень часто.

— Значит, совершенно неважно, в чем ты будешь на работе. Совсем другое дело, когда будет появляться он.

— Знаешь, Лайэм, — твердо сказала она, — если я решусь на все эти изменения и немалые расходы, то сделаю это не ради мистера Икс.

— Конечно, Молл, конечно. Кстати, я не люблю тканей в полоску, в клетку или с цветочным рисунком. Люблю, чтобы мои женщины носили облегающую одежду из однотонной ткани интенсивных цветов.

Встретив непонимающий взгляд Молли, он усмехнулся — это его позабавило.

— Ты сказала, что у мистера Икс вкусы такие же, как у меня. Брось притворяться, что стараешься не ради него. Это оскорбляет мой интеллект.

— Ладно. Не буду оскорблять твой интеллект. Продолжай. Что еще ты не любишь?

— Не люблю, когда девушки носят штаны. Молли уставилась на него округлившимися глазами.

— Если ты думаешь, что я буду разгуливать без нижнего белья, то тебе придется подумать еще раз!

Лайэм откровенно забавлялся.

— Штаны, Молли, не штанишки. Я имею в виду брючные костюмы или брюки, если тебе так понятнее.

—О...

— Я ничего не имею против леггинсов. Или джинсов, если они хорошо сидят. Мужчин привлекают женские формы. Им нравится смотреть на них.

— А ты сексист. Тебе это известно? Уголок его рта приподнялся в насмешливой, но удивительно привлекательной улыбке.

— Да. Я люблю секс. И очень. Ты ведь это имела в виду, обозвав меня сексистом?

— Нет. И ты это прекрасно знаешь!

Он долгое время смотрел на нее, прежде чем заговорить.

— А тебе нравится секс, Молл? Она стала пунцовой.

— Мне кажется, это очень личный вопрос.

— А мне так не кажется. Это просто общий вопрос. Я же не прошу тебя делиться своим сексуальным опытом.

— Ну, если бы даже и просил, то рассказ получился бы очень короткий, — парировала она. — Мне не пришлось бы произнести ни единого слова!

Он молча уставился на нее.

— Я правильно тебя понял? — понизив голос, наконец спросил он.

Молли разозлилась. На него — за то, что он был явно шокирован ее словами, и на себя — за то, что выболтала ему ужасную правду. Но она не собиралась тушеваться и смущаться. Гордость требовала, чтобы она высоко держала голову.

— Право же, Лайэм, шептать совсем не обязательно, — с невозмутимым видом сказала она. — Я не стыжусь своей девственности.

— Но тебе двадцать пять, Молл!

— Ну и что из того? На каком, интересно, камне высечено, что девушка должна потерять невинность к такому-то сроку? Я, к твоему сведению, жду своего мужчину и не хотела бы, чтобы это был какой-нибудь неумелый сопляк где-то за школьным спортзалом или на заднем сиденье машины после дискотеки. И не думай, что мне не делали таких предложений, — солгала она. — Еще как делали!

Синие глаза Лайэма потемнели.

— Ты ждешь этого мистера Икс, так или нет?

— А хоть бы и так. Тебе-то какое дело?

В первое мгновение он явно растерялся, но потом возмутился:

— Ты мой лучший друг, черт побери. Я не хочу, чтобы ты из-за кого-то страдала.

Молли была расстроена и готова вот-вот разрыдаться. Ей стоило больших усилий сохранить самообладание. Сегодня она, по крайней мере, твердо решила изменить свою невзрачную внешность. Вдобавок ее отношения с Лайэмом незаметно стали более доверительными, стали больше походить на отношения между настоящими друзьями. Разговор по душам и обмен секретами как-то сблизили их.

Что ж, теперь он знает о ее девственности. Не такая уж это большая беда. Разве может правда повредить человеку?

— Со мной все будет в порядке, Лайэм, — сказала она, сама протянув руку и коснувшись его руки успокаивающим жестом. — Не волнуйся обо мне и мистере Икс. Просто обещай мне, что будешь рядом... если мне будет нужна твоя помощь.

Она заглянула глубоко ему в глаза и была тронута той искренней привязанностью, которую в них увидела.

— А теперь отвези-ка меня домой, — тихо попросила она. — Завтра на работу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Джоан ухватила ее, как только она вошла в библиотеку, и уволокла в заднюю комнату, где их никто не мог слышать.

— Я умираю от любопытства, — сказала она, хотя в этом не было необходимости, потому что все в ней и так выдавало напряженное нетерпение. — Ты нарядилась так, как я тебе велела?

Надушилась теми духами? Ты сразила красавчика наповал, когда он за тобой заехал?

Молли уже думала, что она скажет Джоан, когда придет на работу. Шла медленнее обычного, обдумывая, стоит врать или нет. Но Молли не могла заставить себя выдумать какую-нибудь историю.

— Нет, я не стала наряжаться, — сказала она извиняющимся голосом. — И не надушилась духами, хотя было очень мило с твоей стороны подумать об этом, Джоан. Я тебе очень благодарна. И, как ты уже наверняка догадалась, я не сразила Лайэма наповал.

Тяжелый вздох Джоан выразил всю глубину ее разочарования.

— Ох, Молли! Неужели ты думаешь, что у тебя будет еще такой шанс?

— Знаешь, как ни странно, но вчерашний вечер оказался не таким уж потерянным. Лайэм наконец-то заметил, как я похудела. И еще он сказал, что у меня неплохая фигура и хорошие ноги... несмотря на мой невысокий рост.

— Он так и сказал? Ух ты! Ты, должно быть, вне себя от восторга?

— Все не так здорово, как ты думаешь, — удрученно сказала Молли и стала подробно рассказывать Джоан, как и почему возникли все эти комплименты. Та слушала со все возрастающим вниманием, и ее глаза все больше округлялись с каждой новой подробностью.

— Ты хочешь сказать, что он думает, будто ты влюблена в кого-то другого? В того парня, которого он окрестил мистером Икс?

— Да.

— И он тебе сказал, как надо одеваться, чтобы понравиться другому мужчине?

Молли кивнула.

— Я бы его удушила голыми руками!

— Лайэм не виноват. Я его вынудила.

— Чепуха. Этот мужик просто слепой дурак. Бедняжка Молли!

— Вот уж нет, Джоан, совсем не «бедняжка Молли», — решительно возразила она. — Потому что я собираюсь все это сделать. Все, что предложил Лайэм. Но не ради него. Я это сделаю ради самой себя.

— Да ладно тебе! Ничего такого ты не сделаешь!

— А вот и сделаю.

— Сделаешь короткую стрижку и выкрасишь волосы в рыжий цвет?

— Для начала. Ты случайно не знаешь хорошего парикмахера, который не слишком дорого берет? И где можно найти специалиста по косметике, который бесплатно консультирует и обучает?

Темные глаза Джоан заблестели от возбуждения.

— Конечно, знаю. Но Господи, Молли, что скажет твоя мама?

Этого Молли точно не знала. Но узнает сегодня вечером. Честно говоря, эта перспектива ее пугала. Совсем не в ее характере поднимать бунт. Или совершать дерзкие поступки.

Но она твердо решила изменить себя и свою жизнь... любой ценой.

К счастью, у нее было отложено триста долларов на всякий пожарный случай. Этого должно хватить ей на визит к парикмахеру и на кое-что из косметики. Но если придется выкраивать какие-то деньги из их напряженного бюджета на регулярные посещения парикмахера и на обновление всего гардероба, то им придется туго.

Ее собственный заработок почти полностью уходил на выплаты по двум закладным, которые незадолго до смерти оформил отец, а пенсии матери едва хватало на повседневные траты, так что роскошествовать было не на что.

* * *

Разговор о своих планах на будущее Молли отложила на время после ужина. Отрицательная реакция матери ее совсем не удивила.

— Но объясни мне, для чего тебе нужно так резко менять свою внешность? — дрожащим голосом спросила Рут. — Я не понимаю. Это так на тебя не похоже!

— Мама, — терпеливо ответила Молли, — мне уже двадцать пять лет, а у меня еще никогда в жизни не было постоянного молодого человека. Я не хочу остаться старой девой. Я хочу когда-нибудь выйти замуж, иметь свою семью. Для того чтобы выйти замуж, мне нужен мужчина, значит, я должна что-то делать, чтобы кого-нибудь привлечь.

— Ты хочешь привлечь не вообще какого-то мужчину, милочка, — язвительно возразила ей мать. — Ты нацелилась на Лайэма Делани. До вчерашнего вечера, проведенного с ним, ты была вполне довольна жизнью. А теперь твоя голова забита этими глупыми идеями.

— Это не глупые идеи, — сказала Молли, начиная сердиться. — Да, мне нравится Лайэм. И всегда нравился. Отрицать не собираюсь. Но ты была права, говоря, что он никогда меня не полюбит. Он ко мне относится как к младшей сестренке. Но это не значит, что я намерена сохнуть по нему до конца жизни. Мужчины не толпятся перед моей дверью. Но я решила почаще бывать в обществе и в каждом таком случае намерена выглядеть как можно лучше. Чтобы хорошо выглядеть, нужны деньги. Я хочу кое-что предложить, мама. Во-первых, как ты смотришь на то, чтобы продать этот дом и купить дом поменьше? Закладные просто съедают наши деньги.

Мать посмотрела на нее с выражением настоящего ужаса.

— Это невозможно. Нет, нет и нет! Я люблю этот дом. Это все, что у меня есть. Ты не можешь просить меня продать его. Не можешь!

Молли отступила без борьбы и перешла к плану «Б». Если говорить честно, ей и самой жаль было продавать дом. Как она ни стремилась убедить Джоан и мать, что все эти изменения нужны для нее самой, ей все же хотелось, чтобы Лайэм увидел конечный результат ее усилий. Может, это и глупо, но факт.

— Ладно, — быстро сказала она. — Значит, продажа исключается. Тогда я предлагаю дать

объявление о сдаче комнаты.

— Сдавать комнату!..

— Ну да. У нас в доме четыре спальни, мама, и две из них совершенно не используются, в том числе главная спальня. За эту комнату можно получить неплохие деньги — при ней ванная, гардеробная.

— Но я не могу себе представить, чтобы какой-то чужой мужчина жил в комнате твоего отца и спал на его кровати!

Молли молилась о том, чтобы ей хватило терпения. Преданность ее матери отцу значительно возросла после его смерти. Неужели она забыла, каким черствым эгоистом он был? Как пустил на ветер все, что досталось ей в наследство от родителей, пытаясь осуществить один за другим свои глупые планы быстрого обогащения? Наконец, как часто он приходил домой очень поздно и как от него пахло вином и дешевыми духами?

— Совсем не обязательно сдавать комнату мужчине, мама. Я уверена, что есть немало вдов почтенного возраста, которые нуждаются в жилье. В такой компании и тебе будет веселее, — заметила Молли. — Я ведь буду проводить дома гораздо меньше времени, чем раньше. Рут открыла было рот, чтобы снова возразить, но промолчала. Ее лицо приняло недовольное выражение, словно у капризного ребенка. Молли было жаль ее, но она понимала, что должна настоять на своем.

— Так ты согласна, чтобы я поместила объявление в газете, которая выйдет в среду на следующей неделе?

— Я не возьму никого, кто мне не понравится.

— Само собой разумеется.

Рут еще раз неодобрительно посмотрела на дочь.

— Ну и сколько же ты хочешь на себя потратить?

— Не так много, как я сначала думала. Джоан свела меня с местной мастерицей, которая делает прически у себя дома и берет не слишком много. И Джоан говорит, что в универмаге «Дэвид Джонс» в Таггере я могу бесплатно получить консультацию по макияжу. Но все равно хороший набор косметики может обойтись примерно в двести долларов. На это хватит моих сбережений. Мне все же нужно будет какое-то время откладывать не меньше сотни долларов в неделю, чтобы обновить свой гардероб. К счастью, на работе я ношу форменную одежду, так что с этим проблем не будет.

— Пожалуй, дойдет и до того, что ты захочешь получить права и купить машину!

На желчное замечание матери Молли ответила обезоруживающей милой улыбкой.

— Я не подумала об этом, но идея мне нравится. Я определенно внесу ее в список того, что планирую на будущее, — вместе с круизом по Южным морям. А теперь я поднимусь наверх и приму ванну. Устала, весь день на ногах. Да, и еще одно, мама. Нельзя ли немного увеличить порцию еды на ужин? Мне очень скоро потребуется гораздо больше энергии, чем раньше. — И она решительно вышла из кухни, оставив мать ошеломленной и застывшей в полном молчании.

* * *

— Не могу поверить, что это я! — восторженно воскликнула Молли. — Вы просто волшебница, Лианн!

Мастерица удовлетворенно улыбнулась.

— Должна признать, что на этот раз результат даже превзошел мои ожидания.

Молли покрутила головой и полюбовалась тем, как гладкая шапочка медного цвета колыхнулась, переливаясь, и потом снова приняла свою безупречную первоначальную форму.

— Эта стрижка придаст вашим волосам объем и форму, — уверенно сказала Лианн, продолжая убирать лишнее вокруг ушей и на затылке.

У Молли теперь была модная челка до самых бровей, отчего ее нос казался меньше, а широко расставленные и глубоко посаженные зеленые глаза становились еще выразительнее. Новый цвет волос, который и сам по себе был способен привлечь внимание, идеально оттенял ее светлую кожу, придавая ей прозрачность и нежность, которые совершенно терялись при прежнем цвете.

Поднявшись с кресла, Молли с восторгом увидела, что четкие, элегантные линии удлиняют шею и делают ее еще более изящной.

— Вы действительно выглядите совсем иначе. — Парикмахерша восхищенно покачала головой. — Даже кажется выше.

— Да, думаю, вы правы, — в радостном возбуждении согласилась Молли. — О, Лианн, как мне вас благодарить? И так любезно с вашей стороны было найти для меня время сегодня.

— Мне самой это доставило удовольствие. Скажите, а как вы собираетесь теперь добираться домой? — спросила Лианн, когда Молли с ней расплатилась.

— А, пойду пешком. Здесь недалеко. — Лианн жила в квартале от библиотеки, а оттуда до дома Молли было пятнадцать минут ходьбы.

Лианн нахмурилась.

— Вы думаете, это разумно? Ведь сегодня вечер пятницы, знаете ли.

— А что в этом особенного?

— У нас тут в пятницу вечером люди дают себе волю. А вам по дороге домой надо будет пройти мимо бара, не так ли?

— Да, так.

— Тогда будьте поосторожнее. С этим новым цветом волос вас никак не назовешь незаметной.

Предупреждение Лианн неприятно поразило Молли. К ней никогда в жизни не приставали на улице мужчины, и она решила, что вряд ли простое изменение цвета волос может создать такие неудобства, тем более когда на ней все еще библиотечная форменная одежда.

Но Молли ошибалась.

Она только что миновала бар и прошла полпути по дороге к мосту, когда ее обогнал «шевроле», набитый какими-то неприятными типами.

— Привет, детка! — крикнул один из них. Молли отвела глаза и перешла на другую сторону, как только они проехали, но тут же чуть не умерла от страха, услышав, как завизжали шины, когда водитель развернулся. Она и глазом моргнуть не успела, как машина уже медленно ехала рядом и какой-то изрядно подвыпивший хам высунулся из окна и громогласно заговорил с ней.

— Т-ты к-куда идешь, лапочка? — спросил он, дыша на нее пивным перегаром. — Хоч-чешь, подвезем?

Она пошла быстрее, продолжая смотреть прямо перед собой.

— Ты ч-чего? Думаешь, с-слишком хороша для нас? П-парни, она думает, что слишком хороша для нас. Вы к-как полагаете? М-может, проучим как следует недотрогу, а?

Перепуганная до смерти Молли уже собиралась спасаться бегством, как вдруг какая-то блестящая черная машина на большой скорости обошла ее обидчиков и резко затормозила у них перед носом. Водителю «шеви» пришлось ударить по тормозам, чтобы избежать столкновения, и свесившийся из окна тип чуть вообще не вывалился наружу. Когда водитель черной машины, крупный темноволосый мужчина, выскочил из-за руля и направился к нахалу, пристававшему к Молли, тот что-то крикнул и поспешил убраться внутрь. «Шеви» мгновенно дал задний ход, развернулся и с ревом понесся прочь.

Неожиданный спаситель сжал дрожащие плечи девушки, внимательно разглядывая ее побелевшее лицо.

— С вами все в порядке? — спросил он.

И только тут Молли узнала своего спасителя.

Это был Деннис Тейлор.

— Да, вроде бы, — ответила она слабым, прерывающимся голосом. — Большое спасибо, что остановился, Деннис.

Он был явно удивлен, услышав свое имя, — его голова дернулась назад, темные глаза широко раскрылись.

Молли обрадовалась бы тому, что он не узнал ее, если бы все еще не тряслась как осиновый лист.

— Это я, Молли, — сказала она. — Молли Маккрэй.

— Молли? — Его удивленный взгляд метнулся к ее волосам, потом прошелся по всей фигуре и опять вернулся к лицу. — Боже мой, так и есть. Я не узнал тебя с этой потрясающей прической. И ты вроде бы похудела, верно?

— Немножко.

Его улыбка приобрела оттенок многозначительности, и он снова окинул ее взглядом.

— Побольше, чем немножко. Ты выглядишь просто фантастически. Настолько, что тебе нельзя

ходить вечером одной по этим улицам. Неудивительно, что ты чуть не попала в беду. Пошли, я отвезу тебя домой.

После напугавшего ее происшествия Молли даже не думала отказываться. Кроме того, она не была бы женщиной, если бы не почувствовала себя польщенной комплиментами Денниса и тем, что он буквально не сводил с нее глаз.

Когда он подсаживал ее на пассажирское сиденье своей машины с просторным салоном, его прикосновение показалось ей ласковым и заботливым, но, когда он пристегивал ее ремнем безопасности, Молли была уверена, что он нарочно задел левой рукой ее грудь. Она внутренне напряглась, но ничего не сказала и проигнорировала его попытку в тот момент встретиться с ней глазами.

Подонки бывают разные, удрученно подумала она. Деннис не намного лучше тех типов. У него просто другой подход, вот и все. Конечно, он не пойдет на прямое насилие. В его стиле, скорее, будет вкрадчивое, ловкое обольщение и роман на одну ночь. Он пустит в ход свое красноречие, чтобы уговорить девушку лечь с ним в постель. Так что не стоит слишком обольщаться похвалами Денниса. Она не сомневалась, что выглядит лучше с новой прической, но все равно пока еще не может конкурировать с Рокси.

Путь до ее дома на машине занял всего одну минуту. Но Деннис не терял ни секунды и засыпал ее вопросами. Сколько ей лет? Где она сейчас работает? Есть ли у нее молодой человек? К несчастью, Молли не сразу поняла, куда он клонит, и успела с наивной честностью ответить на некоторые из них.

Остановив машину у края тротуара перед ее домом, он повернулся к ней и спросил, не хочет ли она попозже пойти с ним куда-нибудь выпить.

— Я мог бы заехать за тобой... ну, скажем, в половине одиннадцатого?

Несмотря на неопытность в отношениях с мужчинами, Молли понимала, что принять подобное приглашение в такой поздний час значило согласиться не только выпить стаканчик чего-нибудь. Она не сомневалась, что выпить ей предложат. И не один стаканчик, а много. Потом, когда она достаточно опьянеет, Деннис отвезет ее в свой «дворец» и там грубо и нагло овладеет ею.

От одной мысли о Деннисе ей стало дурно. Лицом он был даже красив — мужчина средиземноморского типа с густыми и жесткими черными волосами и постоянной тенью щетины на щеках и подбородке. Но его тело было непомерных размеров. И волосатое, как у гориллы.

Без сомнения, многим женщинам нравились его смуглое лицо и все другие признаки мачо — настоящего мужчины, однако Молли предпочитала более светлый и более элегантный облик Лайэма. Ее любимой фантазией было представлять себе, как она пропускает сквозь пальцы его светлые шелковистые пряди и проводит руками по его гладкой, безволосой груди. Она возбуждалась, стоило ей только вообразить, что она прикасается к нему, тогда как при мысли о том, чтобы прикоснуться к Деннису, по коже у нее бежали мурашки.

— Спасибо, Деннис, — вежливо сказала она. — Спасибо тебе за все. Но извини меня, я не могу. Сегодня никак.

Надо отдать ему должное, он принял отказ спокойно. Возможно, если кто-то с первого раза говорил ему «нет», он рассматривал это как вызов, как испытание его способностей.

Недаром в его черных глазах сверкала неотразимая уверенность, когда он улыбнулся ей в ответ на отказ.

— Что ж, ладно. Тогда, может, в другой раз?

— Может быть, — ответила она, не желая показаться невежливой после того, как он выручил ее из беды.

— Я тебе позвоню, — сказал он и снова включил зажигание.

Молли поняла, что должна сама открыть дверцу и выйти из машины. Так что, вероятно, Деннис не так уж спокойно принял отказ.

Она подождала, пока он уедет, потом повернулась и пошла по дорожке к дому. Взглянув вверх, увидела свет в окне спальни, которую занимала теперь мать. Молли предстояло продемонстрировать матери результат своих решительных действий. Избежать этого она никак не могла. Так что уж лучше покончить с тягостным делом прямо сегодня.

— Я пришла! — крикнула она, войдя в дом. Никакого ответа.

С сильно бьющимся сердцем она заперла за собой дверь на замок, потом поднялась по лестнице и легонько постучала в дверь комнаты.

— Можно мне войти?

— Что ж, входи, — не сразу и не очень приветливо послышалось из-за двери.

Молли никогда не забудет, какое у матери было лицо, когда она вошла в комнату.

— Значит, ты все-таки сделала по-своему, так? — резко бросила Рут. — Взяла и обрезала свои чудесные длинные волосы и перекрасилась в этот вульгарный рыжий цвет. Не жди от меня восхищения, Молли, потому что я его не испытываю. Мне очень жаль, но врать я не собираюсь.

Молли огорчилась: мать не только совсем не сожалела о сказанном, но к тому же и соврала. Ее выдало то, как моментально округлились ее глаза, прежде чем она успела это скрыть.

Новая прическа действительно была потрясающей — Молли слышала это и от Лианн, и от Денниса. И цвет тоже был изумительный. И необыкновенно шел ей!

Молли великодушно отнесла негативную реакцию матери на счет ее тревоги за дочь, которая вдруг так запоздало расправила крылья. Не зависть же заговорила в ней? Нет, конечно!

— Ладно, мама, — сказала она с решительной жизнерадостностью в голосе. — Совсем не обязательно, чтобы это нравилось тебе. Мне нравится. И я рада объявить, что из-за нового облика я уже имею безусловный успех у противоположного пола, что и требовалось, не так ли?

— Что? — Рут выпрямилась, опираясь на подушки. — Ты хочешь сказать, что Лайэм тебя уже видел? Я не знала, что он приехал домой на этот уик-энд. Его машины не было видно.

— Не Лайэм, мама. Деннис.

— Деннис? Какой еще Деннис?

— Деннис Тейлор. Ты же его знаешь, мама. Так вот, он увидел меня, когда я шла домой, и

подвез на своей машине. Он сказал, что прическа у меня потрясающая. И даже пригласил меня куда-нибудь пойти с ним.

— Пригласил? Деннис Тейлор пригласил тебя?

— Я именно так и сказала.

— Ты... ты ведь не согласилась, Молли, нет?

— В этот раз нет, — беззаботным тоном ответила она. — Но это из-за того, что я очень устала. Не сомневаюсь, что он пригласит меня еще раз. А пока я, наверно, пойду спать. Завтра день будет очень хлопотный — надо будет купить косметику, присмотреть кое-что из одежды. Пока, мама. Увидимся утром. — И, клюнув мать в щеку, Молли повернулась и вышла из комнаты.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Утром в воскресенье Молли с увлечением занялась дневным макияжем, когда зазвонил телефон.

— Ты можешь взять трубку, мам? — крикнула она.

Ответа не было, а телефон продолжал звонить. Тут Молли вспомнила, что мать отправилась в магазин на углу — купить воскресные газеты. Она осторожно положила свою новую щеточку для ресниц, сбежала вниз по лестнице и схватила трубку.

— Алло, — весело сказала она.

— Молли? Это ты?

Ее сердце запнулось при звуке голоса Лайэма, с новой силой напомнив ей, как она его любит. Это мгновенно лишило ее недавно обретенного оптимизма и бесцеремонно опустило с небес на землю. Но уже в следующий момент она воспрянула духом: Лайэм сам звонит ей. Такого еще не бывало!

— Это я, Лайэм. Ты что, не узнал мой голос?

— Действительно не узнал... Ты говоришь как-то по-другому.

— Правда? — Я и выгляжу по-другому, так и подмывало ее сказать, но она сдержалась, потому что хотела вдоволь насладиться его удивлением, когда он увидит ее. — Извини, но я, — продолжала она, улыбаясь самой себе. Единственное, что она никак не могла изменить, был ее рост. Хотя туфли на каблуках высотой в четыре дюйма, которые она вчера примеряла и вскоре собирается купить, определенно поднимут ее над миром. — Ну так чему я обязана такой честью — ты мне звонишь?

— Ты что, издеваешься надо мной? Молли хихикнула себе под нос, услышав, каким изумленным голосом он это спросил.

— Кто, я? Никогда в жизни!

— Может, ты уже успела по какому-нибудь удивительному поводу выпить? — Теперь он говорил почти грубо.

— В такую-то рань в воскресенье? — Было пять минут одиннадцатого. — И я вынуждена

повторить свой вопрос. Зачем ты мне звонишь?

— Что? А, я... гм... в общем, я сейчас еду к маме, надо помочь ей передвинуть кое-какую мебель. Она решила, что пора сделать перестановку в жилых комнатах. Вообще-то я думаю, что это просто предлог, чтобы заманить меня домой и подкормить. А еще я хотел спросить, не пообедаете ли ты с нами.

— С вами... — судорожно сглотнув, произнесла она сразу поскучневшим голосом.

— Тебе совсем не обязательно выражать такой бурный восторг, — язвительно заметил он. — Я понимаю, что я — не твой мистер Икс, но всегда думал, что мое общество тебе приятно.

— Ну разумеется, приятно! — поспешила заверить она. — Я просто хочу сказать, что я... что у меня...

— Что у тебя уже намечено что-то другое? Ты это хочешь сказать?

Молли постаралась взять себя в руки. Он просто смутил ее неожиданным приглашением, вот и все. Она посмотрела на свое отражение в настенном зеркале над телефонным столиком и сразу занервничала. Понравится ли она Лайэму в таком виде? Вдруг случится так, что он захочет назначить ей свидание, как это произошло с Деннисом? Настоящее свидание?

— Нет, ничего другого я не намечала, — сказала она наконец. — И с большим удовольствием пообедаю с вами. И помогу тебе двигать мебель.

— А ты хочешь?

— Очень хочу. На этой неделе всякие перемены у меня в программе.

—Что?

— Ничего, это я так, — пробормотала она и подумала, что ей бы не помешало быть более уверенной в себе. Как Лайэм отреагирует на ее перевоплощение?

— Значит, встретимся минут через пятнадцать. Приходи, как только увидишь мою машину.

— Но как же...

— Послушай, я говорю по мобильному, мне пора заканчивать разговор, пока не нарвался на дорожные неприятности.

Он дал отбой, и Молли застонала в умолкнувшую трубку. Пятнадцать минут. О Боже...

Бросив трубку на место, она взлетела по лестнице вверх, рывком распахнула платяной шкаф и стала рыться в поисках чего-нибудь, что могло бы понравиться Лайэму. Брюки нельзя, напомнила она себе и отбросила в сторону дешевые леггинсы и штаны от тренировочного костюма, из которых не вылезала дома. Тут на глаза ей попала купленная накануне тенниска зеленого цвета — единственный предмет одежды, который она могла себе позволить на те пятнадцать долларов, которые остались у нее после всех косметических эскапад. Цвет был одним из самых модных в этом сезоне и очень шел к новому оттенку ее волос.

Но тенниску не с чем было надеть.

Отчаявшись что-нибудь найти, она натянула бермуды кремового цвета, купленные два года

назад, когда она носила больший размер, однако они были на резинке и поэтому сидели не очень плохо. Черт возьми, в джинсах будет слишком жарко, а искать дальше нет времени. После звонка Лайэма пролетело целых десять минут.

Сунув ноги в босоножки, Молли повернулась к туалетному столику, чтобы закончить макияж, но руки у нее так тряслись, что ей пришлось отказаться от этого. К счастью, она успела подвести глаза и наложить тени. Крем, румяна и невидимая пудра тоже были на месте, замаскировав веснушки, высыпавшие у нее на носу и щеках. Оставалось лишь подкрасить губы.

Накануне она купила две новые помады, «бронзу» и «пламя», обе суперстойкие. Она ненавидела, когда отпечатки губ остаются на чашках и стаканах. И с сожалением смотрела на женщин, которым то и дело приходится подкрашиваться. Вся купленная ею косметика должна была по идее оставаться на лице весь день. И всю ночь, если нужно. Будет ли такая ночь? Она заставила себя не думать об этом — у нее сейчас другие задачи.

Каким-то образом ей удалось наложить бронзовую помаду куда следовало, не размазав ее по всему лицу, несколько раз провести щеткой по волосам, сделать несколько глубоких успокаивающих вдохов — и она была готова. Причем как раз вовремя, потому что когда она выглянула из окна своей спальни, то сразу же увидела, как новая красная машина Лайэма одолевает подъем.

Ее желудок свело судорогами, сердце бешено стучало. Последний взгляд на себя в зеркало — будь что будет! В этот момент Молли меньше всего хотелось столкнуться в дверях с матерью и получить порцию презрительных замечаний.

Рут вошла в дом как раз тогда, когда Молли направлялась к двери.

— И куда же это ты собралась, такая размалеванная? Хотя нет, можешь не говорить, я и сама могу догадаться. Видела, как он проехал, когда поднималась на холм. И ты сразу помчалась ему показываться. Святые небеса! Да ты просто глупышка, Молли Маккрэй. Ты все равно и в подметки не годишься этой его приятельнице. Можешь наряжаться и раскрашиваться во все цвета радуги сколько угодно, это ровным счетом ничего не изменит. Во всяком случае, когда речь идет о Лайэме. Конечно, здесь есть и другие мужчины, не такие разборчивые. Только они никогда не женятся на девушках, которых куда-то приглашают.

Уверенность Молли была поколеблена. Но она слишком далеко зашла, чтобы ее можно было остановить. Обида захлестнула Молли — язвительные замечания матери выбили почву из-под ног. Но она взяла себя в руки.

— Может, и верно, что я не гожусь Рокси в подметки, мама, — сказала она дрожащим от волнения голосом. — Но все же надеюсь, что я не так уж плоха. И, к твоему сведению, я не собиралась «показаться Лайэму». Это он позвонил, когда тебя не было дома, и пригласил к ним на обед. Похоже, он собирается порвать с Рокси. У меня, возможно, и нет шанса понравиться Лайэму, но это не дает тебе права так унижать меня, мама. Это невеликодушно.

Ее мать была явно потрясена услышанным, потом ее стали обуревать угрызения совести.

— О, Молли... я... я... Боже мой. О, прости меня, прости. Я... я просто не хочу, чтобы тебе причинили боль...

— Тогда хотя бы сама мне не причиняй боль, — ответила Молли и, не дав матери прийти в себя, выскочила из дома и помчалась по дорожке, подгоняемая яростью. Оказавшись на проезжей части и повернув направо, Молли на ходу бормотала про себя что-то не совсем

приличествующее леди.

— Ну и ну, — нараспев произнес мужской голос. — Только почему такое дурное настроение?

Молли неловко остановилась с разбега, вскинула глаза и увидела Лайэма, прислонившегося к открытой дверце автомобиля и наблюдающего за ней. Прищурившись, он всмотрелся в ее «новое» лицо, потом снова перенес внимание на то рыжее великолепие, которое украшало ее голову. Она не могла бы сказать, как он отнесся к ее метаморфозам.

— Ты... тебе не нравится? — почти простонала она после некоторого молчания, вскинув руку к волосам тем извечным женственным жестом, который как бы требовал одобрения и в то же время помогал справиться с сомнением.

Лайэм выпрямился, захлопнул дверцу машины и посмотрел на нее через плечо.

— О чем ты спрашиваешь? Что здесь может не нравиться? Ты выглядишь шикарно. Но я думаю, ты и сама это знаешь, верно?

Молли ответила ему сердитым взглядом. Вот и все «потрясение» Лайэма от ее неожиданной красоты!

— Я всего лишь сделала то, что ты тогда предложил, — запальчиво ответила она.

— Верно. Но я, честно говоря, никак не ожидал, что ты это сделаешь. Наверно, недооценил могущество твоего мистера Икс. Ну и как? Он уже видел тебя в новом качестве?

Молли было ошетибилась, потом вздернула свой небольшой подбородок и посмотрела Лай-эму в глаза.

— Если хочешь знать, да, видел.

— И наверняка сказал, что ты выглядишь великолепно.

Ситуация опять толкала Молли на эту игру с мистером Икс, игру, которая до некоторой степени снимала боль, причиняемую непроходимой слепотой Лайэма. Почему он не может догадаться? — изводила она себя. Неужели он не понимает, что она любит его? Иначе зачем бы ей так отчаянно искать его одобрения?

— Он буквально так и сказал, — спокойным тоном ответила она.

Лайэм моментально нахмурился.

— И где же ты видишься с этим... Дон-Жуаном — пожелал узнать он.

Молли постаралась улыбнуться загадочной улыбкой. Ее забавляло то, что мистер Икс явно не нравился Лайэму. Если бы он только знал!

— Ну, он живет тут недалеко, и я встречаю его время от времени. Но, как я уже говорила, моя личная жизнь совершенно тебя не касается. Пойдем-ка лучше в дом, поможем твоей матери переставить мебель, — продолжала она напористо, что было совсем не в ее духе. — Время бежит, знаешь ли, а я собиралась еще поколдовать над своей внешностью перед началом рабочей недели. Хочу, чтобы завтра утром мои коллеги тоже восхитились мною, как и ты. Он бросил на нее недоверчивый взгляд и покачал головой.

— Говорят, когда женщина меняет цвет своих волос, она и сама меняется. Я начинаю в это верить.

— Правда? Ты был знаком с Рокси до того, как она осветлила волосы перекисью? И она была милашкой до того, как стала крашеной блондинкой?

— Мы сейчас говорим не о Рокси, мисс Язва. Именно это я и имею в виду. Раньше ты никогда не была стервозной. И не имела привычки разгуливать, бормоча под нос ругательства.

— Может, раньше ты просто этого не слышал. Может, ты вообще не знаешь, какая я на самом деле, Лайэм. Может, ты никогда не останавливался, чтобы понюхать цветы.

— Я никогда не останавливался, чтобы понюхать цветы? Что, черт побери, это значит и каким боком касается твоего превращения в мегеру?

Молли засмеялась, а Лайэм насупился. Именно в этот момент входная дверь открылась и на крыльцо вышла его мать.

Бэбс Делани была красивой женщиной. Ей не было еще шестидесяти, высокая и стройная, с умными голубыми глазами и модно подстриженными пепельными волосами, в которых перемешивались более светлые и более темные пряди, — она нравилась Молли. В отличие от сына она явно симпатизировала женщинам в брюках, потому что сама из них не вылезала. Сейчас на ней были свободные бежевые брюки из хлопка и легкая блуза на выпуск с ярким цветочным рисунком. На шее висели на золотой цепочке очки.

Она подняла руку, защищая глаза от солнца, и, прищурившись, пыталась рассмотреть незнакомую молодую женщину, разговаривавшую с ее сыном. Молли удовлетворенно улыбнулась, поняв, что мать Лайэма не узнала ее.

— Привет, мама. — Лайэм помахал ей рукой. — Мы сейчас. Молл будет помогать нам.

— Молл? — повторила его мать, сдвинув брови.

Лайэм тяжело вздохнул.

— Ну, хорошо, хорошо. В твоем присутствии я буду называть ее Молли, если ты настаиваешь. Не могу понять, почему ты так не любишь прозвища, когда сама откликаешься на прозвище Бэбс. Пошли, Молли.

— Молли? — Бэбс смотрела, как Лайэм помогает той подняться по ступеням, ведущим к двери. — Боже мой, это же Молли! Наша соседка!

— Да, это Молли, наша соседка, — сказал Лайэм, поцеловав мать в щеку и бросив на Молли суровый взгляд через плечо. — В некотором роде...

— Молли, дорогая, извини меня, — сказала мать Лайэма, виновато улыбаясь. — Я не узнала тебя с новой прической и этим потрясающим цветом волос. И как ей идет, правда, Лайэм? Она выглядит совершенно по-новому.

— Что правда, то правда, — сказал Лайэм таким тоном, что его мать взглянула на него, подняв брови. Потом повернулась к Молли и взяла ее за руку.

— Кто тебе все это делал, дорогая? — спросила она, ведя ее в дом. — Я вечно ищу хорошего

мастера.

Они остановились в холле, и Молли стала с упоением рассказывать о том, какая Лианн хорошая мастерица и какие умеренные у нее цены, пока наконец не вмешался Лайэм:

— Так мы будем двигать мебель или нет? Я ведь специально приехал.

— Не груби, дорогой, — сказала ему мать. — Мебель подождет, никуда не денется. Пойду только включу чайник и вернусь поболтать немного с Молли. Мы с ней не разговаривали целую вечность. Ты помнишь, Лайэм, как она приходила к нам каждое воскресенье и ты заставлял ее сидеть у тебя в комнате всю вторую половину дня, показывая ей очередную игру, над которой работал на предыдущей неделе? Я тогда уже подумывала, что она заслуживает медали за такое терпеливое отношение к тебе. И за такую доброту. Не так уж много девочек в ее возрасте стали бы дружить с таким чокнутым психом, как ты, дорогой, помешанным на компьютерах.

— Я ничего не имела против этого, миссис Делани, — призналась Молли. — По правде говоря, мне было приятно, хотя не могу сказать, что я всегда все понимала. Лайэм настоящий гений. Мне кажется, это у него от вас.

Бэбс расцвела улыбкой от удовольствия.

— Ты милая и добрая девочка, — сказала она. — Но мой сын никакой не гений. Причем как раз в самом главном, — пробормотала она.

Идя вслед за матерью Лайэма, Молли заметила, что в просторном, разноуровневом доме было не прибрано. И пахло не ахти как. Миссис Делани явно не считала домашнюю работу обязательной. Странно. Молли не припоминала, чтобы в прежние времена дом казался таким запущенным.

Через большую общую комнату они прошли на кухню, при виде которой с ее матерью моментально случился бы нервный припадок. Молли еще никогда в жизни не видела такую гору грязной посуды.

— Извини за беспорядок, — сказала Бэбс Делани, сопроводив извинение небрежным взмахом руки. — Моя помощница по дому уволилась по состоянию здоровья пару недель назад, а меня поджидает срок сдачи книги. Я все собираюсь дать объявление, чтобы взять кого-нибудь на ее место, да вот пока руки никак не доходят.

Молли пришла в голову одна мысль.

— Сколько зарабатывает помощница по дому?

—Что?

Молли повторила вопрос.

— Ну, я не знаю, какие сейчас расценки. Своей даме я платила пятьдесят долларов в день, наличными, — ответила Бэбс, пытаясь подставить чайник под кран. Это было непросто сделать, поскольку раковина была полна. — Она обычно приходила по понедельникам и пятницам, на шесть часов. И все равно успевала справиться со всей стиркой и глажкой, с уборкой и всеми другими делами, которые нужно было сделать, так что заслужила каждое пенни, что я ей платила. И я могла использовать все свое время для того, чтобы писать, а это значило, что я в

конечном итоге зарабатывала больше денег.

— Понятно, — задумчиво пробормотала Молли.

Мать Лайэма пристально взглянула на нее.

— Ты знаешь кого-то, кто может этим заинтересоваться?

Молли нерешительно помолчала.

— Может быть...

— Ты имеешь в виду свою мать? — догадалась Бэбс. Повернувшись, она поставила чайник на стойку и включила его.

— Вообще-то да... Знаете, папа оставил ей кучу долгов, а пенсии на все не хватает. Я предложила ей взять жильца, чтобы легче было сводить концы с концами, но этот вариант ей явно не понравился.

— В таком случае не пойти ли мне спросить ее прямо сейчас? — предложила Бэбс. — А заодно и пригласить ее пообедать с нами. Еды у меня масса. Лайэм, а ты пока загрузи-ка мне посудомойку, будь умницей. Если у мамы Молли в доме такой же порядок, как и в саду, то она в обморок упадет от нашего хаоса. Молли, дружок, тебе не трудно принести из гостиной грязные стаканы? Да, и пепельницы тоже? У меня вчера были гости, которые дымили как фабричные трубы.

Молли рада была услужить. Какая приятная женщина мать Лайэма! Как только Бэбс ушла, она закружилась по гостиной, стараясь привести ее в порядок хоть немного, пока Лайэм гремел посудой на кухне. Когда она вошла туда, неся четыре грязных стакана и стопку пепельниц, которые надо было вытряхнуть, он как раз закрыл дверцу посудомойки и включил программу.

— Я все это вымою в раковине, — сказала она и тут же принялась за работу.

Лайэм стоял, прислонившись к кухонной стойке, со скрещенными на груди руками и задумчиво смотрел на нее.

— И большой у вас долг?

— Большой, — сказала Молли. — За год до смерти он взял ссуды под залог дома, чтобы финансировать очередную свою коммерческую авантюру, которая лопнула, как и все другие его проекты быстрого обогащения. Выплата этих ссуд съедает еженедельно почти всю мою зарплату.

Лайэм выпрямился; вид у него был потрясенный.

— Но это ужасно! Почему ты мне раньше ничего не говорила?

— А почему я должна была говорить? Разве это твоя проблема, Лайэм?

— Какой же я тебе в таком случае лучший друг? — резко бросил он.

Его раздражение удивило Молли.

— Но я... я...

— Скажи мне точно, у кого взяты эти ссуды и какие проценты ты платишь.

— Зачем?

— Затем, что я хочу тебе помочь.

— Каким образом?

— Это зависит...

— От чего?

— От того, сколько в тебе глупой гордости. Она вздернула подбородок.

— Мне пока хватает. И я совсем не считаю, что гордость — это глупо!

— Я так и думал. В этом случае есть два варианта. Я мог бы поручить своему аудитору взглянуть на эти ссуды и посмотреть, каким образом их лучше всего выплатить при самом низком проценте. Таким людям, как твой отец, всегда приходится занимать деньги под непомерный процент, потому что они представляют собой риск для кредиторов. Кроме того, процентные ставки в последнее время упали. Я мог бы сам организовать выплату долгов с предоставлением тебе беспроцентной ссуды. Мы можем составить юридический документ, чтобы удовлетворить твою гордость. И в том, и в другом случае твои выплаты станут существенно меньше.

Лицо Молли просияло.

— Беспроцентная ссуда! О, Лайэм, это было бы чудесно! Просто замечательно! — Но потом она сникла. — Беда в том, что с юридической точки зрения долги не мои. Они мамыны. Все документы пришлось бы подписывать ей. А я не думаю, что она согласилась бы на твой второй вариант. Я хочу сказать... она может подумать, что здесь что-то... нечисто.

— Нечисто? Что ты имеешь в виду?

— Она может подумать, что такой договор заключен на условиях.

— На условиях? Каких еще условиях?

— Не прикидывайся дурачком, Лайэм. Между тобой и мной, понимаешь?

Лайэм был обескуражен.

— Она подумает, что я потребую, чтобы ты спала со мной в обмен на деньги? С какой стати, ради всего святого, она так подумает?

Молли не могла рассказать ему правду — что это свою дочь Рут считает способной на дурные поступки, а не его. Но что-то сказать было нужно. Лайэм был явно оскорблен намеком на то, будто он способен уложить девушку в постель с помощью шантажа или подкупа.

— Не принимай это на свой счет, Лайэм. Мама вообще невысокого мнения о мужчинах, когда заходит речь о сексе, — сказала она. — Папа был неисправимый бабник, знаешь ли.

— Нет, — все еще хмурясь, медленно произнес он. — Я об этом не знал. Ты мне никогда не говорила. Ты мне почти ничего не рассказывала ни о себе, ни о своей семье.

— Ты никогда и не спрашивал.

— Ну вот, спрашиваю сейчас!

— Почему?

— Как «почему»?

— Ну да, почему вдруг такой интерес? Лайэм был ошеломлен, потом совершенно вышел из себя.

— А почему женщинам всегда нужно делать из мухи слона? Никакой тайны в моем интересе нет. И он вовсе не вдруг. Я всегда был к тебе привязан, Молли, только так увязал в делах, что у меня не оставалось времени подумать о проблемах других людей. Предлагаю тебе объяснить эту перемену во мне тем, что я наконец-то достиг зрелости, если уж тебе обязательно надо чем-то ее объяснить. Как-никак, а в этом году мне стукнуло тридцать.

— Да, я знаю, — сухо сказала она. — Сама покупала и зажигала свечи на твоём торте.

— Ты все еще не простила меня за то, что я забыл о твоём дне рождения, да?

— Я прощу тебя за все что угодно, если твой аудитор сделает так, чтобы у меня каждую неделю оставалось немного больше денег. Мне очень хочется немножечко разбогатеть, купить себе что-нибудь. Если ты сможешь это устроить, Лайэм, то я буду тебе всю жизнь благодарна.

Он бросил на нее раздраженный взгляд.

— Значит, мне предстоит стать источником дальнейших перемен в моей Молли. Твой мистер Икс скоро капитулирует. Откровенно говоря, мне совсем не улыбается отправлять тебя в объятия к какому-то смазливому подонку, который имел кучу женщин и не оценил по достоинству такого чудесного человечка, каким была ты до превращения в картинку из модного журнала.

Молли сначала удивилась, а потом почувствовала себя польщенной, уловив нотки ревности в его голосе. Ей пришло в голову, что изобретение мифического мистера Икс было величайшей ее удачей. До этого Лайэм в жизни не уделял ей столько внимания. Она вдруг сразу превратилась в привлекательную особу, да еще одержимую тайной страстью. О том, что объектом этой тайной страсти был он сам, Лайэм и не догадывался, но ему явно не нравилось, что она безумно влюблена в какого-то смазливого Казакову. Это ли не резон, чтобы продолжать надеяться?

— Не думаю, что ты на самом деле любишь этого человека, — неожиданно заявил Лайэм. — Из всего от тебя услышанного могу заключить, что здесь типичный случай самообмана. Ты это поймешь, когда дело у вас дойдет до постели. Такие мужчины редко соответствуют тем романтическим и сексуальным фантазиям, которые сплетают вокруг них женщины. Они слишком заняты собой и поэтому не могут быть хорошими любовниками.

— Очень интересная теория, — задумчиво сказала Молли. — А себя ты считаешь хорошим любовником, Лайэм?

— Себя? Но мы говорим не обо мне! — раздраженно проворчал он. — Мы говорим об этом твоём красавчике.

— Ну, я не знаю, — протянула она с наигранным простодушием. — Ты ведь однажды сам признался в эгоизме. И только что сказал, что из мужчин-эгоистов не получаются хорошие любовники.

— Да, говорил, но и эгоисты бывают разных видов. Мне нравится думать, что я добиваюсь успехов во всем, за что берусь. Так что да, я считаю себя хорошим любовником. Будешь со мной спорить или поверишь на слово?

Вообще-то я бы не возражала против показательного выступления, подумала Молли с участвующим сердцебиением. Она посмотрела сначала в красивые синие глаза Лайэма, потом на его столь же красивый рот и наконец незаметно, как она надеялась, пробежалась взглядом по его обольстительному телу.

Возникшее в ответ сладостно-терпкое ощущение, наполнило ее восхитительным сексуальным возбуждением, за гранью которого, однако, лежало такое острое разочарование, что ей хотелось закричать и затопать ногами.

— Наверно, придется поверить на слово, — с трудом проговорила она. — Звонить Рокси и спрашивать у нее я определенно не собираюсь. Ты порвал с ней, и это самое лучшее, что ты мог сделать.

— Порвал с Рокси? Я не порывал с Рокси. С чего ты это взяла?

— Но тогда... ты ведь сам сказал...

— Я сказал, что мы на время расстались. Кстати, это была ее идея. Ей взбрело в голову, будто я воспринимаю ее как нечто само собой разумеющееся; вероятно, так оно и было. Поэтому она сказала мне, что месяц не будет видеться со мной. И что все это время у нас с ней не будет никаких контактов, даже по телефону.

— Понятно. — Молли почувствовала, как рушатся все ее иллюзии, такие смелые и увлекательные. — И когда же этот месяц заканчивается? — спросила она, и ее голос прозвучал невыразительно и глухо.

— В следующее воскресенье. — Он возбужденно провел рукой по волосам. — Я просто жду не дождусь. Это были самые длинные, самые пустые четыре недели в моей жизни!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

После такой беседы ничто уже не могло привести Молли в хорошее настроение, даже возвращение Бэбс с ее матерью, у которой все еще был виноватый вид. К ее удивлению, Рут с радостью ухватилась за возможность поработать помощницей у миссис Делани, а потом буквально пришла в восторг, когда Лайэм объяснил ей свое предложение о рефинансировании.

— Это же чудесно, Молли, не правда ли? — воскликнула мать. — Теперь нам не придется брать в дом чужого человека. И у тебя наконец будут какие-то деньги, которые ты сможешь потратить на себя.

Молли улыбнулась и сказала, что да, это чудесно. Она улыбалась весь обед и смеялась, когда они вчетвером передвинули мебель в гостиной Бэбс, а потом поставили все обратно, так как эксперимент не удовлетворил творческую натуру Бэбс.

Никто и не догадывался, как ужасно чувствовала себя Молли. Она была непревзойденным

мастером в деле сокрытия своих чувств, особенно при Лайэме. Но на сердце у нее становилось все тяжелее и тяжелее. Ко времени чаепития она до изнеможения устала притворяться веселой и беззаботной. Демарш Рокси оказался последней каплей.

Жажда примирения в нем была почти ощутимой. Он с нетерпением ждал того момента, когда снова окажется с ней в постели. Молли больше не могла себя обманывать. Внимание, которое он оказывал ей, объяснялось его скукой, а не какой-то внезапно проявившейся зрелостью.

— Так ты не забудь о рефинансировании, — чопорно напомнила она ему, когда настало время уходить.

— Ни в коем случае. Рут еще сегодня передаст мне все нужные бумаги. Я скоро зайду за ними, Рут, и поручу Найджелу заняться этим делом в первую очередь, а в следующую субботу привезу все вам на подпись.

— Значит, ты приедешь в следующую субботу? — спросила Молли с усталой безнадежностью. Прежде известие о приезде Лайэма привело бы ее в восторг. Теперь же никакого удовольствия она не испытывала и лишь цинично подумала, что он, разумеется, приедет — ведь до воскресенья ему все равно нечем будет заняться.

— Да, меня пригласили выступить на банкете по случаю вручения призов местным бизнесменам вечером в субботу. Вручать призы буду тоже я.

— Как здорово, — вежливо сказала Молли.

— А почему бы тебе не взять с собой Молли, Лайэм? — предложила его мать. — В приглашении сказано «с партнершей».

Лайэм моментально нахмурился, и этого было достаточно, чтобы отвратить Молли от этой идеи, несмотря на то что ее глупое сердце последний раз слабо встрепенулось. Он повернул голову в ее сторону, потом медленно осмотрел ее с головы до ног. Ей казалось, что она почти видит, как «тикает» его мозг. Старушка Молли выглядит совсем неплохо. Теперь ее не стыдно пригласить на банкет, не то что неделю назад.

— Хочешь пойти? — спросил он ее. — Только тебе понадобится строгое вечернее платье.

Молли собралась с духом, чтобы решиться отказать мужчине, которого любит, чего, как ей казалось, она бы никогда и ни за что не сделала.

— Спасибо, Лайэм, — сказала она с великолепно сыгранным безразличием, — но у меня другие планы на следующий субботний вечер.

Его синие глаза на мгновение затуманились, и всплеск мстительного наслаждения на долю секунды поднял ей настроение, но тут же был смыт волной отчаяния. К глазам подступили слезы, и ей захотелось немедленно уйти.

— Не пора ли нам домой, мама? — спросила она, решив поддерживать деланную веселость до самого конца. — У меня есть дела вечером, нужно подготовиться к началу рабочей недели.

— Моя рабочая неделя тоже ведь начинается завтра, не так ли, Бэбс? — радостно проворковала Рут.

— Совершенно верно.

— Спасибо вам большое, — продолжала Рут, с трогательной благодарностью горячо пожимая руки соседки. — За обед. И... и за все.

Бэбс улыбнулась и похлопала Рут по руке.

— Это мне надо вас благодарить. Я приобрела не только замечательную домоправительницу, но и нового друга. Увидимся завтра утром, Рут.

— А я чуть позже зайду к вам, миссис Маккрэй! — крикнул вдогонку Лайэм, когда Молли с матерью были уже в дверях. — За документами.

— Какие хорошие люди, — сказала Рут, пока они шли к своему дому. — И как благородно со стороны Лайэма, что он вызвался помочь нам с этими денежными делами, правда?

— Да, очень, — ответила Молли, почти не разжимая губ.

Обе женщины вошли в дом в молчании, но Молли чувствовала, что мать за ней наблюдает.

— Почему ты не согласилась пойти с Лайэмом на банкет? — спросила Рут, когда они остались вдвоем у себя на кухне. — Это не из-за того, что я наговорила раньше? Что ты недостаточно... ну... красива для него? Потому что это совсем не так, Молли. Ты очень даже красива. И ты ему на самом деле нравишься. Я это теперь вижу. Он буквально глаз не мог оторвать от тебя за обедом. И потом, позже, когда он...

— Ну, прошу тебя, мама, — умоляюще сказала Молли. — Давай не будем выдумывать. Ты с самого начала была права.

— Нет, Молли, это не так. Я была не права. Мне очень стыдно. Я жалела себя и боялась. Да, боялась, — повторила она, когда увидела, как округлились у Молли глаза. — Боялась, что какой-нибудь мужчина подхватит и уведет тебя — такую, какой ты сейчас стала, — а я останусь одна на белом свете. Но сегодняшний день на многое открыл мне глаза. Вот Бэбс Делан и. Она вдова, как и я, но она не сидит и не киснет от жалости к себе. Она пишет книги, играет в гольф, бинго и бридж. И сына не старается пришить к своему подолу. Я теперь вижу, что от меня самой зависит, какой может стать моя жизнь. Я понимаю, что работа уборщицы — это не Бог весть что, но по крайней мере она у меня хорошо получается, да и начало будет положено. Чего доброго, я еще и к этой твоей парикмахерше схожу и вернусь блондинкой!

— О, мама! — воскликнула Молли, и ее сердце ожило от прилива настоящей радости. — Ты не представляешь, как я счастлива это слышать!

— Ты... ты прощаешь меня за те ужасные вещи, что я тебе наговорила? Я ведь ничего подобного не думала, правда...

Молли растаяла.

— Конечно, прощаю, — ласково сказала она. — Я тебя люблю, мама.

— Ох, Молли! — И мать обняла ее.

Этого оказалось достаточно, чтобы смести остатки самообладания, с трудом сохраняемые Молли в течение целого дня. Плечи ее задрожали от сотрясавших тело рыданий.

— О, Молли, — простонала мать и еще крепче прижала ее к себе. — Не плачь, милая.

Пожалуйста, не плачь. Это все я виновата! Если бы я не наговорила тебе этого ужасного вздора, ты бы могла спокойно принять приглашение Лайэма. Я во всем виновата!

— Нет, ты тут ни при чем, — возразила Молли, шмыгая носом и высвобождаясь из материнских объятий. — Лайэм ведь пригласил меня только потому, что Рокси хочет что-то такое ему доказать и отказалась от всякого общения с ним на месяц. Но со следующего воскресенья они опять будут вместе, так что их и водой не разольешь. Кто знает! Если она пойдет с верной карты, то не исключено, что он сделает ей предложение.

— Что за чепуха! — твердо сказала мать, и Молли вздрогнула от неожиданности. — Лайэм совсем не влюблен в эту яркую красотку. Ни один мужчина, если он влюблен в девушку, не станет смотреть на другую так, как он смотрел сегодня на тебя.

Молли была поражена.

— Но я... я не заметила, чтобы он как-то по-особенному на меня смотрел...

— Значит, ты так же слепа, как и он, девочка моя. Ты сделала большую ошибку, отказавшись пойти с ним в субботу вечером. А теперь послушай меня. Когда он зайдет за этими бумагами, ты скажешь ему, что передумала и хотела бы с ним пойти.

— Но ведь...

— Никаких «но». Ты сказала, что они с этой Рокси встретятся не раньше воскресенья. Вот и используй как можно лучше оставшееся время!

— Я только собиралась сказать, что мне нечего надеть, — с бледной улыбкой прошептала Молли.

— Ну, это легко поправить.

— Каким образом? Бухгалтер Лайэма не может моментально добыть нам денег. А того, что ты зарабатываешь уборкой, мама, я не возьму ни под каким видом. Да и ста долларов все равно никак не хватит, — добавила она с печальным вздохом. — Платье для званого обеда, туфли и сумка к нему — это в наши дни не дешевое удовольствие.

— А пятисот долларов хватит?

— Пятьсот долларов! Но откуда?.. То есть... Рут расплылась довольной улыбкой в ответ на удивление дочери.

— Не только ты скопила кое-что на черный день, девочка моя. Иди-ка сюда.

Заинтригованная Молли пошла вслед за матерью, которая привела ее наверх, в главную спальню, где, подойдя к кровати, приподняла матрас и вытащила из-под него довольно помятый конверт из оберточной бумаги. Отвернув клапан, она вытряхнула его содержимое прямо на лоскутное одеяло. Оттуда посыпались купюры разного достоинства, в основном пяти-, десяти- и двадцатидолларовые.

— Раньше, когда был жив твой отец, я прятала деньги в пустой коробке из-под стирального порошка в комнате для стирки. Теперь вот держу здесь. Тут как минимум пятьсот долларов, может даже, и больше. — Она собрала купюры и сунула их Молли в руки. — Я хочу, чтобы ты купила себе такое платье, в котором сразишь Лайэма наповал!

Прилив бурной радости, охватившей Молли в первую минуту, сменился ощущением страха и неуверенности. Что бы ни говорила ей мама, какое бы платье она ни купила, разве может она серьезно конкурировать с Рокси? Это все равно что сравнивать приятное сладенькое домашнее вино с французским шампанским высшей марки. Экстравагантная Рокси искрилась и сверкала. Это была женщина для особых случаев, тогда как она, Молли, человек каждодневного обихода.

Когда Лайэм смотрел на нее, он видел просто знакомое лицо. А привычка рождает пренебрежение, никаких интересных реакций не вызывает. Это всем известно.

Но может быть, так он видел ее раньше? А теперь ее новый облик заставит Лайэма смотреть на нее другими глазами?

Молли говорила правду, когда сказала, что не заметила ничего особенного в том, как он на нее смотрел. Но после его слов о Рокси она сильно расстроилась и вполне могла не обратить внимания.

Что, если ее мать на самом деле верно все подметила, а не просто хотела поднять дочери настроение и загладить свою вину? Молли не хотела самообольщаться. И все же...

Что-то шевельнулось в ее душе. Что-то такое, чего раньше она не ощущала. Что-то воинственное.

Рокси сказала о ней, что она себе на уме. Может, Рокси и права, подумала Молли, ожесточаясь все больше и больше.

Что ж, я не собираюсь тихонечко исчезнуть, дорогая Рокси. Как не собираюсь и отдать тебе Лайэма без боя. В субботу вечером я намерена использовать все женские трюки, какие только существуют.

Беда была лишь в том, что она об этих трюках не имела никакого понятия. Ей придется положиться на собственную интуицию.

Трель дверного звонка заставила ее вздрогнуть.

— Это должен быть Лайэм, — встрепелась Рут. — Брось деньги, спустись вниз и поговори с ним, пока я найду бумаги, которые ему нужны. Скажи, что ты передумала насчет субботнего вечера, и спроси, в котором часу он за тобой заедет. Но разговаривай прохладным тоном. Не кажись явно заинтересованной.

— Мам, ты учишь меня хитрить?

— Ну а какой смысл быть легкой добычей? Девушке не повредит немножко поиграть в недоступность. А потом, мужчинам обычно не хочется того, что они могут получить, как им кажется, задаром. Им нравится, если есть какое-то сопротивление.

Спускаясь вниз, Молли качала головой. Кто бы мог подумать, что у ее матери под внешней оболочкой застенчивости и сдержанности скрываются задатки настоящей *femme fatale*, роковой женщины? Одному Богу известно, что может произойти, если вдова Маккрэй вдруг станет блондинкой!

Идя открывать дверь, Молли заготовила приятную улыбку и решила, что на этот раз будет начеку и обязательно заметит, если Лайэм посмотрит на нее как-то заинтересованно.

— Еще раз привет, — сказала она. — Мама сейчас принесет эти бумаги. Послушай, Лайэм, по поводу следующей субботы. Я поступила невежливо, когда, не подумав, отказалась от твоего милого приглашения. Я знаю, как тоскливо ходить на такие мероприятия в одиночестве...

Она, разумеется, этого не знала, потому что ни разу не была на подобном банкете. Зато воображения ей было не занимать. Взять хотя бы то, сколько раз Лайэм занимался с ней любовью в этом самом ее воображении!

На свою беду, именно в этот момент она позволила воображению разыграться. Это был ее любимый сценарий с Лайэмом в главной роли. После настоящего свидания он привозит ее домой, к этой двери, затем следует продолжительная сцена с поцелуями и тяжелым дыханием. Когда она наконец открывает дверь, он вталкивает ее внутрь, потом подхватывает на руки и несет наверх, в ее комнату, где должна разыграться сцена страстной любви.

У нее пересохло во рту при мысли об их переплетенных обнаженных телах. Ее зеленые глаза заблестели, неосознанно обратившись на предмет ее желания.

Прежде чем они добрались до его талии, Молли сглотнула, потом прочистила горло.

— Нельзя ли... ничего, если я передумаю и отвечу «да»?

Он оцепенел. Он определенно оцепенел.

Почему?

— Это создаст проблему? — спросила она беззаботным тоном, хотя сердце у нее бешено колотилось.

А он просто стоял и смотрел на нее, нахмурившись. На крыльце вдруг возникла атмосфера какой-то напряженности. Молли не знала, что и подумать.

— Лайэм? — выдавила она из себя. Казалось, ему пришлось встряхнуться, чтобы ответить.

— Нет, — пробормотал он. — Никакой проблемы. Я буду рад.

Молли пришлось поостеречься, чтобы не выдохнуть разом весь воздух из легких.

— Прекрасно, — сказала она, чуть улыбнувшись. — Где же состоится банкет и к которому часу мне надо быть готовой?

— Он состоится в клубе Лиги, наверху, в Адмиральской каюте. Начало в восемь. Аперитив в семь тридцать. Я заеду за тобой, скажем... в семь пятнадцать. Идет?

— Я буду готова. И спасибо тебе еще раз за помощь в финансовых делах.

— Все нормально.

Но, похоже, не все было нормально. Далеко не все. Он ни разу не улыбнулся с того момента, как она открыла дверь. Молли совершенно не понимала его настроения, кроме того очевидного факта, что он чем-то удручен.

Оставалось надеяться, что его настроение вызвано открытием новой Молли, а не беспокойством о том, как бы это не вызвало ревность Рокси, если та узнает.

Появление ее матери перевело разговор на более спокойную тему. Несколько минут спустя Лайэм ушел, и Рут, закрывая входную дверь, бросила на Молли испытующий взгляд.

— Ну как? Что произошло? У вас обоих был несколько напряженный вид.

Молли пожала плечами.

— Точно не знаю. Я сказала ему, что передумала, и он согласился взять меня на банкет, но без большого энтузиазма. Честно говоря, мне показалось, что это его сильно встревожило.

— Все лучше, чем безразличие, Молли.

— Я тоже так думаю.

— Время покажет, в чем тут дело.

— Наверно. Но какая долгая это будет неделя!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Долгая» — это было еще слабо сказано. «Невыносимо мучительная» было бы вернее.

Молли не в состоянии была сосредоточиться на работе. Да иначе и быть не могло, потому что Джоан начала осаждать ее советами, как только явилась на работу утром в понедельник и увидела Молли.

В основном советы Джоан касались того, как Молли должна быть одета в этот великий вечер. Особенность всех советов заключалась в том, что она каждый день передумывала. В понедельник она настаивала, чтобы Молли купила черное платье. Желательно кружевное. Черное кружево ну очень, очень сексуально!

Молли считала, что не справится с черным кружевом, и так и сказала Джоан. Поэтому во вторник Джоан заговорила о красном атласе, но тут же поняла, что красное придет в жуткое столкновение с новым цветом волос Молли. Со среды до пятницы она перебрала все оставшиеся цвета радуги и все мыслимые фасоны — от соблазнительного с открытыми плечами до облетающего и подчеркивающего фигуру — и закончила девственно-белым.

Эта последняя, отчаянная идея была попыткой применить обратную психологию — ведь Рокси никогда бы так не оделась.

Молли с радостью уходила с работы вечером в пятницу, сказав своей умирающей от любопытства подруге, что пойдет и купит что-нибудь, что окажется ей к лицу. Джоан состроила гримасу и вырвала у Молли торжественное обещание, что та воспользуется духами, которые Джоан подарила ей на день рождения.

— И купи себе какие-нибудь серьги-висюльки. — Это был финальный совет Джоан. — Я недавно смотрела телепередачу, посвященную языку тела, эксперт там говорил, что серьги-подвески передают особые сексуальные сигналы. Кажется, они привлекают внимание к мочкам ушей, а это одна из самых сильных эрогенных зон. В Африке есть такое племя, где женщины специально оттягивают свои мочки тяжелыми кольцами и грузиками. Те, у кого получаются самые длинные мочки, считаются самыми сексуально привлекательными. Так что чем длиннее серьги, тем лучше.

Молли вздохнула и пообещала, что наденет длинные висячие серьги и подушится подаренными духами.

Субботнее утро было облачным, но потом показалось солнце. Утренний прогноз погоды обещал двадцать восемь градусов, что было вполне обычным делом для Центрального побережья в начале марта. К счастью, влажность была невысока, так что Молли надеялась, что платье, которое она купит, будет по погоде — и легким, и открытым, и недушным.

Она приехала как раз к открытию магазинов. Подарок матери — пятьсот сорок пять долларов — был надежно спрятан в ее сумочке. Четыре часа спустя сумочка была практически пуста. На обратном пути Молли с трудом сдерживала возбуждение, крепко прижимая к себе свертки с покупками.

Ей никогда бы даже не приснилось, что она может так хорошо выглядеть. Особенно так соблазнительно. Конечно, еще неизвестно, что скажет Лайэм, но себя ей упрекнуть было не в чем: покупки были великолепные.

Она быстро шла от станции домой, неся четыре пластиковых пакета и немного задыхаясь при подъеме на холм. Уже час тридцать, а красной машины Лайэма пока не видно. Зато она увидела, что его мать, вышедшая на крыльцо полить стоящие здесь цветы, заметила ее и машет рукой.

— Ездил за покупками к сегодняшнему вечеру, дорогая? — крикнула Бэбс, весело улыбаясь.

Молли рада была остановиться на минутку.

— Да, миссис Делани. Промотала кучу денег, — призналась она, переводя дыхание. — Новое платье. Новые туфли. Вообще все новое.

— О, ты должна войти и показать мне. Очень хочется посмотреть.

Молли заколебалась, потом оглянулась назад, на спуск с холма. Ей не хотелось, чтобы Лайэм застал ее здесь.

— Не волнуйся, — понимающе заявила Бэбс. — Лайэм так рано не приедет. У него сегодня работы на целый день. Он позвонил мне и сказал, что оденется в Сиднее и потом заедет прямо за тобой. Идем. Ты пока выпьешь чего-нибудь холодненького. А то совсем запарилась.

Молли действительно было жарко. Но не только из-за поездки за покупками. Сегодняшний вечер внезапно придвинулся вплотную. И это был ее последний шанс. Если сегодня с Лайэмом ничего не получится, то ей придется оставить все надежды.

Решающий момент наступит всего через несколько часов.

— Какой изумительный зеленый цвет! — воскликнула Бэбс, когда Молли вытянула из пакета невесомый кусочек шелка. — Напоминает цвет воды вокруг Большого Барьерного рифа. Приложи-ка к себе, — попросила она. — О, именно то, что надо. — Она засмеялась от восторга. — Ты в этом платье определенно заставишь моего шалопая потерять голову, верно, дорогая?

Молли округлившимися глазами смотрела на мать Лайэма, а та улыбалась ей в ответ многозначительной улыбкой.

— Думаешь, я не догадывалась все эти годы, что ты влюблена в моего сына?

— Я... я...

— Тебе ничего не надо говорить. Ты просто слушай. Лайэм не любит Рокси. Но она девушка красивая и умная, она умеет угодить его немалому самомнению и точно знает, как надо с ним обращаться.

Молли вся превратилась в слух. Она не шелохнулась с того самого момента, когда Бэбс сказала, что Лайэм не любит Рокси.

— Я очень хорошо знаю своего сына, Молли. Знаю его сильные и слабые стороны. Он хороший, добрый, любящий мальчик. Но у него характер маниакального трудоголика с односторонним мышлением. Ты наверняка и сама не раз имела возможность убедиться, что это так. Мне приходилось ставить будильник рядом с его компьютером, чтобы отправлять его вовремя в школу. Когда он занят каким-нибудь проектом, его ничто не может отвлечь, даже мужские потребности, которые у него есть, как у всякого нормального мужчины.

Это Молли, конечно, знала. Она видела вереницу его подружек и понимала, что таким девушкам назначают свидание не для того, чтобы поговорить.

— Ты, может быть, думаешь, что Лайэма всегда тянуло только к самым красивым девушкам? — продолжила его мать. — Что он, подобно мотыльку, летит только на самое яркое пламя?

— Ну, у него все девушки были сногсшибательные, миссис Делани, — заметила Молли.

— Это так. Но дело не только в этом! Молли засмеялась.

— Мне понятен твой скептицизм. И все же то, что я говорю, правда. Привлечь Лайэма удавалось лишь тем девицам, которые обладали достаточной уверенностью в себе, умели победить его рассеянность и заставить его обратить на них внимание. Я не сомневаюсь, что почти все они первыми подходили к нему и, не слишком таясь, проявляли интерес и флиртовали с ним напропалую, стараясь отвлечь от других занятий.

Естественно, такой уверенностью в себе обычно бывают наделены только очень красивые девушки, что делает их еще более интригующими. Завладев вниманием Лайэма, они пускают в ход свой арсенал, чтобы возбудить в нем сексуальное желание. И все же они обычно очень скоро ему надоедают. Или же им самим приносит разочарование его склонность забывать о назначенных свиданиях, и тогда они от него уходят.

Но вот Рокси что-то надолго задержалась. Думаю, она очень хороша в постели. Полагаю также, что она знает истинную цену Лайэму и строит далеко идущие планы. Эта временная разлука должна, по ее мнению, привести Лайэма в такое состояние, что он решит на ней жениться. Сработает этот план или нет, я не знаю. Искренне надеюсь, что нет, потому что она не любит моего сына и лишь сделает его несчастным на всю жизнь. Он, видишь ли, противник разводов. Лайэму нужен кто-то, кто по-настоящему любит и понимает его. Короче говоря, Молли, ему нужна ты.

Молли потеряла дар речи.

— Сегодня вечером тебе представляется идеальный случай помешать планам Рокси, моя дорогая, — заговорщическим тоном продолжила Бэбс. — Но ты должна быть смелой. И дерзкой. Заставь его увлечься тобой. Пофлиртуй с ним. Дай ему понять, что хочешь его. Ты

ведь его хочешь, верно?

Молли могла только кивнуть.

— Тогда добивайся его — с такой же хитростью и беспощадностью, как Рокси. Короче говоря, соблазни его!

Соблазнить его?

Молли шла домой, и эти пугающие речи звучали у нее в ушах. Как ей, неопытной девственнице, соблазнить такого мужчину, как Лайэм? По словам его собственной матери, целые толпы красивейших женщин совершают с ним именно эту операцию, причем со знанием дела! А что может она, Молли Маккрэй? Да, она изменилась, но это изменение чисто внешнее. Внутри она все та же тихая, застенчивая девушка. Совсем не смелая и не дерзкая.

Да, пару раз за последнее время она постояла за себя, но не на глазах у всех, а перед людьми, которых хорошо знает. Сможет ли она флиртовать с Лайэмом на официальном банкете и в присутствии посторонних? Ей стало дурно от одной только мысли об этом.

К семи часам эта дурнота от страха все еще не прошла. Хотя то, что отражалось в зеркале туалетного столика, давало ей некоторое основание чувствовать себя более уверенной, к чему призывала ее мать Лайэма. Молли знала, что она никогда еще не выглядела такой красивой, такой соблазнительной. Джоан определенно была права насчет длинных серег-висюлек. Эти прозрачные зеленые капельки свисали почти до плеч, соблазнительно покачиваясь при каждом ее движении. Они точно стоили тех пятидесяти долларов, что она за них заплатила.

— О, Молли, ты смотришься потрясающе!

Молли резко обернулась на звук материнского голоса — юбка ее зеленого шелкового платья взметнулась вокруг ее бедер и вновь улеглась скромными складками. Хотя при такой длине никакая юбка не могла бы выглядеть скромной. Она заканчивалась на высоте добрых пяти дюймов над коленями. К этому платью очень подходили бронзового цвета туфли от Джейн Дебстер на четырехдюймовых каблуках. В своем новом наряде Молли казалась состоящей из одних ног.

— Ты правда так считаешь, мам? — Молли отчаянно нуждалась в поддержке, так как не доверяла своим глазам.

Восхищенный взгляд Рут скользил по блестящим волосам дочери, по лицу с отлично наложенным макияжем, по оригинальным сережкам и дальше — по очень интересному маленькому платью, которое идеально подчеркивало стройную фигуру Молли. Глубокое круглое декольте открывало соблазнительную ложбинку, а плотно облегающий лиф показывал, что Молли могла бы составить конкуренцию Скарлетт О'Хара по части осиной талии, причем даже без помощи корсета.

— Повернись-ка, — сказала ей мать. — Дай мне еще раз посмотреть на тебя сзади.

Молли нерешительно повернулась. Большой вырез, украшенный шнуровкой, открывал спину до самой талии. Такой покрой платья предполагал отказ от лифчика, даже без бретелек. Единственным предметом нижнего белья на Молли была пара дорогущих лайкровых колготок телесного цвета со «встроенными» штанишками для подтягивания живота.

Молли снова повернулась лицом к матери и увидела, что та слегка нахмурилась.

— Что-то не так? — спросила она, запаниковав. — Думаешь, вырез слишком смелый? Может, мне вместо этих серег надеть кольцо?

Рут улыбнулась ей ободряющей улыбкой.

— Ни в коем случае. Эти сережки то, что нужно. Нет, просто я надеюсь, что у тебя сегодня все получится.

Молли сделала глубокий вдох.

— Я тоже надеюсь...

Рут подошла к дочери ближе и взяла ее руки в свои.

— Что бы ни случилось, ты выглядишь очаровательно.

— Спасибо, мам.

— И духи тоже замечательные. Как они называются?

— Это те самые, которые Джоан подарила мне на день рождения. Они называются... «Соблазнительница».

Брови Рут подскочили кверху. Мать и дочь посмотрели друг «а друга и засмеялись.

— Будем надеяться, что они содержат привораживающее вещество, — сказала Молли, удрученно покачав головой, — потому что, как мне кажется, оно бы мне пригодилось.

— У тебя все получится, дорогая. Просто будь самой собой, милой и симпатичной, и Лайэм будет очарован.

Молли поняла, что совсем запуталась. Мать Лайэма предложила ей выступить в роли женщины — вамп, а ее собственная советует быть естественной. Сама же она чувствовала интуитивно, что ни тот, ни другой вариант не сработает. По-настоящему Лайэм отреагировал на нее только один раз — когда приревновал ее к мистеру Икс.

Может, именно так и надо действовать. До сих пор мистер Икс был весьма и весьма полезен...

Молли все еще размышляла над проблемой мистера Икс этим вечером, когда раздался звонок в дверь. В животе у Молли все судорожно сжалось. Святые небеса!

— Это, должно быть, Лайэм, — шепотом сказала мать. — Я не буду подходить к двери. Скажи, что я в ванной или еще где-нибудь. Если он принес наши бумаги, оставь их на столике в холле. Да, и не волнуйся, если задержишься допоздна. Я беспокоиться не буду. И не буду слишком переживать, даже если ты вообще не придешь ночевать!

Зеленые глаза Молли округлились от удивления.

— Мама, — сказала она, — ты меня поразила. Я благодарю тебя за такое понимание. И все же мне кажется, что я буду дома вскоре после полуночи, как настоящая Золушка.

— Ну, не знаю, — с усмешкой возразила Рут, еще раз взглянув на свою преображенную дочь. — А теперь беги, — прибавила она, когда звонок повторился.

Молли подхватила сумочку такого же бронзового цвета, как и ее туфли, и осторожно сошла вниз, стараясь не оступиться на непривычно высоких каблуках.

Не тушуйся, говорила она себе. Будь смелой. И дерзкой.

Наклеив на лицо спокойную улыбку, она распахнула дверь, готовая принять изумленное восхищение Лайэма так, словно это самая естественная вещь на свете. Но, на свою беду, она оказалась совершенно не подготовленной к встрече с незнакомым ей Лайэмом — сногшибательно красивым в прекрасно сшитом черном вечернем костюме.

Почти все мужчины хорошо смотрятся в смокинге.

Лайэм смотрелся потрясающе.

Она застыла, потеряв дар речи от восхищения, и не видела его первоначальной реакции. Когда она пришла в себя настолько, что смогла посмотреть ему в глаза, то увидела, что он с легким упреком качает головой.

— Вижу, что мне предстоит длинный и трудный вечер.

Молли от неожиданности растерялась. Понравилось ему или нет, как она выглядит?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать, негодная девчонка. Боже мой, на тебе надето хоть что-нибудь под этим платьишком?

Молли вспыхнула и оцетинилась.

— Я лишь следую твоим советам. Ты же сам сказал, что не любишь женщин в штанах.

Его синие глаза в изумлении уставились на то место, где на середине бедер оканчивался подол ее платья. Молли в досаде закатила глаза.

— Я совсем не это имела в виду. Разумеется, на мне надеты колготки, совмещенные с трусиками, — сухо сказала она. — Я говорила о том, что на мне платье, а не брючный костюм.

— А, так это на тебе платье? Я-то подумал, что ты забыла его надеть.

— Очень смешно. Правда, Лайэм, ты ведешь себя как сверхзаботливый старший брат. К чему бы это? Раньше такого за тобой не водилось.

— Раньше ты никогда так не выглядела.

— Это что, комплимент или оскорбление?

— Это может создать ненужные проблемы.

— Не вижу, каким образом, — беспечным тоном сказала Молли. Но она вовсе не была такой овечкой, какой прикидывалась, и реакция Лайэма приводила ее в восторг. Он был потрясен ее нарядом. И уже заранее ревновал ее к другим мужчинам, которых она увидит вечером.

Она вспомнила напутствие его матери: «Тогда добивайся его — с такой же хитростью и беспощадностью, как Рокси...»

— Ну как, — продолжала Молли, поворачиваясь кругом и безжалостно притворяясь, будто не представляет, какое действие произведет на него ее спина, — убью я их всех наповал или нет?

— Не знаю, как другие, — прорычал он, хватая ее за запястье, чтобы не дать ей еще раз повернуться кругом, — а я уже убит и похоронен.

Она как бы озабоченно нахмурилась.

— Но я говорю не о тебе, Лайэм. Я думала о тех преуспевающих и, возможно, свободных бизнесменах, которые будут сегодня на банкете.

Лайэм уставился на нее злыми глазами.

— Вот, значит, почему ты передумала и решила пойти со мной сегодня? Хочешь повертеться перед другими мужчинами, как на каком-нибудь мясном рынке?

— Ну... я не стала бы выражаться так грубо. И интересуется меня только один мужчина. — Молли хотела лишь сказать, что она не из тех, кто играет по всему полю, но Лайэм тут же понял все шиворот-навыворот.

— Один мужчина? — Он нахмурился, потом метнул на нее свирепый взгляд. — Господи, только не говори мне, что твой чертов мистер Икс тоже будет на этом проклятом банкете!

Молли попыталась не покраснеть, но ей это не удалось. В первый раз изобретение мистера Икс обернулось против нее самой.

— Проклятье, Молли! — взорвался Лайэм. — Ты должна была предупредить меня.

— А зачем? Ты что, отказался бы взять меня с собой, если бы я сообщила, что он там будет? — спросила она, а ее мозг в это время лихорадочно искал выхода из создавшейся ситуации. Мистер Икс, решила она, должен исчезнуть раз и навсегда. До сих пор он был очень полезен, но сейчас начал ей мешать.

Лайэм открыл было рот, собираясь что-то сказать, потом закрыл его.

— Так или иначе, этот вопрос к делу больше не относится, — быстро продолжала Молли. — Потому что мистера Икс там не будет. С этого момента мистер Икс стерт с лица земли. Я решила последовать твоему совету, Лайэм, и жить дальше. Именно это я и делаю. А теперь нам пора отправиться в путь. Или ты хочешь опоздать?

— С тобой действительно можно опоздать! — насмешливо проговорил он. — Ну и слава Богу! Лучше проскользнем через заднюю дверь.

— Тебе сегодня ничем не угодишь, да? — бросила Молли, выходя и с силой захлопывая за собой дверь. — Я сделала всего-навсего то, что ты мне посоветовал. И считаю, что справилась неплохо.

Лайэм схватил ее за локоть и подтолкнул вперед по подъездной дорожке. Молли покачнулась. При этом закачались ее хрустальные сережки и ничем не сдерживаемые груди. Она смотрела прямо перед собой, но чувствовала, что глаза Лайэма не отрываясь изучают ее чрезвычайно подвижный бюст. До сего момента она и не подозревала, что происходит при энергичном движении с освобожденными от бюстгальтера грудями. Такого размера, как у нее.

— «Неплохо» — это очень слабо сказано, — пробормотал Лайэм.

Когда они дошли до его машины и остановились возле дверцы со стороны пассажирского сиденья, Молли вырвала у него свою руку.

— Ну и как я выгляжу? — с вызовом спросила она.

Его синие глаза вспыхнули, он рывком открыл дверцу и жестом показал ей, чтобы она садилась. Он не проронил ни слова, пока она опускалась на сиденье, но выражение его глаз было красноречивее всяких слов, когда взгляд их скользнул вниз и отметил, как высоко вздернулась ее юбка.

— Вызывающе, — прорычал он наконец и резко захлопнул дверцу.

— Прекрасно, — отпарировала она, когда он сел за руль. — Это именно то, чего я добивалась.

Молли положила сумочку на колени и с некоторой тревогой заметила, что при своих небольших размерах этот аксессуар закрыл почти половину ее микроскопической юбочки. Не зашла ли она слишком далеко с этим платьем? Она хотела понравиться Лайэму, а не оттолкнуть его. Ей и в голову не могло прийти, что он такой блюститель нравов. В обществе Рокси он определенно им не был. Но Боже мой, некоторые вещи этой особы были просто отвратительны!

Все же... он обратил-таки на нее внимание. А это уже кое-что.

Вытянув привязной ремень, она собиралась пристегнуться, как вдруг рука Лайэма крепко схватила ее за подбородок. Она ахнула, когда он резко повернул ее лицом к себе, и снова ахнула, когда он неожиданно накрыл ее рот своим.

Его губы настойчиво давили, требуя, чтобы она сдалась. Она уступила под влиянием скорее шока, чем какой-то мгновенно вспыхнувшей страсти. Ее губы раздвинулись, и его язык проник глубоко к ней в рот.

Ее стон, казалось, вернул его к действительности, к грубости его свирепого поцелуя, потому что его голова откинулась назад, а глаза распахнулись в испуге. Она молча смотрела на него, закрыв рот тыльной стороной левой руки.

Он скрипнул зубами и покачал головой, явно в ужасе от себя самого.

— Прости меня, Молл. Черт, я не знаю, что в меня вселилось.

Молли не поверила его словам. Он прекрасно знал, почему и зачем это сделал. Притворившись ничего не ведающим о своих мужских инстинктах, он перекинул мяч на ее половину поля. Ее ответные действия зададут тон всему вечеру.

Отведя ото рта чуть дрожащую руку, она протянула ее и слегка коснулась его щеки. Потом изогнулась и наклонилась к нему так, что ее рот оказался всего в нескольких дюймах от его рта.

— Тебе не за что извиняться, — прошептала она и преодолела эти оставшиеся дюймы.

Его шок был еще сильнее, чем ее. На несколько мгновений его губы окаменели под ее губами. Молли ощутила сомнение. Боже милостивый, а если он отвернется, что ей делать тогда?

Просто посмеяться не удастся. Она будет совершенно уничтожена.

Колебаться нельзя, подсказывал ей голос отчаяния. Будь смелой! Будь дерзкой!

Она оторвала свои губы от его губ и усмехнулась.

— В чем дело, Лайэм? Разве девушки прежде не отвечали на твои поцелуи?

Он не проронил ни слова — просто смотрел на нее, словно на незнакомку.

Вздыхнув, она отняла руку от его лица и удобно устроилась на пассажирском сиденье. По крайней мере она перехватила инициативу и не дала уязвить свою гордость.

— Дело не в этом, — проворчал он, включая зажигание. — Давай начистоту, Молли. Ты ведь вовсе не со мной хочешь целоваться, не так ли? Послушай, сегодня ты способна ввести в искушение кого угодно. Но припоминаю, что завтра мне вроде бы предстоит воссоединение с подругой. Я не люблю осложнять себе жизнь, и, если не поостерегусь, ты как раз и можешь стать таким осложнением. Так что давай сохраним прежний статус-кво, ладно? Мы хорошие друзья, и только. Я сожалею, что поцеловал тебя. Обещаю, что такое больше не повторится.

Молли закусила нижнюю губу и, отвернувшись от него, стала смотреть в окно. После этих слов ей захотелось исчезнуть, чтобы все о ней забыли. В глубине души она ведь и не рассчитывала на успех, верно? Рокси выиграла у нее гейм, сет и весь матч!

Но похоже, ее новый облик придал ей большую уверенность в себе, чем она могла предполагать. Или же это сделала уверенность в ней всех других. Как бы то ни было, ее мысли постепенно свернули в более позитивное русло, зацепившись за тот факт, что Лайэм не упомянул Рокси в качестве первой причины своего отступления. На первом месте стояло его предположение, что Молли хотела целоваться не с ним. Он ошибочно считал, что в данном случае просто послужил заменой мистеру Икс.

Молли ощутила острейшую досаду и искренне пожалела, что изобрела этого таинственного двойника Лайэма. Пока они в напряженном молчании ехали по дороге в Госфорд, она уже стала думать, не сказать ли Лай-эму правду. Правду о том, что мистер Икс — это он сам, что она безумно влюблена в него и ради него готова сделать что угодно.

Но к тому моменту, когда Лайэм свернул на парковочную площадку клуба, она отказалась от этой мысли. Такое признание слишком уж смахивает на отчаяние и заставит любого мужчину удирать со всех ног в противоположном направлении. Нет, так не пойдет. Ее миссия на сегодня — соблазнить Лайэма, а не пугать его рассказами о своей вечной любви.

До завтра оставалось еще несколько часов, и она должна использовать это время с максимальной пользой.

Итак, что же работало на нее самым лучшим образом всю прошедшую неделю?

Ревность.

Но на этот раз не к мистеру Икс, решила она. К какому-нибудь другому мужчине. Молли надеялась и молилась, чтобы на сегодняшнем банкете оказался подходящий кандидат. И чтобы он тоже нашел ее соблазнительной.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Клуб Лиги уже несколько лет был главным местом светской жизни Центрального побережья. Членство в нем стоило недорого и даже не было обязательным для посещения. Гостям и туристам клуб с удовольствием предоставлял свои спортивные сооружения и развлекательные программы. Там в изобилии имелись покерные автоматы, устраивались вечера бинго и диско, эстрадные представления, имелись бары, гостиные и комнаты отдыха, столы для игры в снукер. В большом зале быстро можно было недорого поесть, а в трех других ресторанах обслуживали постоянных посетителей, предлагая им богатое меню и серебряные приборы.

Кроме того, на первом этаже имелись большие залы для проведения конференций, свадебных приемов и банкетов по случаю вручения премий.

Поэтому ничего удивительного не было в том, что к половине восьмого вечера в эту субботу парковочный комплекс клуба был полон. Лайэм в конце концов нашел место на верхнем уровне, но, пока они с Молли шли к лифтам, его лицо выдавало легкое раздражение. Когда из-за поворота вверх по пандусу вылетел черный «ягуар» и чуть не сбил их, выдержка изменила Лайэму.

Он выругался, грозя кулаком невидимому водителю.

Взвизгнули тормоза, и «ягуар» остановился. Тонированное стекло с жужжанием опустилось, и из окна высунулась легкоузнаваемая темноволосая голова Денниса Тейлора.

— Лайэм! — воскликнул он. — Мне так и показалось, что это тебя я чуть не сбил. Довольно глупо с моей стороны: как я понимаю, сегодня именно ты вручаешь мне мою премию. Меня признали молодым бизнесменом года, можешь себе представить?

Глубоко посаженные темные глаза Денниса вдруг переместились на Молли, а густые черные брови взлетели вверх.

— Бог мой, ведь это наша малышка Молли! Ну, крошка, сегодня ты выглядишь еще по-тряснее, чем в тот раз. Подержите для меня лифт, ладно? Одна секунда, и я припаркую свою старушку.

Рука Лайэма, направлявшая ее к лифту, сильнее сжала ей локоть.

— «Наша малышка Молли!» — процедил он сквозь зубы. — Что он хотел этим сказать? И где, черт возьми, он видел тебя в тот раз?

Молли обрадовалась, вот он, ее большой шанс. Лучшего она и нарочно не могла бы придумать. Наконец-то удача была на ее стороне.

— Деннис проезжал мимо, когда я шла домой от парикмахерши в пятницу на прошлой неделе, — правдиво сказала она. — Он остановился и подвез меня до дома.

Лайэм протянул руку и резко нажал кнопку «вниз», потом сердито уставился на нее.

— А дальше?

Молли без труда приняла невинный вид — она ведь действительно ни в чем не виновата.

— Что «дальше»?

— Дальше он сказал тебе, что ты выглядишь потрясно, верно?

Молли оцепенела. Она вдруг поняла ход мысли Лайэма, и это было совсем не то, чего она

добивалась. Чтоб он сквозь землю провалился, этот чертов мистер Икс!

— Он действительно сказал какой-то комплимент, — уклончиво ответила она, — не могу вспомнить, что именно.

— Не вешай мне лапшу на уши, Молли. Ты никак не могла забыть, что именно сказал тебе твой драгоценный мистер Икс. Это ведь Деннис Тейлор, не так ли? Ты врала мне, что это не он. И наврала, будто не знаешь, что он сегодня будет здесь.

— Не глупи, Лайэм. — Она вырвала руку, потому что ей стало больно от его хватки. — Деннис действительно не мой мистер Икс. И я понятия не имела, что он будет сегодня здесь. Но раз уж он здесь, это еще лучше. Он всегда мне нравился. С ним весело.

Двери лифта разъехались в стороны, и они вошли в кабину. Молли пришлось самой нажимать на кнопку задержки, чтобы лифт не уехал.

— Ты ведь понимаешь, что он будет приставать к тебе, — едко заметил Лайэм.

— Правда? Ну а тебе-то какая печаль?

— А такая! — резко отпарировал он. — Святая наивность, да ты просто не знаешь таких мужчин, как Деннис Тейлор. Я бы не доверил ему даже восьмидесятилетнюю бабушку, а не только такую маленькую глупышку, как ты, которая вобралась жить дальше.

— Я не думаю, что Деннис такой плохой, как все считают, — горячо возразила она; щеки у нее пылали.

— А я бы тебе не советовал проверять, так ли это, — выдавил он сквозь зубы.

Возникло неловкое молчание, которое нарушил Деннис, войдя в кабину лифта. Он был одет в такой же смокинг, как и Лайэм, но почему-то смотрелся в нем не так празднично. Не так элегантно. И, по мнению Молли, не так внушительно. Говорят, одежда делает человека. С Лайэмом все как раз наоборот.

— Спасибо, малышка, — сказал Деннис, нажав кнопку первого этажа и беззастенчиво пожирая Молли глазами. — Как получилось, что вы здесь сегодня вдвоем? Последний раз, когда я тебя видел, Лайэм, у тебя на руке висела шикарная блондинка, красotka хоть куда.

— Мы с Лайэмом просто хорошие друзья, — тоненьким голоском сказала Молли, прежде чем Лайэм успел вымолвить слово. — Его приятельница не смогла прийти, и я тут вместо нее.

Эта новость явно была Деннису приятна.

— Значит, у вас не настоящее свидание? Молли засмеялась:

— Конечно, нет.

— И какие же планы на после банкета? — настойчиво продолжал расспросы Деннис.

Надо отдать ему должное. Он попусту времени не тратил.

— Я провожаю Молли домой, — твердо заявил Лайэм.

— Да ладно, старик, не вредничай, — вкрадчивым тоном сказал Деннис. — Если твоего

интереса тут нет, то малышка определенно в моем вкусе.

— Тогда пригласи ее как-нибудь в другой раз, — вежливо посоветовал Лайэм, хотя его взгляд метал громы и молнии. — Вопреки мнению Молли я считаю, что у нас настоящее свидание. И когда я провожу с девушкой вечер, то обычно сам доставляю ее домой целой и невредимой.

Последнюю фразу он произнес подчеркнуто вызывающе, что не ускользнуло от Молли. Как и от Денниса, который закатил глаза и фыркнул.

— Я и не знал, что ты настолько старомоден.

— Старомодным я себя не считаю. Но у меня действительно есть некоторые принципы.

Деннис хохотнул.

— Да, кое-кого из них я видел. И должен тебя поздравить с такими принципами. Когда завяжешь с блондинкой, дай мне ее телефончик.

Двери лифта открылись, и Лайэм взял Молли под руку.

— Ищи себе подружек сам, — отрывисто посоветовал он. — И оставь Молли в покое.

Деннис усмехнулся.

— Вызываешь на бой, Лайэм?

Молли поразил взгляд, который Лайэм бросил на Денниса. Она всегда считала Лайэма пацифистом. Применение силы было не в его духе. Но во взгляде, которым он наградил своего бывшего одноклассника, отчетливо читалась именно угроза.

— В любое время, Деннис, — сказал он голосом, похожим на голос Клинта Иствуда в его лучшей «крутой» роли. — И в любом месте.

На лице Денниса отразилось сомнение. Он перевел взгляд с Лайэма на Молли и опять на Лайэма. Потом пожал плечами и зашагал прочь.

Молли никак не могла решить, обрадовала ее или оскорбила такая защита Лайэма. Во всяком случае, она была взбудоражена и не могла молчать.

— Не понимаю, к чему эта позиция собаки на сене, — свистящим шепотом сказала она, когда они шли от лифтов к двери в клуб. — Сам ты мной не интересуешься, но и не хочешь, чтобы мной интересовался кто-то другой.

— А кто говорит, что я тобой не интересуюсь? — таким же шепотом откликнулся он.

Молли резко остановилась — ее хрустальные серьги закачались наподобие маятника — и в изумлении уставилась на мужчину, которого любила. Но его ответный взгляд был полон раскаяния, а не жаркой, всепоглощающей страсти, которую она надеялась увидеть.

— Любой мужчина, если он живой, а не мертвый, заинтересуется тобой сегодня, — вполголоса сказал он. — Ты должна была хоть это понять, когда я тебя поцеловал. Мне стоило больших усилий и самообладания, чтобы вовремя остановиться.

— Да уж, — пробормотала Молли. Она-то точно знала, откуда взялось это самообладание. Он

просто вспомнил, что завтра увидит Рокси, подумала она с каким-то яростным отчаянием.

Зачем ему тратить заряд сдерживаемой до поры сексуальности на наивную глупышку Молли, когда через несколько часов его ждет блондинистая секс-бомба?

Ее сверкающие зеленые глаза изучающе всматривались в его красивое лицо.

— Хвала твоему самообладанию, — язвительным тоном проговорила она. — Мне-то какая от этого польза? Я же сказала, Лайэм, что хочу жить дальше.

— То есть?

Молли невесело засмеялась.

— И ты еще обозвал меня глупой и наивной. Разжевать тебе, чтобы ты понял? Мне надоело ждать, пока меня полюбит человек, которого я люблю. И надоело быть девственницей. Все говорят мне, что надо жить дальше, даже ты. Ну так вот, я решила сегодня, что именно так и сделаю, чтобы пути к отступлению не было. Раз ты не хочешь оказать мне эту услугу, Лайэм, то я найду кого-нибудь другого.

— Ты шутишь, Молли, — сказал он потрясенно.

— Нет, не шучу.

— Но не с Деннисом же, ради всего святого!

— А почему бы и не с Деннисом? Я ведь не жду, чтобы он полюбил меня. Мне нужно только, чтобы он пожелал заняться со мной любовью. Я слышала, что он крупный специалист по этой части.

Лайэм застонал.

— Мне невыносимо даже думать об этом.

А мне невыносимо представлять завтрашний день, когда ты будешь с Рокси, с болью подумала Молли.

— Ну, тогда ты знаешь, как в этом случае поступить, — решила она на последнюю отчаянную попытку. — Сделай это сам. Если ты на самом деле мой лучший друг.

Он уставился на нее так, словно видел перед собой сумасшедшую.

Она круто повернулась кругом и пошла вперед. Она по-настоящему разозлилась — на себя. Ей просто оказалось слабо принять предложение Денниса. Но кто знает? Может быть, она еще успеет за сегодняшний вечер наверстать упущенное.

Лайэм догнал ее перед большой стеклянной дверью, которая вела в ярко освещенное фойе клуба. Крепко взяв под руку, он вынудил ее замедлить шаг, потом развернул к себе лицом.

Его синие глаза потемнели от ярости.

— Ладно, — бросил он. — Я это сделаю. Но пусть ответственность за все падет на твою голову, Молл. Видит Бог, свою я, похоже, где-то потерял! — С этими словами он подтолкнул ее к двери.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Как только они вошли в клуб, на Лайэма налетела масса народу, и Молли возблагодарила судьбу, потому что была в шоке. Она машинально улыбалась и говорила все, что полагалось говорить, но какое это было облегчение, что разговор с Лайэмом с глазу на глаз ей сейчас не грозил. Ей нужно время, чтобы переварить то, что произошло минуту назад, то, на что она согласилась. Ей нужно время, чтобы унять охватившую ее панику.

Но время не принесло спокойствия, а, напротив, превратило ее в сплошной комок нервов. У нее в мозгу непрерывно крутился то ли афоризм, то ли пословица: «Осторожнее с желаниями, а то какое-нибудь возьмет да и исполнится».

Теперь Молли понимала, что, сколько ни проигрывай свой сценарий в воображении, все равно окажешься не подготовленной к реальному событию. Ее мечта вот-вот осуществится, а она испытывает ужас! Где то пьянящее возбуждение, которым были пронизаны ее фантазии? Где тот неистовый восторг? Где экстаз?

Ничего этого нет и в помине. Зато есть холодный ком страха в животе, удушливое ощущение невероятности происходящего и собственной несостоятельности.

Как и следовало ожидать, за ужином она не смогла съесть ни кусочка. А вот Лайэму было хоть бы что. За едой он непринужденно разговаривал с другими гостями, сидевшими за столом, и вел себя так, словно у него на уме не было ничего такого. Он явно не считал, что его согласие этим вечером лишить девственности свою лучшую подругу является достаточно веской причиной для потери аппетита. Возможно, он потерял голову, но уж никак не аппетит!

Мужчины, решила Молли, представляют собой совершенно особую породу людей. Все их поступки диктуются самолюбием, а не чувствами. Лайэм согласился переспать с ней только потому, что никак не хотел уступить это Деннису. Он, конечно же, не испытывал к ней страсти — все дело было в мужском соперничестве.

Она поковыряла вилкой в каждом из поданных блюд, чтобы было похоже, будто она что-то ела. Некоторое утешение она находила в том, что понемногу, но часто прикладывалась к бокалу с вином, который никогда не пустовал. Внимательный официант все время доливал его до краев — вероятно, потому, что при этом ему удобно было заглядывать в вырез ее платья.

Когда он собрался снова долить вина во время десерта, над бокалом вдруг возникла рука Лайэма. Не было произнесено ни слова, но официант исчез. Лайэм наклонился к Молли.

— Учитывая обстоятельства, умеренное потребление алкоголя может быть полезным, — тихо сказал он. — Однако неумеренное определенно повредит. Если, конечно, ты не хочешь быть в полубессознательном состоянии в постели, — сухо добавил он. — Понятно, что моя кандидатура у тебя не на первом месте для этого почетного поручения, но хотелось бы, чтобы утром ты хотя бы вспомнила, кто это был.

У Молли окончательно испортилось настроение. Значит, она права! Решение Лайэма стать ее первым любовником действительно было для него лишь вопросом самолюбия. Она хотела в ответ сказать что-нибудь язвительное, но не нашлась — и промолчала.

Распорядитель объявил выступающего. Лайэм поднялся со своего места, прошел на сцену, сооруженную в конце зала, и остановился рядом с трибуной, а распорядитель в это время расхваливал деловые успехи Лайэма. Молли не очень вслушивалась. Она была занята тем, что рассматривала Лайэма и пыталась понять этого совершенно потрясающего мужчину, которого

обожала много лет и который через пару часов, как она надеялась, станет ее любовником.

Нужно взять себя в руки, а не сидеть, раздумывая, к чему бы придраться, и пережевывая всякую бабскую чепуху.

Господи, да что с ней такое? Она однажды обвинила Лайэма в том, что он никогда не останавливается, чтобы понюхать цветы, а сейчас сама готова позволить страху и гордости испортить ей этот вечер, который должен стать счастливейшим в ее жизни.

Ну так вот, начиная с этого момента она собирается нюхать цветы. Она не станет докапываться, по каким мотивам Лайэм решил стать ее любовником на одну ночь. Она не станет беспокоиться о том, что будет завтра. Она будет просто наслаждаться каждым мгновением, а остальной мир пусть подождет!

Она с нежностью наблюдала, как Лайэм взошел на трибуну. Весь ее глупый гнев испарился, она стала прислушиваться к каждому его слову и скоро увлеклась силой и искренностью его речи. Он говорил об успехе как о вере человека в свои силы и способности, о целеустремленности, которая не признает поражений и всякую кажущуюся неудачу называет опытом, на котором учатся. Он говорил о необходимости много работать, о трудностях создавшегося экономического положения. Его речь была страстной и вдохновенной. В зале было так тихо, что она услышала бы, если бы кто-то уронил булавку. Молли страшно гордилась Лайэмом.

Ей хотелось крикнуть во всеуслышание: «Вот мужчина, которого я люблю!»

Но она, разумеется, ничего не крикнула. Она сидела молча, дав себе клятву, что сегодня подарит Лайэму свою любовь каждой лаской, каждым прикосновением. Наверное, она будет не так искусна в постели, как Рокси, зато даст ему то, чего Рокси дать не может. Настоящую любовь. И настоящую страсть. Никакого притворства, никакой фальши.

Когда Лайэм закончил свое выступление, зал взорвался аплодисментами, и Молли аплодировала так же восторженно, как и все.

После этого началась церемония награждения. К счастью, Деннис оказался последним. Когда он поднялся на сцену за своей наградой, Молли чуть-чуть напряглась. Но никто ни о чем не догадался, их можно было принять за лучших друзей — настолько лучезарно они улыбались, пока их «щелкал» фотограф.

Когда фотограф закончил, Деннис что-то прошептал, отчего Лайэм нахмурился и бросил быстрый взгляд на Молли. Потом он что-то ответил Деннису, а тот сказал еще что-то, засмеялся и хлопнул Лайэма по плечу. К тому времени, когда Лайэм вернулся на свое место рядом с Молли, она буквально сгорала от любопытства.

— Что тебе сказал Деннис? — спросила она.

— Когда?

— Да только что!

— Как всегда, ничего стоящего.

— Но ты после этого нахмурился.

— Разве?

— Ты сам прекрасно это знаешь.

— Ерунда. Просто Деннис в своем репертуаре. Он никогда не умел достойно проигрывать. С этим все. Пошли.

Когда он резко поднялся, Молли ошеломленно посмотрела на него.

— Сейчас? Ты хочешь уйти прямо сейчас?

— Ну да. А что? Неужели ты хочешь остаться? Мы потеряем уйму времени. Сейчас уже половина одиннадцатого. Пока доберемся до меня, будет почти полночь. Домой тебя я должен доставить до рассвета, так что нам, по-моему, следует поторопиться.

— Что ж, я... я... — Он вряд ли поверит, если она скажет, что ее мать не будет волноваться, не явись она домой хоть до утра. — Хорошо, — еле выдавила она из себя.

Она встала и позволила Лайэму вывести ее из зала, а потом и из клуба.

— А где точно ты живешь? — спросила Молли, когда они шли к машине. Ей казалось, что если она не будет говорить, то просто умрет от напряжения. — То есть я знаю, что ты каждое утро трусцой добегаешь до своего офиса в Северном Сиднее, но не представляю, где ты живешь.

— Моя старая обитель находилась в Сент-Леонардз, но месяца два назад я купил новую квартиру в одном из небоскребов в центре. Хотя переехал только на прошлой неделе.

— Новая машина, а теперь еще и новая квартира, — небрежным тоном заметила Молли, хотя сердце у нее пело от радости при мысли о том, что если он поселился в ней только на прошлой неделе, то еще не оставался там наедине с Рокси, еще не занимался с ней любовью в этой спальне. Кто знает, может, даже кровать там новая?

Мысли о спальнях и кроватях возродили в ней страх, который убедительно напомнил ей о пустом желудке. Наверно, надо было все-таки попытаться что-то съесть. Не хватало, чтобы в желудке урчало от голода. Они подошли к машине, и Лайэм открыл перед ней дверцу. Их взгляды встретились, но она, к своей досаде, ничего не могла прочитать у него в глазах. Если ему и было не по себе от предстоящего, то он определенно этого не показывал.

— Не ты одна решила изменить свою жизнь, — сухо сказал он. — Мне уже стукнуло тридцать, и я вдруг уразумел, что время не ждет.

О Боже, подумала она. Он все-таки думает жениться на Рокси.

— Тридцать еще не старость, Лайэм, — быстро ответила она. — Я хочу сказать, для мужчины. Для женщины — может быть, потому что ей надо родить детей, а мужчине нет необходимости торопиться с женитьбой.

— А я и не имел в виду женитьбу. Я имел в виду потратить в свое удовольствие часть заработанных денег. Садись же. И ради всего святого, не трещи мне в уши всю дорогу до Сиднея. Во время езды мне нравится слушать музыку. И не отвлекаться. Скоростное шоссе не терпит болтовни за рулем.

Лайэм сунул в проигрыватель компакт-диск и не спеша вывел машину с парковки. Возможно,

ему эта музыка казалась расслабляющей, но Молли улавливала какую-то тревожащую, эротичную интонацию, особенно в тех мелодиях, где слышался повторяющийся, как бы пульсирующий ритм.

Следующий час показался ей вечностью. Молли смотрели в окно со своей стороны, сначала во мрак сельской местности, потом на городские огни. Она испробовала все известные человечеству способы, чтобы успокоиться. Глубокое, размеренное дыхание. Медитацию. Но тревога ее не отпускала.

«Это ведь именно то, чего ты всегда хотела. Перестань глупить. Лайэм знает, что делает. Он очень опытный любовник. Больно не будет. Все будет чудесно. Просто замечательно!» — как молитву повторяла она, пытаясь себя убедить.

Эти заклинания на какое-то время успокоили ее. Но когда они стали подъезжать к мосту Харбор-Бридж, нервы ее начали сдавать. Когда Лайэм сбросил скорость и встал в очередь для уплаты дорожной пошлины, которая двигалась со скоростью улитки, Молли не выдержала.

— Тебе не нужно этого делать, если ты не хочешь, — выпалила она.

Он искоса бросил на нее полный раздражения взгляд.

— Если ты думаешь, что я позволю тебе пойти на попятный, то очень ошибаешься!

— Нет, но если ты правда не хочешь...

— Не хочу? — процедил он сквозь зубы. — Ты в своем уме? Я тут сижу как на иголках, дожидаться не могу. Весь вечер только об этом и думаю!

— Вот как? — Молли была ошеломлена, но и взволнована, уловив нотки нетерпения в его голосе. Она ни за что бы не догадалась по его поведению. Может, он все-таки поступает так не только из самолюбия. Может, он действительно хочет ее, Молли Маккрэй.

А может, сгодилась бы любая привлекательная особа женского пола, явилась обескураживающая мысль. Он явно соблюдал обет целомудрия с того момента, как расстался с Рокси четыре недели назад. Может, он просто умирает от желания заняться сексом, а она сегодня спровоцировала его своим вызывающим нарядом и настроением. Ведь заявил же он, когда согласился переспать с ней, что потерял голову?

— Послушай, скажу тебе во избежание недоразумений, — раздраженным тоном продолжал Лайэм, — что я вовсе не приношу себя в жертву ради дружбы. Не сострадание, а страсть толкает мужчину в постель с женщиной. Я захотел тебя, как только увидел сегодня.

От его признания Молли легче не стало. Все это сильно походило на классический случай неуправляемого мужского желания.

— Так что можешь перестать беспокоиться — на этот раз я не остановлюсь, — сообщил ей Лайэм, метнув на нее сердитый взгляд. — Моя совесть умерла. И перестань вести себя на манер робкой невесты в брачную ночь. Сегодня ты прекрасно знала, что делаешь. Я наконец это понял. Никто не является на свидание в таком наряде без обдуманного заранее плана. Ты решила во что бы то ни стало соблазнить какого-нибудь несчастного, ни о чем не подозревающего болвана, верно?

— Что-то вроде того.

Наконец подошла их очередь у шлагбаума. Лайэм опустил деньги в корзину и нажал на газ, как только загорелся зеленый свет. Они понеслись по Кахильскому скоростному шоссе, а через некоторое время Лайэм свернул направо перед светофором, и вот они въехали на улицы города. Молли чуть не вскрикнула, когда он резко повернул налево и съехал по тускло освещенному пандусу в подземный гараж. Внизу он затормозил перед барьером и секунд через двадцать остановил машину.

Молли с трудом проглотила ком в горле.

Вот-вот поднимется занавес и начнется величайшее в ее жизни шоу. На этот раз ее место было в центре сцены, она была героиней пьесы, а Лайэм — ее главным партнером. Еще десять дней назад такое было бы невероятным, невысказанным.

И вот она здесь...

Это твой единственный шанс, Молли, прошептал внутренний голос. Не проворонь его.

Не провороню, мысленно пообещала она.

Неожиданно узлы, стягивавшие ей внутренности, стали развязываться, и ее охватило странное спокойствие. Не дожидаясь Лайэма, Молли взялась за ручку дверцы и вышла из машины. Она ощущала странную бесплотность, наблюдая, как он обходит машину кругом и останавливается рядом с ней. Она была здесь, но одновременно наблюдала за происходящим откуда-то издали, как бы находясь вне собственного тела.

— Ты в порядке, Молли? — нахмурившись, спросил Лайэм.

Она сонно улыбнулась:

— Да. Все отлично.

Его лицо вдруг стало озабоченным.

— Ты ведь не пьяна, нет?

— Нет, не думаю.

— За ужином ты опрокинула в себя порядочно вина. И почти ничего не ела.

— У меня не было аппетита, — призналась она. — Я думала о тебе, Лайэм. И вот об этом. — Она опять не стала ждать, а закинула руки ему на шею, приподнялась на цыпочки и прижалась к нему всем телом.

Он застыл в восхитительном молчании, пока ее губы, найдя его рот, покрывали его легкими поцелуями, похожими на прикосновения ангельских крыльев. Молли была на седьмом небе; ее сердце, казалось, таяло. Ее пальцы гладили ему шею, ласкали мягкую кожу за ушами.

Наконец губы Лайэма разомкнулись, послышался долгий дрожащий вдох. Язык Молли тут же метнулся вперед и коснулся кончика его языка, прежде чем он успел убрать его. Она почувствовала колебание Лайэма, но безжалостно проигнорировала его, запустив язык еще глубже ему в рот.

Она ощущала себя настоящей Евой, искушающей Адама плотскими радостями. Любовь наделила ее могуществом, о котором она и не подозревала. И волей — для того, чтобы

воспользоваться этим могуществом. Она прижималась к Лайэму в такт движениям своего языка, возбуждая его, как женщины возбуждали своих мужчин с незапамятных времен.

Неожиданно он застонал, его руки схватили ее за плечи, и он с яростью оторвал ее от себя, держа на расстоянии вытянутой руки и уставившись на нее сверкающими синими глазами.

— Нет, черт побери! — проронил он сквозь стиснутые зубы. — Нет!

— Но ты же говорил, что не остановишься! — в замешательстве воскликнула она.

— Я и не останавливаюсь, дуреха ты эдакая. Я просто меняю место преступления. — Он схватил ее за руку и потащил за собой через парковку.

— Преступления? — бессмысленно повторила она.

— Да. То, что ты со мной только что делала, было преступлением. Но ты не расстраивайся. Я позволю тебе делать все, что ты хочешь, как только мы окажемся у меня в спальне, где нас никто не увидит. И даже буду настаивать на этом!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Квартира Лайэма находилась на седьмом этаже — дорогая, просторная, современная. И практически пустая.

— Мебель я заказал, но ее еще не привезли, — объяснял он, ведя Молли по огромному светло-синему ковру. Но ты не волнуйся. Кровать я все-таки успел купить. Я договорился в магазине, чтобы они прислали что-нибудь из образцов, вместе с постельным бельем.

Сердце Молли подпрыгнуло в груди. Ее и Лайэма ждет абсолютно новая кровать, с девственно-чистыми простынями. Никаких воспоминаний. Никаких сравнений.

Он ввел ее в огромную спальню, где стояла огромная кровать, застланная темно-синим с бордовым покрывалом. Большое окно с двойными рамами позади кровати закрывали вертикальные жалюзи кремового цвета, штор не было. Дверь слева, как она полагала, вела в ванную комнату.

— Ну, как тебе? — спросил он, освобождаясь от смокинга и бабочки.

Молли старалась не смотреть, как он расстегивает рубашку, повторяя про себя, что ей не впервые приходится видеть Лайэма голым по пояс. Летом он всегда косил газон перед домом матери в таком виде. Но теперь все было иначе.

— Думаю, при сложившихся обстоятельствах у нас есть все необходимое, — произнесла она деловым тоном, который никак не соответствовал тому, что творилось у нее в душе. — Кровать. Ванная комната. И мы с тобой.

Лайэм засмеялся, выдергивая подол рубашки из брюк.

— Не уверен, что мне безоговорочно нравится новая Молли, но не буду отрицать, что ты меня совершенно заинтриговала.

— Лучше бы я тебя не заинтриговала, а возбудила, — насмешливо отпарировала она, решив ни за что не возвращаться в шкурку той мышки, которой когда-то была.

— Это само собой разумеется, — сказал он и стянул с себя" рубашку.

Молли сглотнула.

— Разве? Раньше ведь я никогда тебя не возбуждала... — Она посмотрела ему в глаза и усилием воли заставила себя не отводить взгляд. Прежний страх вернулся к ней — иначе и быть не могло, ведь она вступила на неведомую почву, — но провалиться ей на этом месте, если она позволит ему что-нибудь заметить. — Не раздеться ли и мне? — спросила она, заводя руки за спину и стараясь нащупать бантик, которым была завязана шнуровка. Она не смогла найти концы и попыталась, повернув голову, увидеть их через плечо.

У нее за спиной возник Лайэм.

— Дай-ка я, — тихо сказал он и отвел ее дрожащие руки. — Мне весь вечер хотелось это сделать...

Молли ахнула, когда он нежно поцеловал ее сзади в шею, одновременно потянув, как оказалось, за нужный конец, потому что тугая шнуровка вдруг ослабла. Ее охватила безумная дрожь, когда он стал сдвигать узкие шелковые бретельки к краям ее плеч, не переставая целовать ее в шею. Еще дюйм или два, и платье соскользнет на пол, оставив ее обнаженной, открытой для его глаз и рук.

При этой мысли сердце ее встрепенулось и забилось сильнее. Лайэм будет трогать ее голые груди...

Его руки еще немного сдвинулись, и платье соскользнуло вниз. Молли охнула и затаила дыхание. Прошла целая вечность, прежде чем его руки снова ожили. А когда это произошло, она застонала, озадаченная их медлительностью.

Лайэм неспешно скользил пальцами вверх и вниз по ее рукам, потом потянул их за запястья назад и завел себе за спину.

У нее пересохло во рту, когда она ощутила его обнаженную грудь и что-то большое и твердое, прижатое к ее ягодицам. Сердце тотчас гулко заколотилось, а груди нетерпеливо напряглись в ожидании ласки.

Молли теоретически знала, что ее ждет, но реальность сильно отличалась от того, что рисовало ей воображение девственницы. И это ведь только начало! А о том, что ей предстояло скоро испытать, даже подумать было страшно. Боже милостивый...

Руки Лайэма, прикоснувшиеся к ее грудям, заставили Молли позабыть обо всем на свете, в том числе и о страхе возможной боли. Она погрузилась в сладостные волны наслаждения, и сила их возрастала чуть ли не с каждой секундой, особенно после того, как он осторожно зажал между большим и указательным пальцами ее набухшие соски и стал играть ими. Ощущения были столь острыми и интенсивными, что Молли не выдержала и застонала. О Боже, неужели это происходит наяву!

От ее кожи исходил такой жар, что казалось, будто тело превратилось в топку с бушующим внутри огнем. — Лайэм, — умоляюще прошептала она. — Да?

— Только не останавливайся.

— Не буду, — отрывисто произнес тот и вновь прильнул к шее девушки, покрывая ее быстрыми,

распаляющими страсть поцелуями.

Молли охватила сильная дрожь.

— Я имею в виду — потом. Когда войдешь в меня. Не останавливайся.

Руки Лайэма замерли на ее груди. Он поднял голову. — Ты уверена? — Да.

— А как насчет беременности?

Эти слова застали Молли врасплох. Она почему-то совершенно не подумала о последствиях. Но прерваться, пусть даже ненадолго, было невозможно. А кроме того, эта их первая ночь любви, скорее всего, станет последней. Зачем тогда беспокоиться и о чем-то думать? Что будет, то будет!

— Сегодня такой опасности нет, — торопливо проговорила она в надежде, что его руки и губы вернутся туда, где были только что. — Мои месячные должны начаться на этой неделе, и задержек у меня обычно не бывает.

— Ты не спросила меня, не опасен ли для тебя я. Вдруг я чем-нибудь болен.

Ей такое даже не приходило в голову.

— А ты опасен? — потрясенно спросила она.

— Нет.

Она радостно повела плечами.

— Значит, все в порядке.

Он рывком повернул ее к себе и взял ее лицо в ладони.

— Обещай мне, что никому другому ты не будешь вот так без оглядки доверять, — требовательно сказал он. — Ты не представляешь, до какого вранья могут опуститься некоторые подонки, чтобы не пользоваться презервативом.

Молли поняла, что он уже думает, как она после него будет спать с другими мужчинами, и расстроилась. Хотя это и глупо. Чего она ожидала? Что сегодня он вдруг обнаружит, как сильно втайне любит ее, и объявит ее своей, и только своей, навеки? Какая же она романтическая дура!

— Пусть тебя не волнует, что я буду делать с другими мужчинами, Лайэм, — резко сказала она.

— Но меня это волнует. Мы с тобой друзья, и ты мне небезразлична.

— Неужели? Но ты же сам сегодня сказал, что это к дружбе не имеет никакого отношения. — Она отступила на шаг и, быстро сняв колготки и туфли, отодвинула кучку одежды в сторону, выпрямилась и предстала перед ним в полной наготе. Дерзко вскинув подбородок и сверкая зелеными глазами, она по очереди вытянула из ушей свои длинные серьги и небрежно бросила их на зеленый шелк платья. — И ты совершенно прав, Лайэм. Это не имеет никакого отношения к дружбе. Абсолютно никакого!

Она поняла, что в ее голосе прозвучало слишком много страсти.

Но было уже поздно.

Лайэм нахмурился. Потом нахмурился еще больше.

— А к чему это имеет отношение, Молл? — с расстановкой спросил он, неотрывно глядя ей в глаза. — Я чертовски надеюсь, что Деннис был не прав.

— Деннис? При чем тут Деннис?

— По-видимому, ни при чем. Но он, кажется, думает, что твои чувства ко мне вовсе не дружеские. Он сказал, что наблюдал за тобой во время моего выступления и пришел к выводу, что ты влюблена в меня. Он предупредил, чтобы я с тобой 'не связывался, потому что влюбленные девственницы известны своей ранимостью. Я тогда не поверил ему. Подумал, что Деннис, как всегда, говорит гадости. Но теперь начинаю сомневаться...

Молли поняла, что надо действовать быстро — или все пропало. Она надеялась, что в ее смехе прозвучал и сарказм, и ирония, и удивление — все, что должна иметь в запасе искательница приключений.

— Влюблена в тебя? Ох, Лайэм, как это по-мужски! У вас с Деннисом просто невероятное самомнение, знаешь ли. Влюблена в тебя и одновременно в мистера Икс? Я не мазохистка.

Но ты действительно очень привлекательный мужчина, дружище, — сказала она, потянувшись к нему всем телом с соблазнительной улыбкой на губах. — А твой сексуальный опыт впечатляет. Почему я выбрала для этого именно тебя? Нет, Лайэм, сегодня мне не нужна твоя любовь. Мне просто нужно твое тело. — Она положила ладони ему на грудь и поцеловала в основание шеи, потом, медленно поднимая голову, снова посмотрела ему в глаза.

Он сердится на нее? Или на себя?

Как бы там ни было, в его синих глазах горел огонь. Он схватил ее за локти, поднял, донес до кровати и швырнул на нее. Она лежала молча, затаив дыхание, и с пересохшим ртом смотрела, как он раздевается, сбрасывая одежду резкими, сердитыми движениями.

Лицемерие обнаженного Лайэма подтвердило все тревоги и страхи Молли. Сомнений нет — это будет больно. Она лишь надеялась, что он помнит свое обещание — не останавливаться. Ни перед чем!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Оказавшись на кровати, Лайэм обхватил Молли, уложил повыше на подушки и грубо впился в ее рот.

Молли ничего не имела против его гнева. Она была даже рада. Пусть лучше гневается, чем строит всякие догадки. За первым поцелуем последовали и другие, не такие яростные, но тоже на грани грубости.

Молли ошеломило то, насколько возбуждающим оказалось для нее такое совсем не нежное обращение. Она стонала, когда он мял ее груди, вскрикивала, когда щипал и крутил ей соски. Но это были стоны и вскрики наслаждения. И все же ничто не могло сравниться с ощущениями, которые пробудили его пальцы, скользнув ей между ног. Казалось, он точно знал, где именно нужно к ней прикоснуться, как ласкать и возбуждать ее, пока она не начала таять и гореть от желания. Кровь стучала у нее в висках, голова кружилась. Было такое

ощущение, будто она сейчас взорвется.

Ее тело жаждало облегчения, но так не хотелось, чтобы эти восхитительные ощущения кончались! Если бы они могли продолжаться и повторяться бесконечно!

Она никогда не испытывала ничего похожего; никогда не представляла себе, даже в самых безудержных фантазиях, что такое бывает. Закрученное напряжение внутри у нее росло, накапливаясь. Если он скоро не войдет в нее, она сойдет с ума.

Одна ее рука нашла его восставшую плоть и принялась ее ласкать. Он резко оторвал свой рот от ее губ, раздвинул ее ноги, и... и ей стало трудно дышать.

Больно не было. Но не было и удовольствия, которого она ожидала. Ощущение сильного давления быстро стало почти неприятным. Она невольно напряглась и, когда он нажал чуть сильнее, сдавленно вскрикнула. Теперь было по-настоящему больно.

— С тобой все в порядке? — спросил он, взяв ее лицо в ладони и заглядывая ей в глаза.

— Да, — выдохнула она. — Не останавливайся.

— Но тебе же больно.

Она еще крепче стиснула зубы.

— Это не имеет значения.

— Еще как имеет! — сказал он и вышел из нее.

В панике она вцепилась ему в плечи.

— Ты обещал не останавливаться, — напомнила ему она. — Обещал!

— Ради Бога, неужели ты думаешь, что я хочу прекратить?

Из глаз Молли хлынули слезы, и он нежно прижал ее к себе.

— Не плачь, Молл. Пожалуйста, не плачь.

— Но ты не должен останавливаться, — всхлипывала она, уткнувшись ему в плечо. — Ты не понимаешь. Не должен.

— Тихо, успокойся, моя хорошая, — ласково баюкал ее он. — Тихо. Я и не собираюсь останавливаться. Но тебе нужно расслабиться. Мы просто немного отдохнем и поговорим.

— Поговорим? — повторила она, смахивая со щек слезы. — А... а о чем?

Он лукаво усмехнулся.

— Как насчет моего последнего проекта? Я ведь не рассказывал тебе о нем?

— Еще не успел, — напряженным голосом ответила она.

— Вот и чудесно! — весело отозвался он и, устроившись между ногами Молли, принялся разьяснять ей идею его новой компьютерной игры. Идея была, как всегда, блестящей, а игра

обещала быть и забавной, и развлекательной. Постепенно Молли действительно расслабилась и даже засмеялась в ответ на его шутки, и тут Лайэм нанес свой удар — мгновенно проник в нее на всю глубину, так что она и ахнуть не успела.

Она уставилась на него округлившимися от изумления глазами, открыв рот. Она не чувствовала боли. Абсолютно никакой!

— Видишь? — сказал он. — Надо было просто расслабиться.

— Да, — выдавила она из себя. Сознание того, что Лайэм глубоко у нее внутри, что они единое целое, что они теперь настоящие любовники, не укладывалось у нее в голове. Глаза защищало от слез. Сердце у нее сжалось.

Было ли это приятно?

Молли не могла сказать с уверенностью. Но перестать она не согласилась бы ни за какие блага. Подгоняемая неодолимым желанием, от которого кружилась голова, она тянула Лайэма на себя, в себя, помогая ему проникнуть еще и еще глубже.

— Господи, Молли, — пробормотал он, еле ворочая языком, — больше не могу. Сейчас кончу. Не смогу удержать. Прости...

Но прощать его было не за что. Потому что она и сама была на грани. Она это чувствовала. Когда он взорвался внутри ее, в тот же миг начался и ее оргазм, словно пронзивший все ее тело током высокого напряжения, заставивший ее выгнуться дугой. Из рта вырвался жалобный крик.

Потом Лайэм перекатился на бок, и его руки нежно заскользили вверх и вниз по ее спине.

Молли никогда еще не приходилось ощущать ничего ласковее этих рук. Она глубоко, судорожно вздохнула, а потом просто лежала, наслаждаясь каждым драгоценным мгновением. Заниматься любовью с Лайэмом... о большем нельзя было и мечтать.

Она по крайней мере извела высшее наслаждение с мужчиной, которого любит. Ей оставалось лишь надеяться, что Лайэму было так же хорошо, как и ей. Кажется, так оно и было. Но точно она не знала. Может, только для нее в этом было что-то особенное, а для него это обычное дело.

Он вдруг вздохнул, и она повернула голову и поцеловала его как раз над сердцем, потом прижалась к этому месту щекой. Ей было слышно, как сильно оно бьется. Милый Лайэм. У него доброе сердце.

Молли зевнула, ощущая, что мир куда-то проваливается. Эти руки все гладили и гладили ее, и скоро блаженная темнота окутала ее мозг и тело.

Она проснулась оттого, что Лайэм тряс ее за плечо и говорил, что ему пора отвезти ее домой. Он опять был уже одет в смокинг, но без галстука. Она увидела, что ее вещи аккуратно разложены в изножье кровати.

— Я буду на кухне, — отрывисто сказал он. — Не задерживайся. Уже третий час ночи. С упавшим сердцем Молли наблюдала, как он выходит за дверь. Она знала Лайэма достаточно давно, чтобы понимать, когда с ним что-то не так. Он делается молчаливым и задумчивым, а между бровями у него залегает похожая на букву «V» складка, словно у него болит голова.

Вдруг он сожалеет о том, что сделал? И теперь его мучает совесть?

Может быть, его беспокоит, как это скажется на их дружбе? Или на его отношениях с Рокси? Молли закусила нижнюю губу. Неужели он собирается сказать ей? В этом ведь нет никакой необходимости.

— Ты встала или нет? — Голос Лайэма звучал нетерпеливо. — Я не слышу никакого движения.

— Встала, встала.

Молли подхватила свою одежду и бросилась в ванную комнату. Там она быстренько приняла душ, потом натянула на себя колготки и платье. В большом зеркале отразилась довольно грустная картина. Волосы ее были взлохмачены, а губы распухли. А сумочка осталась в машине, так что у нее не было ни косметики, ни расчески, чтобы "можно было поправить дело. Она постаралась кое-как пальцами пригладить волосы. Внезапно после резкого движения она ощутила болезненную чувствительность сосков. Удивительно, но у нее больше нигде не болело. Может быть, заболит потом?

Молли надела серьги и сунула ноги в туфли. Изобразив на лице улыбку, она решительной походкой вышла из комнаты с твердым намерением избавить Лайэма от угрызений совести. Он стоял у кухонной стойки, пил мелкими глотками кофе из кружки, и буква «V» все еще украшала его лоб.

— Я готова, — пропела она.

Он опустил кружку и уставился на нее. Вся храбрость Молли сразу улетучилась.

— Что-то не так?

Он укоризненно покачал головой.

— Ты просто убиваешь меня, Молл. Можно подумать, что между нами ничего не изменилось.

— А ничего и не изменилось. Или ты хочешь сказать, что мы больше не друзья?

— Я сам не понимаю, что хочу сказать! — раздраженно бросил он. — Знаю только, что будет нелегко забыть случившееся. Я не ожидал, что так приятно заниматься с тобой любовью. Это... кое-что осложнило.

Молли не верила своим ушам! Он расстроен, потому что ему с ней было хорошо. Он собирается положить конец их дружбе, потому что теперь она, Молли, превращается в искушение, в осложнение! Она никогда еще не была так обижена и так рассержена, как в эту минуту.

— А ты ведь не любишь осложнений в жизни, не так ли? — сказала она язвительно. А как будет с моей жизнью? — думала она. Почему бы тебе и об этом не вспомнить?

— Нет, — не сразу ответил он. — Осложнений я не люблю.

— Вот невезение! Но ведь жизнь — это борьба, Лайэм.

— Насчет жизни ничего не скажу, — проворчал он, — зато знаю одну девчонку, которая меняется буквально на глазах.

— Зато я по крайней мере не буду выглядеть белой вороной рядом со всеми другими сучками,

которых ты трахал!

Он грохнул кружкой по столу, расплескав кофе.

— Не смей так говорить!

— Я смею говорить так, как мне нравится. Ты не имеешь права мне приказывать! Да кто ты такой, Лайэм Делами? Ты мне не отец, не брат и, судя по всему, даже не друг больше!

— А ты совсем не та Молли, которую я знал и любил. Ты превратилась в какое-то чудовище. В сварливое, язвительное, помешанное на сексе чудовище!

— Вот как! По-твоему, я помешана на сексе, да? Но и ты не сильно от меня отбивался этой ночью, мистер Совершенство. А ведь сегодня тебе как будто предстоит воссоединиться с соблазнительной Рокси. Но нет, ты не мог подождать даже эти несколько часов, так тебе захотелось урвать кусочек, верно? Еще бы, после целых четырех недель воздержания! А я, между прочим, воздерживалась всю мою сознательную жизнь. Но не бойся. Уж я наверстаю все упущенное. Вот увидишь! А теперь я хочу домой. Да, и не разговаривай со мной по дороге, пожалуйста. Я не люблю бессмысленную болтовню с эгоистичными, ограниченными лицемерами!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Ну, как прошел вчерашний вечер? — спросила мать, когда Молли с трудом выбралась из постели около полудня. — Ты, должно быть, вернулась очень поздно. Я еще читала в половине второго.

Молли чувствовала, что в этот момент она не в силах рассказывать обо всем. Она еще не переварила разрыва своих отношений с Лайэмом. В холодном свете утра было мало радости сознавать, что она променяла дружбу на одну ночь фантазии.

Лайэм привез ее домой около половины четвертого, и за всю дорогу они не произнесли ни слова. Когда он хотел что-то сказать, уже у самого дома, на подъездной дорожке, она остановила его взглядом и быстро вышла из машины. Оказавшись в своей комнате, она почувствовала себя такой разбитой, что не могла даже плакать. Она разделась, забралась в постель и просто лежала, глядя в потолок и пытаясь хоть что-нибудь понять в том, что произошло. Никакого утешительного для себя ответа она не получила.

* * *

Заснула Молли уже почти на рассвете, и ей опять, как случалось время от времени, приснился жуткий сон, как будто она ехала на поезде и потеряла свой багаж. Она неизменно просыпалась с ужасным чувством. Но этим утром ей было тошно вдвойне.

Лайэму она больше не нужна. Она, по его мнению, превратилась в помешанное на сексе чудовище, в... осложнение. Молли понимала, что он больше к ним не зайдет. А гордость не позволит ей самой искать с ним встречи. Их дружбе пришел конец.

— Молли? — мягко напомнила о себе мать. Она покачала головой, не в силах ничего сказать.

Рут вздохнула.

— Значит, не получилось так, как ты надеялась.

— Нет, — выдавила из себя Молли.

— Понятно. Мне очень жаль, девочка моя. Я знаю, как много для тебя значит Лайэм.

— Значил, — сказала Молли с внезапной и неожиданной решимостью. Она сидела, сгорбившись над кухонным столом, безнадежно опустив плечи. Теперь она встала и выпрямилась, плечи расправились, подбородок вздернулся кверху. — Лайэм уже в прошлом, мам. Сегодня — первый день моей новой жизни, и я не собираюсь провести его в тоске и печали. Я иду гулять.

— Гулять? Куда же это?

— Понятия не имею. Пока. Подумаю над этим, когда буду лежать в пенистой ванне.

— В пенистой ванне? В середине дня?

— А почему бы и нет? Знаешь, я все еще не попробовала пену для ванны, которую мне подарила Джоан на Рождество. Думаю, давно пора это сделать.

— А... а как же бумаги?

— Какие бумаги?

— Бумаги на дом, которые Лайэм собирался оставить мне вчера вечером. Забыл, должно быть. Он ничего тебе о них не говорил?

— Нет, ничего. Но я уверена, что он не забыл, мама. С Лайэмом такого не бывает.

— Как ты думаешь, может, сходить к ним и спросить у него? Должно быть, он там. Его машина стоит на дорожке.

Молли вздрогнула. Мысль о том, что Лайэм находится так близко, тут же развеяла ее решимость продолжать жить дальше как ни в чем не бывало. Как ей жить дальше, если она, завоевав на одну короткую ночь, потеряла его навсегда?

— Неплохая идея, — быстро сказала она. — Он, наверно, еще спит, а миссис Делани, должно быть, уже встала.

Молли повернулась и бросилась вон из комнаты, чтобы не показать матери, как ей плохо. Надо держаться. Обязательно надо держаться!

Час спустя она вышла из ванной, вымытая и одетая в синие джинсы и новую тенниску зеленого цвета. Волосы были еще немного влажные, но красиво обрамляли ее лицо с отлично наложенным макияжем. Она откопала у себя серьги в виде крупных золотых колец, которые надевала только однажды. А теперь они здорово смотрелись на ней. Она подумала, не надеть ли новую золотую цепочку, которую подарил Лайэм, но решила, что ей ни к чему постоянное напоминание о нем, и оставила подарок дома, у задней стенки верхнего ящика комода. Однако капелькой «Соблазнительницы» все-таки подушилась — за ушами.

При взгляде на нее никто не догадался бы, какие страсти кипят у нее внутри. Так легко было бы уступить и отказаться от борьбы, вернуться к тому жалкому мышинному существованию, какое она когда-то влачила. Но поступить так значило бы свести на нет все свои усилия. Она по меньшей мере должна быть благодарна Лайэму за те изменения, что произошли в ее облике

и душе.

Она никогда не пожалеет о том, что именно он лишил ее девственности. Как она может об этом жалеть? Ведь она его любит. Однако ее сердило, что Лайэм не догадывался о ее любви к нему, когда все вокруг догадывались, даже Деннис. Ему легче было считать, что она вдруг превратилась в помешанное на сексе чудовище, чем задуматься над тем, что могла быть и какая-то другая причина, побудившая ее выбрать его себе в любовники на одну ночь.

— Молли? — окликнула ее мать снизу, и Молли мгновенно напряглась. Она узнала эту нотку робости в голосе матери.

— Что? — резко откликнулась она.

— Мм... Пришел Лайэм. Он хочет поговорить с тобой.

Молли крепко зажмурила глаза. Господи, ну что еще ему надо? Между ними все кончено. Она рискнула и проиграла. Она это понимает. А ему что, непонятно?

Похоже, придется еще раз все ему объяснять, потому что она ни за что больше не позволит ему играть ее чувствами, пусть даже с самыми невинными намерениями. Говорят, добрыми намерениями вымощена дорога в ад. Наверно, надо напомнить ему об этом.

— Сейчас спущусь, — холодно сказала Молли. Сделав над собой усилие, она сунула босые ноги в коричневые босоножки и отправилась вниз разговаривать с Лайэмом. На лестнице ей встретила мать, решившая, видимо, потихоньку исчезнуть.

Лайэм был в кухне; он стоял спиной к кухонной раковине со скрещенными на груди руками.

— Ты выглядишь ужасно, — сказала она.

На самом деле это было не так. Он выглядел потрясающе, даже несмотря на темные круги под глазами и не столь элегантную, как обычно, одежду. Он тоже был в джинсах. Серого цвета. Но его белая тенниска явно требовала глажки.

— А ты нет, — ответил он. — Ты выглядишь отлично.

Молли оставила его замечание без комментариев.

— Что ты хотел, Лайэм? — холодно спросила она.

— Твоя мать говорит, ты уходишь. — Верно. — Куда?

— Не твое дело.

— Теперь мое. Куда ты идешь? Она пожала плечами:

— Еще не знаю. Куда-нибудь.

— В таком случае можешь пойти куда-нибудь со мной. — Неужели? — Да.

— А с какой стати?

— С такой, что я тебя приглашаю.

— Этого недостаточно.

— Этого было достаточно... раньше. Ты всегда охотно соглашалась на все, что я предлагал.

Ее улыбка была не очень приветливой.

— Времена изменились, не так ли?

— Да. И ты тоже, — бросил он. Молли подняла брови.

— Что я слышу? Неодобрение? Должна признаться, я в растерянности — после того как фактически сделала все, что предложил ты. Это — твоё творение, Лайэм, — сказала она, проведя руками по телу сверху вниз. — Это ты сделал меня такой, какая я сейчас. Ты даже приобщил меня к утехам плоти. За это я буду всегда тебе благодарна. Мне мой первый опыт показался потрясающим. Только за одно это ты заслуживаешь вечной признательности.

— Мне не нужна твоя чертова признательность.

— Вот как? Тогда что тебе нужно?

— Мне нужна ты.

В глубине его синих глаз тлел темный зловещий огонь. Они шарили по ней, говоря ей лучше всяких Слов, что ему нужно. Не любви. Боже мой, нет. В том, как он смотрел на нее, не было ничего похожего на любовь. Через разделявшее их расстояние она чувствовала жар его вождления — горячего, сильного, почти физически ощутимого. Внешняя холодность Молли мгновенно улетучилась от поднявшегося в ней ответного желания, такого же жаркого, неодолимого.

— Не говори мне, что это не взаимно, — сквозь зубы процедил он. — У тебя все написано на лице. Ты хочешь меня так же сильно, как я хочу тебя, Молли. Какими бы осложнениями это ни грозило, одного раза просто недостаточно.

Она не собиралась ничего отрицать. Это невозможно. Ее сердце сорвалось с места и куда-то неслось, а вместе с ним и совесть. Если я не могу получить его любовь, отчаянно думала она, то буду довольствоваться его желанием. Сейчас, в этот момент, я соглашусь довольствоваться чем угодно, черт возьми. Вопреки той клятве, которую дала себе раньше, — продолжать жить дальше без Лайэма. Она просто обречена проявлять слабость во всем, что касалось его. Любовь делает женщину слабой, признала она. Какая отрезвляющая мысль.

— А как же Рокси? — спросила она, гордясь, что ее голос не задрожал и не выдал волнения.

— Беспокойство о Рокси предоставь мне. — Он протянул ей руку. Она понимала, что если вложит свои пальцы в его ладонь, то это будет означать полную и безоговорочную капитуляцию. Судя по всему, он не предлагал ей ничего, кроме секса. Он даже не пообещал порвать с прежней приятельницей.

Молли знала, что с этим ей не справиться.

— Я не собираюсь ни с кем делить тебя, Лайэм.

— Я тоже не собираюсь ни с кем делить тебя.

— Ты к ней не вернешься?

— Нет, если ты пойдешь сейчас со мной. И дашь мне то, что я хочу...

Эти произнесенные слова неотступно преследовали Молли, казались ей и пугающими, и необыкновенно возбуждающими. Это не совсем то, чего хотела она. Но все равно перспектива делить с Лайэмом постель была непреодолимым искушением. Она ведь тоже, с сексуальной точки зрения, еще не насытилась им, верно? Трудно не воспользоваться таким шансом. Даже невозможно.

Его лицо выразило торжествующее удовлетворение, когда она вложила свою дрожащую руку в его ладонь. Его пальцы крепко сжали ее тонкую кисть, и он резко притянул ее к себе. Когда их тела столкнулись, она невольно ахнула.

— Значит, ты мое творение, так? — пробормотал он тихим голосом, в котором таилась угроза. — В таком случае я сотворил чудовище. Хитрое, требовательное, бессовестное чудовище. — Он начал гладить ей шею, заставив ее задрожать от возбуждения и ожидания. Его глаза жадно разглядывали ее рот, глаза, лицо, и она ощутила жар его желаний в их обжигающей синей глубине. Сейчас он ее поцелует. Она хотела, чтобы он ее поцеловал, очень хотела. — Нет, я не буду тебя целовать, — процедил он сквозь зубы, а его пальцы замерли у нее на горле. — Даже если тебе очень хочется, чтобы я это сделал. Ты должна научиться ждать. Ты должна научиться многим вещам. Думаешь, тебе позволено играть людьми? Думаешь, ты можешь использовать меня, а потом запросто отправиться к другим мужчинам, другим любовникам?

Кончики его пальцев впились в нежную кожу.

— Вот что я тебе скажу, моя дорогая, — отрывисто бросил он. Его синие глаза светились. — Прошлая ночь была лишь первой из всех, какие еще будут. И все ты проведешь со мной. И больше ни с кем. Не с Деннисом и даже не с твоим жалким мистером Икс, а со мной. Скоро, очень скоро твое восхитительное тело будет реагировать только на меня, потому что я намерен подчинить его своей воле — это будет мой очередной проект.

Он засмеялся. От его смеха у Молли по спине поползли мурашки.

— Ты лучше, чем кто бы то ни было, знаешь, каким одержимым я порой бываю, когда работаю над своими проектами, — продолжал он в этой внушающей ужас манере. — Ничто не заставит меня отступить. Обещаю, что все свое время, весь свой интеллект и каждую унцию энергии я буду использовать для решения этой задачи. Я стану твоим учителем, твоим хозяином и открою такие тайны, какие не может нарисовать тебе даже самая дикая фантазия! Ты хочешь сексуального опыта? Так я дам тебе его полной мерой, черт побери! И даже сверх того!

Молли смотрела на него округлившимися глазами, с открытым ртом и колотящимся сердцем. Такого Лайэма она еще не видела. Охваченного безумной страстью, потерявшего самообладание, целиком подвластного темным силам мужского «его». Но как коварно притягивали к себе эти темные силы! Интересно, каково будет стать объектом такой безумной и беспощадной одержимости, стать очередным его проектом? Молли знала, что ей не хватит сил сопротивляться его сексуальной воле. Полные страсти слова Лайэма уже толкнули ее на путь, ведущий именно в этот ад.

И ад ей гарантирован. Потому что она достаточно хорошо знала своего старого друга, знала, что его одержимость неизменно угасает. Как только проект бывал разработан и опробован, Лайэм тут же терял к нему всякий интерес и начинал думать о следующем. И так без конца.

— Ну, что ты на это скажешь? — прорычал он.

Молли решила, что с нее хватит. Она, может быть, и жаждет стать его следующим проектом, но ни командовать собой, ни оскорблять себя не позволит.

— Надо же, тебе сегодня, кажется, секс нужен еще больше, чем вчера, — бросила она небрежно. — Прямо так и сказал бы, незачем городить всю эту ересь в духе интеллектуальных игр. Так вот, я говорю: веди, Макдуфф, я иду с тобой. — И, не дожидаясь взрыва возмущения, она проскочила мимо него и кинулась по лестнице наверх. — Мама! — крикнула она. — Мам, ты где? Мы с Лайэмом уезжаем на весь день и вернемся, скорее всего, очень поздно, так что готовить ужин для меня не надо...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Еще одна поездка в Сидней в полном молчании. Нервы натянуты до предела.

И сомнения. Ужасные сомнения.

Что я делаю? — размышляла Молли. Это на меня не похоже. Я ведь не помешанное на сексе чудовище. Я это знаю. Что же со мной такое, почему я позволяю Лайэму держать меня в положении какого-то сексуального трофея?

Любовь! Боже, она уже почти ненавидит это слово. И это состояние тоже. Любить кого-то — значит разрушать собственную личность. Стоит только посмотреть, что любовь сделала с ее матерью. Она любила отца, хотя тот был никудышный человек, дрянь и подлец. Он не дал ей ничего, кроме горя и душевной боли.

И вот теперь она, истинная дочь своей матери, тратит свою любовь на совершенно не того человека. Конечно, Лайэм не подлец и не дрянь, но у него есть один крупный недостаток. Он ее не любит. Будь все иначе, он бы так не поступал, верно? Он бы...

Молли встрепенулась: до нее вдруг дошло, что в ее рассуждениях можно обнаружить погрешность. Ответ на вопрос, который она только что задала себе, может оказаться неправильным. Как поступил бы Лайэм, если бы не любил ее? Если бы она не нравилась и была неприятна ему в этом новом облике, как он утверждал?

Во-первых, он сегодня не пришел бы сюда. Напротив, был бы рад больше ее вообще не видеть. И конечно, не стал бы в ярости кричать на нее и рассказывать о своем новом «проекте», обещая ей роль секс-рабыни! Он же не любит осложнений!

Молли глубоко вздохнула и решила не слишком увлекаться этой новой версией. Объяснений может быть много. Нельзя исключить того, что она всего лишь пробудила в нем сексуальный интерес к себе каким-то ранее неизвестным ему образом и он просто не справился со своими новыми чувствами. Он явно ревнует, когда представляет себе ее с каким-то другим мужчиной. Может, это оттого, что он у нее первый? Может, ему еще ни разу не доводилось лишать Кого-то девственности? Может, это породило в нем чувство собственника и он просто тешит свой мужской эгоизм? Как мальчишка, который не любит делиться своими игрушками.

Наконец они добрались до дома Лайэма. Но Молли твердо решила, что не будет заикливаться на своих ощущениях, а обратит пристальное внимание на чувства Лайэма. Ей было, однако, ясно, что вряд ли ей удастся хладнокровно наблюдать за ним, когда в ней самой вибрирует каждый нерв и единственная ее мысль — о том, что сделает Лайэм, когда они окажутся наедине в его квартире.

Он и сам казался взвинченным — сначала уронил перед дверью ключи, потом не сразу попал

ключом в замок. Наконец он распахнул дверь и вошел внутрь. Молли перевела дыхание и последовала за ним. Она собиралась что-то сказать, как вдруг послышался низкий, с хрипотцой, женский голос:

— Приятно видеть, что ты вернулся наконец домой, милый. Не знаю, как тебе, а мне этот месяц показался самым долгим за всю жизнь. И я решила не терять времени даром...

Молли из-за спины Лайэма не было видно, кто это сказал. Но она узнала голос. И по манере говорить Рокси не спутаешь ни с кем.

— Ради всего святого, Рокси! — воскликнул Лайэм. — Я не один.

Молли вышла из-за спины окаменевшего Лайэма и увидела то, что его поразило. В дверях спальни стояла абсолютно голая Рокси.

Если Молли требовались какие-либо доказательства своего несовершенства, то она их получила в этот момент сполна. Она не могла найти никакого изъяна в фигуре высокой Рокси с ее роскошными формами. Нагота Рокси подтвердила лишь одно давнее подозрение Молли: любовница Лайэма действительно не была натуральной блондинкой.

Но такой пустячный изъян мало утешал на фоне остального великолепия.

Рокси лишь слегка смутилась от неожиданного присутствия другой женщины. Ее красиво поднятые руки томно опустились, и она взглянула на Лайэма с выражением легкого раздражения.

— В чем дело, дорогой? Мы ведь договаривались с сегодняшнего дня снова быть вместе. Разве ты забыл? Наверно, мне не следовало оставлять тебя одного так надолго...

Она вплыла в комнату танцующей походкой, ничуть не стесняясь своей наготы. Ее светлые волосы в чувственном беспорядке рассыпались по плечам, ее груди соблазнительно покачивались, привлекая внимание своей пышностью и темно-розовыми торчащими сосками. Молли подумала, что Рокси вполне могла их выкрасить и с помощью льда довести до такого потрясающего состояния.

— Почему бы тебе не сказать этой славной малышке, чтобы она шла отсюда? — произнесла Рокси, небрежно махнув рукой в сторону Молли. — На самом деле ты ведь не хочешь остаться, правда, кисуля? Лайэм оказался нехорошим мальчиком, не сказав тебе, что у него уже есть подружка.

Лайэм в ярости уставился на нее, а Молли между тем собрала остатки мужества, упрямства, коварства — и обнаружила в себе даже некоторое присутствие духа.

— Вообще-то меня зовут Молли, а не кисуля, — холодно сказала она. — И боюсь, что уйти придется тебе, дорогуша Рокси. Лайэм действительно оказался нехорошим мальчиком — не позвонил тебе сегодня и не сказал, что между вами все кончено. Он так решил, правда, милый? — Она взяла Лайэма под руку и захлопала ресницами, с обожанием уставившись в его изумленные глаза.

Рокси наконец начала проявлять признаки раздражения. Уперев руки в бока, она стала всматриваться в Молли прищуренными глазами.

— Так ты Молли, говоришь?

С агрессивным видом она сделала шаг вперед и окинула Молли недобрый взглядом с головы до ног.

— Надо же, действительно! — насмешливо проговорила она. — Та самая мышка из соседнего дома. Я ее просто не узнала. Я всегда подозревала, что ты хитрая маленькая дрянь. Неужели ты думала, что обвела меня вокруг пальца, прикидываясь тихоней? Я видела, как ты раскатывала губы на Лайэма, когда он смотрел в другую сторону. Я знала, что ты до смерти завидовала мне и выжидала удобного случая, чтобы подцепить его на крючок. «Просто хорошие друзья», как бы не так! Тебе совсем не это было нужно. Ну и как же она заполучила тебя, дорогой? — обратилась она к Лайэму. — Призналась, что давно тебя любит? Целовала тебе ноги? Обещала вечную преданность? Нет, зная тебя, не думаю, чтобы ты купился на это. Ты бежал бы от нее без оглядки целую милю. Тебе нравятся женщины уверенные в себе и независимые, а не плаксивые и цепляющиеся за брюки дуры.

Она бросила на Молли еще один злобный взгляд, потом засмеялась.

— Я поняла. Она вовремя сменила прическу и стиль одежды. Поработала над своей жалкой фигуркой, а потом подкинула тебе старую как мир приманку. Сказала, что собирается расправить крылышки и упорхнуть.

— Довольно! — сквозь зубы бросил Лайэм.

— Ну уж нет, как бы не так, — ответила Рокси презрительным и дерзким тоном. — Я еще не все сказала. Далеко не все. И не собираюсь уползать отсюда поджав хвост. Уж во всяком случае, заставлю тебя увидеть, что эта сучка — интриганка почище меня. А это что-нибудь да значит, любимый... Ну, какой же морковкой ты его приманила, принцесса? Своей девственностью? — Когда лицо Молли вспыхнуло, Рокси захихикала. — О, это действительно бесценная вещь. И ты на это купился, Лайэм? Удивительно. Я думала, ты более современен. Хотя, наверно, в глубине души все мужики падки на целок, дураки несчастные...

Закончить свою оскорбительную тираду Рокси не успела. Она пронзительно завизжала, когда Лайэм перекинул ее через плечо и понес к двери. Но скоро она вновь обрела дар речи и осыпала Лайэма градом непотребных слов, когда он свалил ее в коридоре. Потом выкинул ей ее одежду и сумочку, успев вытащить из нее ключ, как заметила Молли, наблюдавшая все это с открытым ртом.

— Пока, Рокси, — холодно сказал он. — Я бы предпочел сделать это так, как водится между приличными людьми. Но для тебя приличие — пустой звук. Уверен, ты быстро сможешь найти какого-нибудь подонка с такими же куриными мозгами, как у тебя. И таким же грязным языком. Все! — С силой захлопнув дверь, он яростно повернул ручку замка.

Когда он отвернулся от двери, его буквально передернуло.

— Не могу поверить, что я собирался вернуться к этой... этой твари!

В глазах Молли рейтинг Лайэма возрос тысячекратно. То есть взлетел до космических высот.

— Она... она очень красивая, — пролепетала Молли. — И уж точно была хороша в постели.

Лайэм поморщился.

— Сомневаюсь, что в ней вообще есть что-то хорошее, разве что она хорошо умеет притворяться. И в постели тоже. Она тебе и в подметки не годится. И в красоте ты ей ничуть

не уступаешь.

У Молли замерло сердце.

— Это не так, Лайэм, — пробормотала она. — Но очень мило с твоей стороны, что ты так говоришь.

— Я говорю то, что думаю. Твоя красота вечна, потому что идет изнутри. Но ты еще и очень привлекательна, — сказал он, притягивая ее к себе. — И очень соблазнительна. Ты даже в одежде намного соблазнительнее, чем Рокси во всей наготе. Я теперь понимаю, что истинная привлекательность создается тем, что женщина исподволь предлагает мужчине. Готовностью отдавать, а не только получать. И доверием. Вчера меня не так взволновала твоя девственность, как доверие. Ты доверила мне свое тело и даже свою жизнь. Ты сразила меня наповал. Я всю ночь не спал, думал о тебе, снова хотел тебя. А то, что я раньше наговорил тебе, Молл... все это не так. Я бы никогда не сделал ничего такого, что причинило бы тебе боль. Я просто потерял голову из-за тебя. И был в самой настоящей панике, когда думал, что ты уйдешь и найдешь себе кого-то другого.

Она попыталась утихомирить бурно колотившееся сердце и взяла в ладони его лицо.

— Значит, ты не собираешься подчинять меня своей воле? Не собираешься делать из меня секс-рабыню?

— Господи, нет. Не знаю, что на меня нашло.

— Ну, очень жаль, очень, — сказала она, с лукавой улыбкой глядя в его такое серьезное лицо. — Я, признаться, уже предвкушала все это.

Его синие глаза широко открылись, потом прищурились.

— У меня какое-то странное чувство, будто ты на самом деле так думаешь.

— Я так и думаю... в определенной мере.

— В какой именно?

— Конечно, я не хочу, чтобы ты когда-нибудь причинил мне боль. Но я действительно предвкушала все то, что ты обещал. И мне очень понравилась идея, чтобы ты стал моим наставником в сексе...

Она потянулась вверх и легонько поцеловала его в губы.

— И моим хозяином...

Она опять поцеловала его, но уже более страстно.

Лайэм тяжело задышал.

— Но больше всего, — тихо прошептала она, — я рассчитывала на то, что ты откроешь мне свои сексуальные тайны, какие не может нарисовать даже самая дикая, нездоровая моя фантазия.

Во время этого провокационного признания его лицо потемнело. Она не была уверена в том, что на сей раз потрясла его до основания. Он был что-то уж очень тих. Но вот медленная улыбка тронула его красиво очерченные губы, а потрясающие синие глаза странно заблестели.

— Молл, ты ведь знаешь, что случается с маленькими девочками, которые играют с огнем, а?

Молли сглотнула. Неужели она зашла слишком далеко?

— Ну, я не...

— Поздно, — бросил он и подхватил ее на руки. — Ты не можешь бросить мне такой вызов и потом пойти на попятный. — И он направился в спальню.

— Но я... я...

Он остановился в дверях.

— Ты хочешь что-то сказать? Говори сейчас, женщина, или не открывай больше рта вообще.

Молли закусила губу. Лайэм внес ее в спальню. Во всяком случае, он назвал ее женщиной!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Молл?

Молли лежала поперек кровати; ее голова покоилась на пояснице у Лайэма. Лайэм вытянулся на животе, зарывшись лицом в подушку. Еще минуту назад она думала, что он спит.

И это было бы неудивительно. Он, наверное, совершенно измучен. Она и сама устала до мозга костей.

Но что это был за день любви! Она никогда бы не поверила, что за несколько коротких часов сможет столько раз кончить. Или что существует столько разных способов и столько разных положений для того, чтобы мужчина и женщина могли заниматься любовью.

Казалось, Лайэм наслаждался тем, как шокировало ее каждое новое и необычное предложение и как потом он без труда склонял ее к желаемому — словно в насмешку над ее первоначальной реакцией. Как быстро он рушил все барьеры, показывая ей пути к наслаждению, какое ей и не снилось, — стоило ей только преодолеть смущение, которое она испытывала каждый раз, когда он смотрел на ее тело каким-то новым и все более восхищенным взглядом.

Он действительно превратился в дьявола-искусителя, подчиняя ее своей воле и провоцируя на самые смелые и восхитительные действия.

В последний раз Лайэм отнес ее в душ, там всю ее вымыл, потом вручил ей гель и губку и поручил оказать ему аналогичную услугу.

Сначала она стеснялась, как бывало каждый раз, когда ей приходилось иметь дело с очередным новым предложением Лайэма. Но вскоре вошла во вкус.

Каким это оказалось увлекательным занятием! Возникло пьянящее, головокружительное ощущение собственного могущества, когда его стоны дали ей понять, сколько удовольствия доставляют ему ее манипуляции.

— Прекрати, — выдохнул он наконец, прислонившись спиной к прохладным мокрым плиткам. — Прекрати сейчас же.

Но это ее не остановило. Если раньше он был ее дьяволом-искусителем, то сейчас таким

дьяволом для него стала она, и ее губы были требовательными и нежными, подчиняя его желания ее воле. И пока их хлестали струи горячей воды, а ванная комната наполнялась паром, Лайэм проиграл-таки эту битву плоти. Молли добилась своего.

— Молл? — позвал он, возвращая ее к действительности.

Она вздрогнула и подняла на него глаза:

— Что?

Он пристально смотрел на нее из-под полуопущенных век.

— Как ты думаешь, почему все вокруг считают, что ты в меня влюблена?

Молли оцепенела, потом вымученно засмеялась.

— Я не знала, что все так считают. Ты ведь не Рокси имеешь в виду? У нее в глазах так позеленело от ревности, что она уже ничего не видела.

— Я это понимаю. Но Деннис, похоже, тоже так думает. А сегодня утром даже мама намекнула на это.

Молли поперхнулась от неожиданности.

— Вот как?

— Да, она сказала, что ты меня очень любишь и что если я когда-нибудь посмею тебя обидеть, то мне придется иметь дело с ней.

Молли была тронута, но и приведена в смятение. Может, прямо сейчас признаться во всем, сказать Лайэму правду? Но еще неизвестно, как он отреагирует, когда узнает, что таинственный мистер Икс — это он сам. Даже если сначала почувствует себя польщенным, то потом может и рассердиться. Может подумать, что она просто дурачила его.

Лайэму будет неприятно узнать, что она смеялась над ним или лукавила. Что она, вообще-то, и делала. Хотя при этом у нее никогда не было злого умысла.

Нужно было думать и о том, как бы он реагировал, если бы узнал, что она все эти годы сохла по нему. Даже Рокси понимала, что если бы она призналась Лайэму в вечной любви и преданности, то он бежал бы без оглядки. То же говорила и его мать. Лайэма привлекали энергичные женщины, умеющие добиваться своего, а не маленькие мышки, годами чахнувшие от неразделенной любви.

Нет, сказать ему правду она не могла. Потому что в этом случае рисковала потерять уважение Лайэма и самого Лайэма тоже. Пока ей, кажется, удалось завоевать его благосклонность, но и это неплохо для начала.

— Ну конечно я тебя люблю, Лайэм, — небрежно призналась она. — И всегда любила.

— Да, но влюблена-то ты в этого мистера Икс, — пробурчал он. Его недовольство вселяло в Молли надежду. Он поднял голову и с раздражением уставился на нее. — Ты ведь все еще влюблена в него, верно?

Она не знала, что сказать. Пора действительно избавиться от этого проклятого мистера Икс

раз и навсегда. Он теперь только мешает ей.

Но как это сделать?

— Ну так как? — Лайэм продолжал сердито смотреть на нее.

Невероятно, но она покраснела. Лайэм увидел в этом подтверждение своих подозрений и нахмурился.

— Ради всего святого, что есть в нем такого, чего нет во мне?

Теперь Молли смутилась.

— Ну... ничего такого, по-моему.

— Значит, нет никакой причины, почему бы тебе не разлюбить его и не влюбиться в меня, так?

Молли потеряла дар речи.

— Что... что ты такое говоришь?

— Что я говорю? — Он наклонился и обнял ее. — Я говорю, что схожу по тебе с ума, Молл. И не успокоюсь, пока не добьюсь того же от тебя. — Он, крепко сжав ее лицо в ладонях, впился в ее рот с такой жадностью, что у нее перехватило дыхание. — Я знаю, что могу заставить тебя захотеть меня физически, — пробормотал он, когда вновь позволил ей дышать после того, как она чуть не задохнулась. — Но этого мне мало. Я хочу, чтобы ты забыла о мистере Икс. Я хочу, чтобы ты любила меня так, как никогда не любила никого другого.

— Но я уже так и сделала, Лайэм. Любила тебя так, как никогда не любила никого другого.

Его голова резко дернулась назад.

—Что?

— Неужели ты думаешь, что я уже делала с каким-то другим мужчиной то, что делала сегодня с тобой?

Он нахмурился.

— Но я думал... полагал, что... В наше время многие девушки девственны, но это совсем не значит, что они невинны. Я подумал... когда мы были в душе... Господи, Молл, — потрясенно сказал он, — для новичка ты чертовски хорошо это делала.

— Может быть, у меня просто был чертовски хороший учитель, — пробормотала она с усмешкой. — И может быть, ты прав относительно мистера Икс. Мои чувства к нему могли быть лишь увлечением, фантазией. Откровенно говоря, я о нем ни разу не вспомнила, пока была с тобой.

— Значит, ты больше не влюблена в него?

— Наверно, нет.

Его торжествующая улыбка вызвала смятение в ее душе.

— В таком случае это и будет моим очередным проектом — сделать так, чтобы ты в меня влюбилась.

Молли изо всех сил старалась не смотреть на него слишком пристально. Или не заплакать.

Почему он так слеп, глух, невнимателен? Он же умный и опытный мужчина!

Она попыталась взять себя в руки, не дать воли чувствам. Здравый смысл требовал от нее быть осторожной, не давать надеждам вознестись слишком высоко. Лайэм может быть без ума от нее в данный момент, но это еще не значит, что он по-настоящему любит ее. Не исключено, что это одна из его преходящих страстей, временная одержимость. Он наверняка был в какой-то момент без ума и от Рокси, и от всех других своих женщин.

— И как ты собираешься это делать? — спросила она с игривой улыбкой.

Он выпятил губы и задумчиво хмыкнул.

— Пока еще точно не знаю. Ты гораздо загадочнее, чем я представлял себе. Совсем не та простая, понятная девушка, которую, как я думал, я так хорошо знаю. И к тому же намного, намного испорченнее, чем можно было предположить, — добавил он с некоторым блеском в глазах.

— Правда? — Она засмеялась. — Ну а ты в точности такой, как я всегда воображала.

— Это значит хороший или плохой?

— О, определенно хороший. И плохой. Жуткий эгоист, как ты и говорил, но, к счастью, не в постели.

— Я больше не буду эгоистом, — поклялся он. — Я собираюсь измениться.

Она усмехнулась.

— А солнце будет всходить на западе.

— Вот увидишь. А потом, не тебе так говорить. Преображенная Молли — это совсем не мисс Сладкая Конфетка. Ты буквально потрясла меня, когда не уступила Рокси.

— А та, прежняя Молли просто стояла бы и даже не пикнула.

— Эй, не умаляй ее достоинств. Она мне на самом деле очень нравилась. Она была милая.

Молли подняла брови. Да, но ты же в нее не влюбился, огорченно подумала она.

— Она была зануда!

— Она была очень милая, — запальчиво возразил он.

— Ее больше нет. Я избавилась от нее навсегда!

— Ты ошибаешься, — сказал он, понизив голос, который стал мягким и даже сентиментальным. — Она никуда не делась, она прячется под твоими новыми рыжими волосами, за твоей недавно приобретенной самоуверенностью. Думаю, что именно поэтому мои чувства к тебе так отличаются от того, что я испытывал раньше к девушкам. Потому что ты

сама совсем другая. Ты мне всегда нравилась, Молл. Ты не тщеславная кошечка. И ты очень честная. Ты никогда не врала мне, не пыталась мной манипулировать. Ты из тех девушек, кого мужчина с гордостью приведет к себе домой и познакомит с матерью. Такая девушка, с которой мужчина захочет...

Она с силой прижала пальцы к его губам, ощущая, как ее захлестывает паника.

— Молчи! Ничего не говори, Лайэм. Ничего! Он застонал, потом отвел ее пальцы и поцеловал их дрожащие кончики.

— Я знаю, что тороплю тебя. Я бываю таким, когда на что-то нацеливаюсь. Ясно, что так вести себя нельзя. Лишь вчера ты была девственницей и была влюблена в другого мужчину. Я могу понять, что ты еще не совсем разобралась в своих чувствах. Но я тоже умею быть терпеливым, — горячо заявил он. — И очень целеустремленным. Ты обязательно будешь моей, Молл. Борись со мной, если хочешь. Я обожаю хорошую борьбу. Но к Новому году ты станешь моей невестой, с кольцом на пальце и с настоящей любовью ко мне в сердце.

Она смотрела на него широко открытыми глазами. И чуть не призналась ему во всем, но удержалась. Потому что знала, что должна увериться в нем, должна дать ему побороться за нее и за ее любовь. Справедливость требовала, чтобы после стольких лет страданий и тоски, выпавших на ее долю, она не стала для него слишком легкой добычей.

Мужчины не ценят то, что им легко достается. А Лайэм должен ценить ее. Она этого заслуживает.

— К Новому году? — переспросила она, лихорадочно соображая. До Нового года десять месяцев. Десять месяцев ему на погоню за ней, на ухаживание — на то, чтобы завоевать ее. Эта мысль всколыхнула все ее чувства. — Что ж, до той поры я, наверно, успею понять, что такое мое чувство к тебе — настоящая любовь или просто увлечение. После фиаско с мистером Икс я хочу быть уверена...

— Ты будешь уверена, любимая. Не беспокойся. Я об этом позабочусь!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Праздник был в полном разгаре — многолюдная и разноликая толпа собралась в доме Делани отпраздновать канун Нового года и помолвку Лайэма с его давней приятельницей и соседкой Молли Маккрэй.

Счастливые виновники торжества были одеты как приличествует случаю. Гордый будущий жених был просто великолепен в стильных темно-синих брюках, синей рубашке с открытым воротом и шелковой спортивной куртке кремового цвета. Будущая невеста выглядела изумительно в открытом вечернем платье из изумрудно-зеленого атласа, а ее длинную, элегантную шею украшало потрясающей красоты золотое кольцо с изумрудами — рождественский подарок влюбленного жениха, один из многих, которыми он осыпал ее за последний год.

Лайэм совершенно избаловал Молли, подарив ее дорогой одеждой и украшениями, цветами, шоколадом и духами. Он научил ее ездить на своей новой «мазде» и купил бы ей машину, если бы она ему позволила. Еще были фантастические вылазки вдвоем, уик-энды в романтических местах, призванные обольстить и смягчить даже самое жестокое сердце.

А Молли не была жестокой. И Лайэм это знал.

Но завоевать ее оказалось на удивление трудным делом. Он никогда не был абсолютно уверен в ее чувствах. Она держала его в постоянном напряжении, часто опаздывала на свидания, а иногда даже осмеливалась и отменять их. С ней он никогда ничего не знал наверняка, и это одновременно раздражало и интриговало его.

И только в том, что касалось занятий любовью, он был уверен в своей власти над ней. Здесь она была словно глина в его руках, таяла при малейшем прикосновении, быстро возбуждалась и всегда была готова, независимо от того, как часто он хотел ее и где именно.

Она никогда не говорила «нет», даже если была опасность, что их увидят. Выбор таких рискованных мест — укромный уголок за скалами на берегу или последний ряд пустого кинотеатра — смягчал ощущение неуверенности, которое она ему внушала. В эти моменты, когда она бывала готова пойти на любой риск ради того, чтобы быть с ним, он почти чувствовал, что любим. Без сомнения, сексуально она жаждала его, не могла ему отказывать. Но любовь ли это?

Она никогда не говорила, что любит его. То есть не говорила этого прямо.

Вплоть до самого Рождества, когда он преподнес ей обручальное кольцо, каким могла бы гордиться Элизабет Тейлор. Это был огромный желтоватый алмаз бриллиантовой огранки, оправленный в золото. Но все решили слова, которые он при этом произнес.

— Я заплатил за него целое состояние, Молл, — сказал он. — Но никакое состояние ничего для меня не значит без тебя. Выходи за меня замуж, любовь моя. Я очень тебя люблю и думаю, что ты тоже меня любишь. Тебе не обязательно это говорить, если ты не хочешь, но мне было бы приятно хотя бы раз услышать это от тебя.

Молли пристально посмотрела на него и вдруг разрыдалась. Он крепко прижал ее к себе и услышал те слова, которые страстно хотел услышать весь год.

— Конечно, я люблю тебя. Разве ты этого еще не знаешь? Я люблю тебя, Лайэм. Люблю... Люблю...

Сейчас он посмотрел на нее через толпу в гостиной, и взгляды их встретились. Она улыбнулась ему, ее зеленые глаза сияли. Эта улыбка не так уж отличалась от ее прежних улыбок, но сегодня в ее глазах светилась любовь. И почему он раньше этого не замечал?

Лайэм собирался пересечь комнату и присоединиться к ней, когда кто-то вдруг прикоснулся к его локтю.

— Привет, красавчик. Если бы я не была замужем, то уж потягалась бы с Молли.

Это была Джоан, подруга Молли, из библиотеки.

Лайэм улыбнулся.

— Вам пришлось бы очень постараться. Джоан кивнула.

— Вы правы. Молли замечательная девушка, и я очень за нее рада. Вы не знаете, как вам повезло.

— Ну, думаю, что знаю...

— Она ведь так давно вас любит.

Лайэм уже собирался сказать, что ничего об этом не знал, но потом остановился. Именно в этот момент он увидел, что Джоан витает где-то в ином мире, улыбаясь чему-то своему.

— Я все еще помню тот день, когда она пришла в библиотеку и рассказала мне о мистере Икс. Вы, должно быть, помните мистера Икс, Лайэм, — добавила она, подняв на него глаза.

— Даже слишком хорошо, — сухо сказал Лайэм, поднося к губам бокал, который держал в руке.

Джоан тихо засмеялась.

— Я чуть не лопнула со смеху, когда она мне рассказывала об этом, особенно когда сказала, что вы ни о чем не догадались. Это действительно очень смешно, хотя и довольно типично для мужчин — не видеть дальше собственного носа. Но я полагаю, что вы с тех пор немало посмеялись вместе над этой историей.

— Какой историей?

— Ну, что мистер Икс — это вы.

Бокал Лайэма замер на полпути ко рту, а сам он уставился на Джоан поверх бокала. Она сморщилась и застонала.

— Святые небеса, так вы не знали! А я всегда считала, что она рассказала вам. О Господи!

Вот так неожиданность! Мистер Икс — это он сам! Голова у него шла кругом от этой новости и всех возможных ее интерпретаций. Молли любила его с самого начала. Но она и лгала ему, смеялась над ним, манипулировала им. Она — интриганка, как и предупреждала Рокси.

Горечь и отвращение заслонившие все другие чувства, отразились у него на лице.

— Вы даже не смейте так думать, — предостерегающим тоном сказала Джоан. — Не смейте! Эта девочка вас любит. Нет, она вас боготворит. И всегда боготворила. А вы разве это замечали? Да ничего подобного! Вы преспокойно жили себе своей красивой, необременительной жизнью, бросая ей крохи с вашего стола, когда вам хотелось. Вам не было никакого дела до ее чувств. Вы принимали ее как должное и разбили ей сердце.

— Но это не...

— Да замолчите же и послушайте! — резко бросила Джоан. — Что такого, если она хотела сохранить чувство собственного достоинства, придумав мистера Икс? Что такого, если это ее немного развеселило? У нее в жизни было не слишком много радости. Отдайте ей должное, Лайэм. Когда у нее появился шанс, она сделала все, чтобы не упустить его. Она изменилась ради вас, лгала ради вас, боролась за вас. И завоевала вас, клянусь Богом, — завоевала вашу любовь и уважение. Посмотрите на нее, Лайэм. Она красивая и очень храбрая женщина, одна на миллион. Не смейте говорить ей, что я рассказала вам о мистере Икс. Не отнимайте у нее гордость. Пусть она и дальше думает, будто вы верите, что был у нее однажды в жизни некий мистер Икс, потому что ей это, может быть, нужно. Может быть, она... Боже мой, она идет сюда. Обещайте мне, Лайэм. Обещайте, что ничего ей не скажете.

— Обещаю, Джоан, — честно ответил он. — И спасибо вам... за то, что заставили меня увидеть

наконец правду.

Лайэм смотрел, как его невеста идет к ним и нежная улыбка освещает ее чудесное лицо. Он почувствовал невероятное волнение, когда до него дошел смысл того, что сказала Джоан. Молли всегда любила его. О, какой жестокой бывает иногда жизнь. И какой прекрасной.

Он понимал теперь, почему так сильно ее любит. Потому что она очень любит его. Должно быть, он это ощущал на каком-то подсознательном уровне, знал, что дать ей уйти было бы самой непростительной глупостью с его стороны. Он поклялся, что никогда не даст ей уйти. Никогда!

— О чем это вы тут шепчетесь, словно двое заговорщиков? — спросила она, переводя взгляд с одного на другую. — У тебя был очень серьезный вид, Джоан. И у тебя тоже, любимый.

Сердце Лайэма чуть не выскочило из груди. Никогда еще слово «любимый» в ее устах не звучало так ласково и трогательно. Он обнял ее за тонкую талию и привлек к себе.

— Мы очень серьезно обсуждали вопрос о том, что значит иметь детей сейчас, в наше время, не правда ли, Джоан? Мы пришли к мнению, что это трудное дело, но я все равно готов рискнуть.

Он увидел блеск радостного удивления у нее в глазах.

— Я как раз собиралась поговорить с тобой о детях. Я... мне хотелось бы завести ребенка как можно скорее, но я не знала, как ты на это посмотришь...

Нет, подумал он. Она все еще не уверена в нем. Это у нее от тех лет, когда он не замечал ее. Вот почему она поддерживала неуверенность и в нем. Она защищала себя, заставив его доказывать снова и снова, что он любит ее. Он понимал теперь, что предстоит еще очень много сделать, чтобы она наконец почувствовала абсолютную надежность его любви.

Он ободряюще улыбнулся ей и ласково прижал к себе.

— А что значит это «как можно скорее»? Она смущенно засмеялась.

— Как насчет девяти месяцев после свадьбы?

— А как насчет шести? — ответил он вопросом на вопрос, опять прижимая ее к себе. — Свадьба намечается на март.

— Я, пожалуй, пойду, не буду вам мешать, — изрекла Джоан и отошла от них.

Лайэм засмеялся.

— Мне нравится твоя Джоан. Пожалуй, надо будет пригласить ее в крестные матери к нашему первому ребенку.

— К нашему... первому ребенку?

— Ты ведь не думаешь, что у нас будет только один ребенок? Все знают, что такие дети получают ужасно избалованными.

— Да...

Он поцеловал ее. Потом поцеловал еще раз.

— Давай сбежим куда-нибудь, а? — пробормотал он в ее дрожащие губы.

— Куда? Надолго мы уйти не можем, а гости заполнили весь ваш дом, проникли даже к тебе в спальню.

— А как насчет твоей?

Молли вздрогнула от неожиданности.

— Моей? Но она... там только односпальная кровать.

Лайэм взял ее за руку и потащил из комнаты.

— Односпальные кровати как раз и созданы для влюбленных...

Наступление полуночи было встречено аплодисментами, громкими криками, свистками и гудением клаксонов. Люди высыпали из домов на улицу. Все целовались, смеялись, поздравляли друг друга. «С Новым годом, с новым счастьем!» — слышалось со всех сторон.

* * *

Девять месяцев спустя у мистера и миссис Лайэм Делани родился ребенок. Мальчик. Обе бабушки были в восторге и одобрили его имя. Сэксон. Но их радость не шла ни в какое сравнение с радостью матери. У нее на руках лежал ребенок Лайэма, и это избавило ее наконец от последних остатков сомнений, которые назойливо одолевали ее, шепча ей, что это не ее он на самом деле любит, а созданный ею миф, ту новую Молли, которая отчасти была фальшивой.

Но за долгие, мучительные часы родов, когда она выглядела совсем не лучшим образом, когда она плакала, ругалась и обливалась потом, она поняла, что мужчина, который держал ее руку в своей и вытирал ей лицо, действительно любит ее, Молли. Она видела это в его заботе, его терпении, его нежности. Но лучше всего она видела это в его глазах, потрясающих синих глазах.

Его глаза были полны настоящей, непритворной любви к ней.

Лайэм любит именно ее, Молли, — простую, надежную девушку, которая всю жизнь любила его.

Она больше никогда не будет в этом сомневаться, а он никогда не даст ей повода для сомнений.